

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Менжулин Виктор Алексеевич

**БОРЬБА С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И ПРЕСТУПНОСТЬЮ В
ВОРОНЕЖСКОМ РЕГИОНЕ
в 1920–1930-е гг.**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Филоненко Татьяна Владимировна

Воронеж – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3 – 22
Глава 1. Основные аспекты и направления становления общегосударственной системы по борьбе с детской беспризорностью и подростковой преступностью в Воронежском регионе	23 – 64
1.1. Факторы, детерминировавшие беспризорность и подростковую преступность	23 – 37
1.2. Складывание государственной системы по защите и спасению детей, её структура и трансформация	37 – 52
1.3. Вопросы правового регулирования общественных отношений в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних	52 – 64
Глава 2. Государственные органы и общественная инициатива в поисках путей преодоления беспризорности	65 – 151
2.1. Воронежская детская комиссия по улучшению жизни детей: цели учреждения, основные направления деятельности, итоги	65 – 94
2.2. Деятельность советской общественности в решении проблемы детской беспризорности: степень вовлечённости и формы участия	94 – 122
2.3. Правоохранительная система в борьбе с беспризорностью и преступностью среди несовершеннолетних	122 – 152
Глава 3. Особенности повседневной жизни детских учреждений закрытого типа	153 – 233
3.1. Материальная база детских учреждений: финансовые сметы и реальное положение	153 – 180
3.2. Кадровый состав детских домов: трудности подбора	180 – 209
3.3. Социализация воспитанников детских учреждений: намеченные цели и достигнутые результаты	209 – 233
Заключение	234 – 239
Список сокращений	240 – 240
Источники и литература	241 – 255

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Россию за всю её многовековую историю нередко потрясали различные внутренние и внешние катаклизмы, которые негативным образом влияли на самые уязвимые области человеческого общества – традиционные семейные ценности, демографию, положение детей и подростков. Начало XX в. стало чрезвычайно тяжёлым периодом в развитии страны, когда пришлось пережить революции 1905 и 1917 гг., Первую мировую и гражданскую войны, крах прежней социально-политической системы и становление новой. Эти события и процессы сопровождались огромными человеческими жертвами, возникновением кризисных явлений практически во всех сферах жизни общества. В трудном положении оказалось подрастающее поколение, широкое распространение получили такие явления, как младенческая смертность, сиротство, беспризорность, безнадзорность, детская преступность. Решать столь сложные социальные проблемы советскому государству приходилось в условиях острой политической борьбы, внешнего давления, восстановления и модернизации экономики, социокультурной трансформации.

Учитывая то обстоятельство, что обострение ситуации в стране с неизбежностью приводит к значительным трудностям в детской среде, возникает потребность в осмыслении исторического опыта преодоления властью и обществом детской беспризорности и преступности. Обращение к историческому прошлому, его анализ даёт возможность избежать допущенных ранее ошибок, выработать эффективные программы борьбы с асоциальными явлениями среди детей, что представляет наряду с научной, несомненно, и практическую ценность. Результатом осознания на государственном уровне важной роли, которую в современном мире играет детская политика, стало принятие в 2019 г. национального проекта «Демография», направленного на поддержку семей с детьми. Изучение опыта борьбы с детской беспризорностью и преступностью в Воронежском регионе

в 1920–1930-е гг. позволяет внести вклад в лучшее понимание происходивших в стране общественных процессов, а также особенностей разработки и реализации социальной политики.

Объектом исследования стала отечественная социальная история и политика, реализовавшаяся в отношении детей и подростков в 1920–1930-е гг.

Предметом изучения является история деятельности органов государственной власти и советской общественности по преодолению беспризорности и детской преступности в Воронежском регионе и её результаты.

Степень изученности темы. Историографию детской беспризорности и подростковой преступности, по-прежнему остающихся актуальной проблемой для изучения, условно можно разделить на два больших этапа: советский и современный. В разное время данная тематика вызывала повышенный интерес со стороны историков, педагогов, социологов, культурологов, юристов, медиков.

В начале XXI в. в отечественной исторической науке сложилась традиция подразделять советский этап на несколько периодов: 1920-е – начало 1930-х гг.; середина 1930-х – первая половина 1950-х гг.; середина 1950-х – первая половина 1980-х гг.¹

Изучение данного вопроса началось ещё в 1920-е гг. Появлявшиеся работы отражали практическую сторону деятельности тех, кто занимался ликвидацией беспризорности. Предлагаемые в литературе методы борьбы с рассматриваемым явлением применялись на практике.

В первой половине 1920-х гг. выходят книги врача Л. М. Василевского и юриста П. И. Люблинского. В них исследователи пытались дать определение понятию «беспризорность». П. И. Люблинский выделял разные виды

---

¹ См., напр.: *Блонский Л. В.* Детская беспризорность в СССР периода НЭПа: опыт ликвидации (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 5.

беспризорности в зависимости от факторов, её порождающих². Л. М. Василевский определял непризорность как сумму неблагоприятных для развития ребёнка условий³. Кроме того, оба автора отражали понимание непризорности как фактора преступности, поэтому, по утверждению Л. М. Василевского, специально созданные в 1918 г. Комиссии по делам несовершеннолетних старались войти в положение малолетнего преступника и не наказывать его.

Большим вкладом в изучение повседневной жизни непризорного ребёнка стало исследование Маро (М. И. Левитиной) «Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы». Она определяет непризорного как ребёнка, лишённого сознательного влияния организованной педагогической среды⁴. М. И. Левитина затрагивала и социологические вопросы: о классовом составе, семейном и экономическом положении непризорных. Она делала вывод, что основной состав непризорных – дети трудящихся, и тем больше их количество, чем ниже заработок родителей. Автор проанализировала жилищные условия и обстановку жизни непризорных. Также она описывала те «профессии», в которые втягивались непризорные, попадая в организацию преступного мира на улице. Характерно, что убийцы встречались очень редко, в основном преступления были связаны с воровством. Большое значение автор придавала песням непризорных как отражению их быта.

Анализу причин детской непризорности и накопленному опыту работы с этой группой детей была посвящена работа Е. С. Лившиц «Социальные корни непризорности». Для оценки причин детской непризорности использовались материалы в основном о детях-правонарушителях, что видится довольно спорным. Также Е. С. Лившиц

---

² Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923. С. 58.

³ Василевский Л. М. Голгофа ребенка. Непризорность и дети улицы. Л.–М., 1924.

⁴ Маро (Левитина М. И.) Непризорные. Социология. Быт. Практика работы. М; Л., 1925.

утверждала, что причину беспризорности нужно искать не в индивидуальных свойствах детей, а в социально-экономических факторах⁵.

Довольно подробно освещалась проблема в трудах М. С. Богуславского и С. В. Познышева. Среди трудностей в преодолении беспризорности М. С. Богуславский, прежде всего, называл тяжелое положение в области воспитания и обучения умственно-отсталых, слепых и глухонемых подростков. Несмотря на то, что их воспитание требовало больших затрат, таких детей всё же пытались привлечь к трудовой деятельности, для них создавались специальные учреждения⁶. С. В. Познышев утверждал о невозможности осуществления точного подсчёта количества беспризорных из-за того, что разные ведомства приводили разные цифры. Централизованный учёт не велся, а информация с мест отличалась пестротой и неполнотой. Расхождения объяснялись различным пониманием термина «беспризорность» теми органами, которые передавали данные о количестве беспризорных детей⁷. Автор книги предлагал вести учёт по выделенным им видам беспризорности.

Помимо работ отдельных авторов, выпускались сборники статей, посвящённые, как правило, определённым вопросам ликвидации беспризорности и безнадзорности. Одним из основных методов борьбы с детской беспризорностью государство считало создание сети детских учреждений, поэтому заслуживает внимания сборник статей «Наши детские дома и городки». Он включал в себя три статьи, в которых описывался опыт организации работы с воспитанниками разных детских домов. Редактор сборника А. И. Радченко ставил вопрос, что лучше – детдома или городки. По его мнению, целесообразность той или иной формы зависела от конкретных условий времени и места. В сельской местности городки обходились дешевле и имели большие трудовые возможности, они должны были состоять из небольших домиков квартирного типа, весь посёлок в целом обслуживался

---

⁵ Лившиц Е. С. Социальные корни беспризорности. М., 1925.

⁶ Богуславский М. С. Дети улицы. М.; Л., 1927. С. 64–66.

⁷ Познышев С. В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1926. С. 10–11.

общей кухней, столовой, мастерскими и т. д. Небольшие детские дома правильной было располагать в городах с их жилищной теснотой⁸.

Вопросу беспризорности в целом был посвящен сборник статей «На помощь детям», изданный Комиссией по улучшению жизни детей при ВЦИК⁹.

Работы 1920-х – первой половины 1930-х гг. представляются в целом объективными, поскольку в них открыто говорилось о недостатках проводимой государством политики по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, которые подробно анализировались для их устранения в будущем. В статьях и брошюрах того времени был накоплен богатый фактический материал, благодаря которому они стали ценным источником для исследований в данной области. Вполне закономерным видится отнесение этих работ и к источникам, и к литературе.

После официальных заявлений об успешной ликвидации массовой детской беспризорности в середине 1930-х гг. количество работ, посвящённых данной тематике, резко сократилось, а доступ к архивным материалам был значительно затруднён.

Со времён хрущёвской «оттепели» вновь отмечается интерес к данной проблематике. Снова стали возможны публикации в периодической печати¹⁰. Появляются первые защищённые диссертации, посвященные деятельности партийных, государственных и общественных организаций по ликвидации беспризорности¹¹. Несмотря на наличие по-прежнему существовавших

---

⁸ Наши детские дома и городки: сб. статей. М., 1926. С. 5–6.

⁹ На помощь детям: общественно-литературный и научный сборник, посвященный вопросам борьбы с детской беспризорностью. М., 1926.

¹⁰ *Гербеёв Ю. В.* Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в СССР (1917–1935) // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1963. № 1. С. 69–72; *Никитина А. М.* Деятельность первого наркома здравоохранения Н. А. Семашко по улучшению жизни детей (по материалам Центрального государственного архива им. Октябрьской революции) // Вопросы охраны материнства и детства. 1965. № 10. С. 77–79.

¹¹ *Герасимова Г. Г.* Борьба Коммунистической партии и Советского правительства с детской беспризорностью в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) (на материалах Московской и Ленинградской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; *Жукова Л. А.* Государственные учреждения и общественные организации в

цензурных стеснений, стереотипности бытовавших взглядов о правильности проводимых партией и правительством мероприятий, отсутствии противоречий при описании сложных социальных явлений 1920–1930-х гг., диссертации позволили ввести в научный оборот новые архивные документы.

На рубеже 1980–1990-х гг., в результате вызванных «перестройкой» изменений, страна вновь столкнулась с детской беспризорностью. Как следствие, опыт её ликвидации и последующей профилактики в ранний советский период оказался необычайно востребованным, что привело к появлению новых работ по данной тематике. Предметом рассмотрения исследователей стали самые разные аспекты борьбы с беспризорностью и безнадзорностью, в том числе связанные с репрессивной политикой государства и деятельностью карательных органов.

На этом фоне выделяются такие исследователи как А. Ю. Рожков¹², В. М. Королёва¹³, Е. М. Балашов¹⁴, С. Д. Гладыш¹⁵ и другие. Освобождение от идеологической предвзятости, снятие цензурных ограничений вкупе с открытостью архивохранилищ способствовали широкому изучению беспризорности на материалах разных регионов, особенно Поволжья, многострадалные губернии которого оказались наиболее охваченными голодом начала 1920-х гг. и на территории которых развернули свою деятельность иностранные благотворительные организации¹⁶.

борьбе за ликвидацию детской беспризорности в РСФСР (1917–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. Справедливости ради отметим, что первая диссертация (правда, педагогических наук) по проблеме беспризорности была защищена В. Я. Ионовой в 1950 г. в Омске: *Ионова В. Я.* Педагогические высказывания Ф. Э. Держинского и его борьба с детской беспризорностью в СССР: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 1950.

¹² *Рожков А. Ю.* Беспризорники // Родина. 1997. № 9. С. 70–76.

¹³ *Королёва В. М.* Социально-правовая охрана несовершеннолетних (20–30-е гг.). Ростов н/Д, 1996.

¹⁴ *Балашов Е. М.* Становление советской системы народного образования. Октябрь 1917 – весна 1921 г. (На материалах Петрограда): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1992; *Его же.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб, 2003.

¹⁵ *Гладыш С.* Дети большой беды. М., 2004.

¹⁶ См., напр.: *Никитин С. А.* Как квакеры спасали Россию. М., 2020.

Серьёзный вклад в исследование темы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в Советской России и СССР в период 1917–1952 гг. внёс историк А. А. Славко. По данной проблематике им были защищены две диссертации. Так, в кандидатской диссертации им был сделан вывод, что работа по борьбе с детской беспризорностью к 1927 г. приобрела плановый характер, но при этом были решены далеко не все поставленные задачи. В докторской диссертации он отмечал, что в более поздний период государству удалось добиться поставленных целей в области сокращения количества беспризорных и безнадзорных детей. Однако это достигалось путём ужесточения методов борьбы с беспризорностью, что негативно отражалось на самих же несовершеннолетних.

В трёх монографиях¹⁷, явившихся синтезом кандидатской и докторской диссертаций, А. А. Славко обратился к анализу массовых источников по проблеме, которые позволили ему рассмотреть состав и структуру беспризорников как социальной группы. Учёный охарактеризовал существовавшую систему учёта и отчётности по детской беспризорности и безнадзорности, воссоздал социальный портрет беспризорного ребенка. По его мнению, несмотря на приложенные усилия, детская беспризорность не была ликвидирована полностью. Автор акцентирует внимание на том, что одной из важнейших причин массовой детской беспризорности и безнадзорности явилась репрессивная политика государства.

Особо значимой для изучения проблем детства раннего советского периода, позволяющей структурировать основные направления совместных усилий государства и общества в преодолении беспризорности, является фундаментальная монография Т. М. Смирновой «Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни». В ней главный научный сотрудник Центра социальной истории России ИРИ РАН, используя

---

¹⁷ Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005; *Его же*. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Советской России 1917–1952 гг. Сыктывкар, 2009; *Его же*. История беспризорного и безнадзорного детства в России: конец 1920-х – начало 1950-х годов. Чебоксары, 2012.

комплексный подход к источникам, исследовала «болевы́е точки» жизни детей и подростков, а также проследила соответствие провозглашаемой советским государством политики в отношении охраны материнства и детства повседневным реалиям того времени¹⁸.

Проблема беспризорности и безнадзорности в Советской России и СССР 1920–1930-е гг. привлекала внимание ряда зарубежных исследователей. К примеру, в Марбургском университете в Германии под руководством Гётца Хиллига и Зигфрида Вайтца с 1968 г. работала лаборатория «Макаренко-реферат», занимавшаяся изучением педагогического наследия А. С. Макаренко и его биографией. Кроме того, З. Вайтц исследовал вопросы детской беспризорности и преступности в СССР¹⁹. Другие зарубежные историки: А. М. Болл²⁰, Ш. Фицпатрик²¹, К. Келли²², О. Файджес²³ – в работах, посвящённых беспризорным детям в СССР в 1918–1930 гг., использовали в качестве источниковой базы материалы и литературу, в силу разных причин недоступные для их российских коллег. В своих трудах они анализировали причины детской беспризорности, изучали образ жизни беспризорников, затрагивали вопросы работы пенитенциарной системы и «перековки» личности подростка с помощью труда, усиления влияния НКВД с середины 1930-х гг. и дискредитации педологии как науки.

Как можно убедиться, историография детской беспризорности и подростковой преступности на современном этапе существенно отличается от предшествующего советского – как по общему количеству публикаций, так и широте тематического охвата. Однако, несмотря на это, а также введение в

---

¹⁸ *Смирнова Т. Н.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940. М.; СПб., 2015.

¹⁹ *Weitz S.* Geschichte der Jugendverwahrlosung in der Sowjetunion. Band 1–2. Marburg, 1990.

²⁰ *Ball Alan M.* And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley, 1996.

²¹ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М., 2001.

²² *Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991. New Haven; London, 2007.

²³ *Figes O.* The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. London, 2008.

научный оборот новых источников, многие вопросы продолжают носить дискуссионный характер, а подход к их решению остаётся неоднозначным.

Анализ электронного каталога РГБ (на основе поиска по ключевому слову «беспризорность») позволил выявить порядка двадцати диссертаций на соискание учёной степени кандидата исторических наук, защищённых в начале XXI века²⁴. Все работы написаны преимущественно на основе местных материалов и охватывают различные регионы нашей страны: Поволжье, Северо-Запад (Карелия, Ленинград), Центральная Россия (Курск, Пенза), Юг (Ставрополье, Кубань, Северная Осетия), Урал, Сибирь (Иркутск, Красноярский край), Дальний Восток. Две работы, посвящённые преодолению непризорности в Советской Украине в 1920–1930-е гг., написаны и защищены за пределами современной России²⁵.

Безусловно, количество работ, посвящённых истории детства раннего советского периода (от революции до Великой Отечественной войны), гораздо больше, поскольку тема эта широка и многогранна²⁶. Стойкий интерес, проявляемый исследователями к ней с начала 2000-х гг., говорит о её востребованности в современной историографии и вместе с тем о попытках прийти к объективному, взвешенному анализу проблемы, освободившись от разного рода идеологических клише.

В то же время следует отметить, что проблемы непризорности и связанной с ней подростковой преступности на территории Воронежского региона в 1920–1930-е гг. долгое время оставались и по-прежнему остаются

---

²⁴ См.: <https://search.rsl.ru/ru/search#ef=1&af=1&vc=07.00.00&q=беспризорность> [Дата обращения: 26.06.2023].

²⁵ *Диптан И. И.* Деятельность чрезвычайных государственных органов борьбы с детской непризорностью в Украинской ССР: (1919–1932 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1991; *Зинченко А. Г.* Детская непризорность в советской Украине в 20-х – первой половине 30-х годов XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Запорожье, 2000.

²⁶ См., напр.: *Пащенко Н. В.* Проблемы работы с детьми и несовершеннолетней молодежью в первые годы НЭПА: на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006; *Федотова А. Ю.* Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011; и др.

вне поля зрения историков, из-за чего региональный аспект темы потребовал детальной разработки, кропотливого изучения и обстоятельного анализа.

Целью диссертации является изучение опыта борьбы с детской беспризорностью и преступностью, а также выявление комплекса мероприятий по их профилактике на территории Воронежского региона в 1920–1930-е гг. со стороны органов государственной власти, общественных организаций и частных лиц. Для достижения поставленной в ходе исследования цели потребовалось решить ряд **задач**:

- установить причины, способствовавшие распространению детской беспризорности и преступности в Воронежском регионе;
- изучить основные аспекты деятельности местного аппарата Детской комиссии по улучшению жизни детей и его результаты;
- выявить формы и способы участия представителей общественности в борьбе с беспризорностью;
- охарактеризовать материальную базу детских учреждений;
- определить роль правоохранительных органов и использованные ими методы в преодолении беспризорности и борьбе с несовершеннолетними преступниками;
- исследовать различные аспекты повседневной жизни воспитанников в детских учреждениях;
- проанализировать направления проводившейся детдомами социализации воспитанников для их последующей интеграции в советское общество.

Хронологические рамки диссертации охватывают период 1921–1938 гг. и совпадают со временем существования Детской комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и её местного аппарата. В результате Гражданской войны и разразившегося в 1921 г. голода, детская беспризорность приобрела угрожающие масштабы, став большой проблемой для молодой советской республики. Только к началу 1920-х гг., после окончательной победы большевиков в гражданском противостоянии, государство смогло

высвободить силы, внимание и ресурсы, направив их на решение «детского вопроса». В принятом 31 мая 1935 г. постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» властями был взят твёрдый курс на окончательное изжитие этих явлений из советской повседневности. Последующие несколько лет местный аппарат Детской комиссии занимался претворением основных правил Постановления в жизнь. Обозначенные хронологические рамки позволяют проследить борьбу с беспризорностью и безнадзорностью в Воронежском регионе в развитии, учитывая вместе с тем исторический контекст.

Географические рамки исследования соответствуют административным границам Воронежской губернии в период её существования в 1920-е гг., а затем её территории в составе Центрально-Чернозёмной (1928–1934 гг.) и Воронежской (1934–1938 гг.) областей.

Источниковой базой исследования стали многочисленные документы, отражающие проблему беспризорности и безнадзорности в стране и регионе и посвящённые преодолению этих явлений. Диссертация базируется на комплексном подходе к источникам. В ней представлены как опубликованные, так и не опубликованные ранее материалы.

Основным видом источников, позволившим раскрыть проблему в полной мере, послужили архивные материалы, сосредоточенные в трёх архивохранилищах: одном федеральном и двух региональных. Так, Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) располагает богатым фондом Детской комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК (Р–5207). В нём нашли отражение драматичные сюжеты, посвящённые ситуации начала 1920-х гг. и спасению детей от голодной смерти усилиями уполномоченных Деткомиссии в Воронежской губернии. Благодаря этим материалам удалось выяснить имена первых уполномоченных, стало понятным, когда произошла трансформация института губернских уполномоченных Деткомиссии ВЦИК в её местный аппарат, удалось выявить и проанализировать основные направления деятельности Воронежской

Деткомиссии, а также познакомиться с документами о многочисленных проверках детских учреждений региона, проводимых на протяжении 1920–1930-х гг. Интересными были материалы о состоянии детской преступности в начале 1930-х гг. и перипетиях, сопровождавших трудоустройство выпускников детдомов на производство и в сельское хозяйство после принятия постановления 31 мая 1935 г.

В фонде ВЦИК (Р–1235) любопытным было дело о попытке выселения в 1921 г. железнодорожных служащих из посёлков при станции Отрожка для последующего размещения в них детской сельскохозяйственной колонии. Фонды Совета министров РСФСР (А–259) и Главного управления мест заключения (Р–4042) содержат материалы о налоговых льготах, распространённых в конце 1920-х гг. на учреждения и мастерские Деткомиссии и общества «Друг детей», о разрешении устройства постоянных лотерей, о совещании в редакции газеты «Комсомольская правда» по освещению опыта борьбы с беспризорностью в СССР и созданию Информбюро. Материалы фондов Наркомата внутренних дел РСФСР (Р–393) и Комиссии ВЦИК по пересмотру и доукомплектованию личного состава милиции (Р–8434) отражают тенденции в решении кадрового вопроса в правоохранительных органах, сотрудникам которых предстояло бороться с подростковой преступностью.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО) располагает целым рядом фондов, представляющих несомненную ценность для проведения данного исследования. Наиболее информативными являются фонды областной и губернской Детской комиссии по улучшению жизни детей (Р–1417, Р–1418, Р–1419), содержащие в общей сложности 374 дела, размещённых в 8 описях. Здесь представлены материалы об основных аспектах деятельности этого межведомственного учреждения и отчёты о проделанной работе, о мероприятиях по борьбе с беспризорностью и т. д. Ценную информацию удалось почерпнуть также в фондах органов народного образования (Воронежского, Борисоглебского, Острогожского), некоторых

органов исполнительной власти – данные по обследованию детдомов, комплектование их кадрами, организация трудовых колоний, работа по привлечению общественности, отчёты милиционеров о скоплении беспризорных в разных частях города и звучавшие предложения по искоренению этих явлений.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО) позволил через представленные в нём фонды посмотреть на вопрос ликвидации беспризорности со стороны партийных структур. В фондах Губкома РКП (б) и Обкома ВКП (б) отложились материалы по истории беспризорности, её причинах и текущем состоянии, уровне преступности среди несовершеннолетних в 1930-е гг. Различного рода информационные обзоры и аналитические записки, подготовившиеся для партийного руководства области начальником НКВД, секретарём облисполкома и другими лицами, отражали реальную картину происходившего, как правило, значительно отличавшуюся от официальной. Также здесь можно познакомиться с выводами рабоче-крестьянской инспекции о результатах работы Деткомиссии и других органов власти по преодолению беспризорности. Фонд губернского комитета ВЛКСМ содержит данные о проверках детских учреждений, участии пионеров и комсомольцев в их повседневной жизни.

Коллекция редких печатных изданий, собранная в одном из фондов, позволила познакомиться с материалами местных СМИ, на страницах которых публиковался злободневный материал на тему беспризорности и функционирования детских домов. Отраднo, что архив располагает и источниками личного происхождения. Речь, в частности, идёт о написанных в 1970-е гг. рукописных мемуарах ветерана органов внутренних дел Георгия Белозерцева, запечатлевшего в своей памяти помощь детдому в родном селе Шукавке, организованную силами писательницы Е. М. Милицыной в начале 1920-х гг. (Ф. 5297), а также ветерана комсомола Антонины Мазурчук, вспоминавшей опыт сбора беспризорников с городских воронежских улиц из

асфальтовых печек, в которые они забирались на ночлег, отправку их в детдома и последующую работу по розыску родных для реэвакуации в деревню (Ф. 289).

Следует отметить, что материалы многих фондов никогда ранее не вводились в научный оборот и не были известны научному сообществу. Изучение хранящихся в них материалов позволяет решить поставленные в ходе диссертационного исследования задачи.

Большим подспорьем при проведении диссертационного исследования стали опубликованные в начале XXI века сборники документов, посвящённые репрессивной политике советского государства. В таких сборниках, как «ГУЛАГ» (2000) и особенно «Дети ГУЛАГа» (2002) содержатся многочисленные документы, бывшие некогда с грифом «секретно»: о состоянии беспризорности и подростковой преступности, материальной базе и кадровом составе детских учреждений, постановления партии и правительства, приказы НКВД об организации борьбы с беспризорностью, информация о деятельности созданного в 1935 г. в структуре НКВД Отдела трудовых колоний, статистические данные о прошедших через приёмники и трудовые колонии за несколько лет подростках, о судьбе детей репрессированных в 1937–1938 гг. родителей и т. д.

Другой используемый сборник документов – «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» (Т. 1. 1918–1922), отражая работу советских карательных органов, позволил увидеть реальное положение деревни глазами чекистов через составленные ими для своего руководства информационные сводки. Учитывая аграрный характер Воронежской губернии, происходившие события: голод, людоедство, бандитизм, антисоветское настроение крестьянства – находили своё отражение в истории региона, непосредственно влияя на решение «детского вопроса».

Важное место среди опубликованных источников занимают законодательные и нормативные акты, декреты и постановления, регулярно

издававшиеся на протяжении всего изучаемого периода. Они содержат значимую информацию о политике государства по ликвидации беспризорности, формированию системы интернатных учреждений для лишённых родительской опеки детей, позволяют проследить становление советской нормативно-правовой базы в области ликвидации детской беспризорности.

Таким образом, привлечение широкого круга источников, их сопоставление, критический анализ позволили всесторонне подойти к изучению проблемы беспризорности, безнадзорности и подростковой преступности и воссоздать объективную картину борьбы с ними.

Методологическая основа и методы исследования представляют собой комплекс разных подходов, принципов и методов. Так, *многофакторный подход* позволил рассматривать беспризорность и безнадзорность в качестве сложных социальных явлений, вызванных рядом взаимосвязанных социально-экономических, политических, демографических факторов.

Поскольку проблема беспризорности является объектом исследования для учёных из разных областей науки, нами был применён *междисциплинарный подход*. Это дало возможность использовать идеи не только историков, но и педагогов, психологов, юристов.

Принцип историзма является ключевым и основополагающим для научного исследования по истории. Он предполагает изучение всех исторических событий в их развитии, многообразии и взаимосвязи. По этой причине исследуемые в диссертации разнообразные детские учреждения со всеми особенностями своего функционирования и повседневного уклада находившихся в них воспитанников, несмотря на различия, выступают как единая система, вследствие чего их следует изучать с позиции историзма.

Принцип научной объективности позволил беспристрастно проанализировать имеющиеся в историографии оценки проводимых властью и силами общества политики по ликвидации детской беспризорности.

Принцип системности позволил увидеть в детских учреждениях Воронежского региона часть общей системы советских детских учреждений с присущими им всем характерными особенностями.

Также в работе был использован ещё один важнейший принцип исторического исследования – *принцип всесторонности*, без которого невозможно собрать разрозненные факты в единое целое. В рамках нашего исследования это предполагало рассмотрение всей информации о направлениях деятельности, нормативном регулировании, эволюционном развитии государственной политики в отношении детей и подростков с учётом анализа происходящих в стране в данный период социально-экономических и политических процессов.

Большой объём изучаемого материала способствовал использованию *принципа комплексного подхода* в исследовании источников, что повлекло не только их отбор и критический анализ, но и их сравнение, накопление и обобщение полученных результатов.

Использование *историко-генетического метода* дало возможность исследовать и определить основные этапы деятельности воронежской Детской комиссии по улучшению жизни детей в изучаемый временной период, а также условия функционирования детских учреждений закрытого типа.

Общенаучные *методы анализа и синтеза* способствовали отбору, накоплению и обобщению исторического материала.

Совокупность используемых в диссертации подходов, принципов и методов позволила проанализировать разные виды источников и литературы в комплексе, что способствовало значительному повышению уровня достоверности проведённого исследования.

Научная новизна исследования определяется недостаточной изученностью проблемы. Диссертация представляет собой первое полноценное и комплексное изучение опыта борьбы с беспризорностью на территории Воронежского региона в 1920–1930-е гг. В диссертации впервые:

- рассмотрены основные аспекты и особенности становления общегосударственной системы по борьбе с детской беспризорностью и подростковой преступностью в Воронежском регионе;
- исследован штатный состав, цели учреждения и основные направления деятельности Детской комиссии по улучшению жизни детей в Воронежском регионе, а также персональный вклад отдельных её представителей в решение проблем детства;
- выявлены степень вовлечённости и основные формы участия советской общественности в борьбе с детской беспризорностью и преступностью;
- определены основные типы детских учреждений на территории Воронежского региона, в которых предстояло разместить бывших беспризорников;
- изучена материальная база детских учреждений, во многом ставшая основой для последующей социализации воспитанников детдомов;
- проанализирована кадровая политика органов образования в вопросах замещения должностей руководящего и педагогического состава детских учреждений, а также их наполняемости воспитательным персоналом;
- в научный оборот введено большое количество неопубликованных источников из фондов трёх архивохранилищ страны: одного федерального (ГА РФ) и двух региональных (ГАВО, ГАОПИ ВО).

Выносимые на защиту положения диссертации

1. Воронежская губернская (в дальнейшем – областная) Детская комиссия по улучшению жизни детей (ДТК) в период с 1921 по 1938 гг. была единственным органом в регионе, занимавшимся исключительно вопросами беспризорности, детской преступности и поисками путей их преодоления.
2. Существовавшая сеть детских учреждений ни в 1920-е, ни в 1930-е гг. не удовлетворяла всей имеющейся потребности в размещении детей. Состояние детских домов региона в силу разных причин было неудовлетворительным.

3. Проблема детских учреждений и повседневной жизни их воспитанников носила комплексный характер и не ограничивалась исключительно стенами детского дома. Она требовала участия широкого круга заинтересованных лиц: властей разных уровней, обывателей, представителей общественности, производителей и т. д.

4. Государство стремилось к активному привлечению общественности к решению проблемы детской беспризорности и преступности, разработало для неё несколько форм участия, поскольку считало это неотъемлемой частью политики по охране детства.

5. Открытие при детских учреждениях производственных мастерских имело не только воспитательное значение, позволяя приобщать подростков к регулярному труду, но и способствовало выработке у них трудовых навыков, а также знакомству с рабочими профессиями, благодаря чему выпускники детдомов получали возможность трудоустройства на предприятиях. Выделение земельных участков для нужд детских учреждений, наличие подсобного хозяйства при них позволяло преодолеть дефицит продовольствия и существенно улучшить качество питания воспитанников.

6. Если в 1920-е гг. государство и общество находились в поисках путей преодоления детской беспризорности и преступности, то в 1930-е гг., несмотря на сохранение данного общественного явления, ставка делалась на социализацию воспитанников закрытых детских учреждений. Социализация должна была выступить в качестве последующего социального лифта бывшего детдомовца.

7. Детский вопрос выявил конфликт интересов партийных и советских органов власти в 1930-е гг. Хроническое недофинансирование детских учреждений и, как следствие, их слабая материальная база объяснялась нецелевым расходованием средств со стороны местных властей. Выделяемые государством деньги зачастую направлялись на хозяйственные нужды региона, никакого отношения к детям не имеющие.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в возможности использования её материалов при проведении дальнейших исследований по социальной истории России, истории Воронежского края, для создания как региональных, так и обобщающих трудов по истории детства, повседневности, социальной политики. Результаты диссертации будут полезны при разработке современных социальных и воспитательных программ, в деятельности по преодолению негативных явлений в детской и подростковой среде. Положения работы могут стать ценным источником информации в ходе подготовки лекционных и специальных курсов по социальной истории, предназначенных для студентов гуманитарных и юридических направлений, в преподавании отечественной новейшей истории в высших учебных заведениях.

Степень достоверности результатов диссертационной работы обуславливается значительным количеством и высокой степенью репрезентативности привлечённых документальных архивных и опубликованных источников, широким кругом проанализированной научной литературы, адекватностью применяемой методологии, строгим следованием принципам научного исследования, тщательным анализом используемого материала, доказательностью аргументации.

Апробация результатов. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, были представлены в докладах на следующих научных конференциях: Пятнадцатая региональная научная конференция «Общество и власть в контексте истории, политологии и социологии» (г. Воронеж, ВГУ, 2021), Шестнадцатая региональная научная историко-обществоведческая конференция «Власть и общество в прошлом и настоящем» (г. Воронеж, ВГУ, 2022 г.), Научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторической науки» Всероссийского научно-практического форума «Проблемы гуманитарных наук и образования в современной

России» (г. Воронеж, ВГПУ, 2020, 2021, 2022, 2023 гг.). Результаты исследования представлены в восьми научных статьях, четыре из которых опубликованы в журналах из Перечня ВАК РФ.

Структура работы соответствует задачам и внутренней логике осуществлённого исследования. Диссертация выстроена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, трёх разделённых на параграфы глав, заключения, а также списков сокращений, использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПО БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ВОРОНЕЖСКОМ РЕГИОНЕ

1.1. Факторы, детерминировавшие беспризорность и подростковую преступность

Советская правовая и педагогическая науки в процессе длительной эволюции и широких дискуссий в 1960–1970-е гг. сформировали понимание основных понятий, подлежащих анализу в настоящем исследовании. Под «беспризорностью» понимался социально опасный феномен и практика полного отстранения несовершеннолетнего от семьи и социально-полезного воспитания, утраты им места жительства, учебы и занятий. Беспризорность считалась крайним проявлением безнадзорности — не просто ослабления, а фактического отсутствия попечения от родителей либо лиц, их заменяющих. В результате беспризорности личность несовершеннолетнего в большинстве случаев формируется с преобладанием социально негативных навыков²⁷.

В настоящее время общую методологию анализа указанных явлений, как и факторов их детерминирующих, следует формировать на базе их законодательно закрепленных определений. В соответствии с ФЗ РФ от 24.06.1999 № 120-ФЗ (в ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» безнадзорным считается несовершеннолетний, поведение которого не контролируется по причине полного или частичного неисполнения родителями или лицами их заменяющими, обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию²⁸. Соответственно, беспризорным считается безнадзорный без места жительства (пребывания), учебы (работы).

---

²⁷ Детская беспризорность // БСЭ. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 149.

²⁸ Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

Отграничение данных понятий является предметом дискуссии²⁹, которая не входит в предмет настоящего исследования. В настоящей работе указанные понятия приводятся в значении, соответствующем федеральному закону № 120-ФЗ.

Беспризорность отличает разрыв (как правило, вынужденный) семейных и родственных связей, проживание в непригодных для жилья местах, нерегулярное и в основном нетрудовое добывание средств к существованию, в том числе и путем совершения правонарушений, жизнь в неформальной среде³⁰. Беспризорность была и остается питательной средой детской и подростковой преступности. Сегодня это признано в Концепции общественной безопасности Российской Федерации, утверждённой Президентом РФ 14 ноября 2013 г.³¹. Документ (абз. 5 подп. «б» п. 28) предполагает безнадзорность одной из основных причин роста числа несовершеннолетних преступников. Соответственно, предупреждение безнадзорности, в виде выявления и устранения причин и условий, ей способствующих, остается основным направлением деятельности в сфере обеспечения общественной безопасности. Таким образом, детскую и подростковую преступность следует считать одним из следствий безнадзорности и беспризорности.

Беспризорность, являясь криминогенным фактором механизма преступного поведения несовершеннолетнего, прямо влияет на формирование противоправной ориентации формирующейся личности, ускоряет возникновение преступного умысла. В современных криминологических исследованиях прослеживается прямая связь беспризорности детей и подростков с преступной деятельностью³².

---

²⁹ Камалдинова Э. Ш. Безнадзорность и беспризорность // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 133–134.

³⁰ Нечаева А. М. Детская беспризорность – опасное социальное явление // Государство и право. 2001. № 6.

³¹ Президент России. Официальный портал URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653>

³² Орлова Ю. Р. Криминологическое изучение безнадзорности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. С. 10.

С точки зрения криминологической психологии, детская и подростковая безнадзорность детерминирует девиантное поведение несовершеннолетних. К криминологически значимым качествам беспризорника, способствующим совершению общественно опасных деяний, следует отнести социально-экономические факторы, прежде всего, это материальные трудности, а для 1920-х гг. – нищета, отсутствие жилья, нахождение в специализированных учреждениях (приютах). Социально-педагогические факторы включают невнимательное отношение родителей и педагогов к проблемам ребёнка, наличие и частоту конфликтов в семье. Под психолого-педагогическими факторами подразумевается низкий (для 1920-х гг.) уровень доступа к образованию и связанные с этим отрицательные установки к учебе и работе.

Беспризорность, будучи фактором преступного поведения, под воздействием среды воплощается в реальность преступления. Неблагоприятная социально-экономическая среда (какой она была в российской провинции в 1920-е гг.) усиливала его проявления³³.

В анализируемый период советское государство боролось с беспризорностью и безнадзорностью одновременно. Как законодатель, так и социально-правовая доктрина не дифференцировали эти понятия, чаще всего, употребляя их как синонимы³⁴. Придаваемое им значение поможет выделить, систематизировать и понять факторы, детерминирующие это негативное явление.

Понятие «беспризорный ребёнок» впервые появляется в 1921 г., подразумевая несовершеннолетних, не достигших 18 лет, находившихся полностью вне надзора и попечения родителей или опекунов. Сюда же были отнесены дети и подростки, подвергавшиеся в своей семье жестокому обращению или не имевшие того минимума воспитания и обучения, которые

---

³³ Третьякова О. А. Предупреждение безнадзорности и преступлений несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 8.

³⁴ Сёмина Н. В. Борьба с детской беспризорностью в 1920-е – 1940-е годы в России: на примере Пензенского региона: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. С. 5.

закрепляло действующее законодательство. Кроме того, к беспризорникам причислялись дети, попавшие под «развращающее влияние домашней обстановки», а также и те, кто несмотря на молодость, уже вёл «порочный образ жизни», побирался, бродяжничал или торговал вразнос³⁵.

К середине 1920-х гг. формируется новое, уточнённое понятие «беспризорный», под которым теперь стали подразумевать несовершеннолетнего, оторванного (не от семьи и родителей), а исключительно (в духе времени) от «своей трудовой среды». Следствием такого отрыва считалось попрошайничество или бродяжничество. К категории беспризорных также относили детей, которые обеспечивали сами себя, а нередко и своих младших и иных родственников. В данном случае определяющим фактором выступало наличие не семьи, а труда, а также ситуации, когда ребенок был вынужден содержать себя самостоятельно.

8 марта 1926 г. ЦИК и СНК утвердили Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР. Документ уточнял социальный статус беспризорного, которому могло быть предоставлено полное государственное обеспечение и воспитание. Беспризорниками признавались: полные сироты, не имеющие родственников, которые бы взяли на себя их обеспечение; подкинутые дети; дети и подростки, которые были изъяты из неблагополучных семей по решениям судов либо комитета по делам несовершеннолетних. Как правило, поводом для такого изъятия служили проверки, а основанием – «преступная или порочная жизнь их родителей», чаще всего – пьянство или воровство, кроме того, детей могли изъять за установленное судом злоупотребление родительскими правами, т. е. применение насилия к детям.

В нормативной практике 1920-х гг. понятия «беспризорные» и «безнадзорные» не были дифференцированы и входили в одну общую категорию. Отсюда и факторы, детерминирующие рост детской

---

³⁵ Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х - начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. С. 19.

беспризорности, считались общими с теми, что детерминировали безнадзорность.

В исследуемый период, под влиянием Первой мировой войны, революций, гражданской войны, пандемии «испанки», эпидемий брюшного тифа, голода, проблема детской беспризорности стала глобальной. В Советской России в 1921 г. по разным оценкам насчитывалось от 4,5 млн³⁶ до 7 млн³⁷ беспризорных. При этом большая часть исследователей склоняется к последнему показателю³⁸, куда включаются как официальные, так и оценочные данные, которые Н. К. Крупская называла «необнаруженной беспризорностью», полагая, что о ней все знают и игнорировать эти параметры официально «было бы лицемерием»³⁹. Приведенные показатели, на первый взгляд, могут показаться огромными и даже пугающими, однако, если сравнить их с современными, они таковыми уже не кажутся. По данным Н. В. Сёминой в 2007 г. в России было свыше 2 млн беспризорных детей и подростков, которые находились за рамками государственного и семейного попечительства, не имели постоянного места жительства⁴⁰. Эти данные не подтверждены официальной статистикой, которой сложно учесть лиц, постоянно нигде не проживающих, не работающих и не учащихся. В тоже время эти экспертные оценки позволяют сделать важный вывод о том, что факторы, детерминирующие детскую и подростковую беспризорность (а, значит и преступность), не обусловлены исключительно последствиями войн и революций, как это принято считать относительно беспризорности 1920-х гг. Эти негативные явления проявляются и в сравнительно благоприятных экономических условиях, в обстановке социально-политической стабильности.

---

³⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 187.

³⁷ *Арефьев А. Л.* Беспризорные дети России // Социс. 2003. № 9. С. 61–72.

³⁸ *Рожков А.* Беспризорники // Родина. 1997. № 9. С. 70–76.

³⁹ *Славко А. А.* Динамика численности беспризорных детей в России (1920–1940 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Вып. 11. № 6. С. 160–164.

⁴⁰ *Сёмина Н. В.* Борьба с детской беспризорностью в 1920-е – 1940-е годы в России: на примере Пензенского региона: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. С. 16.

В СССР «корни беспризорности, – как отмечала Н. К. Крупская, – были, в общем и целом ясны». Выражая позицию советского политического руководства, причиной беспризорности она, в первую очередь, называла колоссальные разрушения, которые причинила общественным связям война, а за ней и революция, которая имела «особенную глубину, так как привела к «ликвидации строя, который потерял свои корни в современности...»⁴¹. Также свои корни в этих социальных потрясениях потеряли и дети. Решение проблемы в развитых странах Западной Европы и США видели в семейном (приемном) воспитании и общественной, в том числе и церковной, благотворительности.

Современные российские исследователи, определяют факторы, детерминирующие беспризорность в 1920-е гг. в общем как совокупность кризисов: политического, экономического, социального и идеологического⁴². Особенно значительным было воздействие Первой мировой и Гражданской войн, голода, эпидемий, а также массовых внесудебных и политических репрессий⁴³.

1920-е гг. отмечены широкими дискуссиями о причинах беспризорности. Доминировала позиция, согласно которой это были война и голод. Углубляя это понимание, Е. Лившиц в 1925 г. указывал на то, что беспризорность — это всегда «неизбежный спутник капитализма», отсюда лишь с «исчезновением буржуазного общества», которое было «бессильно уничтожить это явление, не уничтожив основных его причин», можно ожидать исчезновения и этого негативного социального явления. Имея в виду «капиталистический способ производства», автор считала, что для элиминации беспризорности необходимо «уничтожение самого буржуазного

---

⁴¹ Цит. по: «Мы подобрали с улицы еще 2000 детей». Когда в СССР в действительности исчезла побежденная в 1920-х беспризорность // Коммерсантъ Власть. 2014. № 7 24 февраля. С. 68. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2411256> [Дата обращения: 2.08.2021].

⁴² Сёмина Н. В. Указ. соч. С. 14.

⁴³ Славко А.А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х - начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. С. 15.

общества». Сохранение беспризорности в СССР автор в целом обосновано объясняла пока ещё недостаточными темпами возрождения промышленности, а кроме того, сохранявшейся нищетой, голодом и прошедшей войной⁴⁴. Последнюю, как источник беспризорности, признавал и В. Н. Шульгин, в то же время полагая, что она возникла не только и даже не столько из-за войны и голода. Они, как подчеркивал автор, стали лишь «следствием господства буржуазии», стремившейся «по возможности «предохранить» общество от беспризорных», то есть «бороться не с причинами, порождающими беспризорность, а с самими беспризорниками»⁴⁵. Этот подход к анализу проблемы был широко распространен в 1920-е гг., когда с момента революции прошло ещё немного лет и пока можно было ссылаться на буржуазию, войну и голод.

В 1920-е гг. беспризорность вполне объективно объяснялась также и массовой безработицей взрослых, которые не могли прокормить своих детей, как в городах, так и на селе⁴⁶. По понятным причинам авторы работ по беспризорности 1920-х гг. не отмечали одну из основных её причин, заключавшуюся в социально агрессивной политике классовой борьбы, которую вело Советское государство и которая имела прямым следствием голод и массовое сиротство.

Все указанные факторы следует дополнить особым направлением политики раннего советского государства, в рамках которой приоритет отдавался социальному воспитанию детей, а также строго государственной опеке над ними⁴⁷. Общество и, особенно, Церковь власть старалась к этой деятельности не допускать⁴⁸.

---

⁴⁴ Лившиц Е. Некоторые итоги работы с беспризорными правонарушителями за 1924/25 г. // На путях к новой школе. 1925. № 4.

⁴⁵ Шульгин В. Н. Предисловие к кн. Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. М.: Работник просвещения, 1925. С. 4.

⁴⁶ Богуславский М. Борьба с детской беспризорностью в РСФСР // Красная Новь. 1927. № 8.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Политиздат, 1979. С. 47.

⁴⁸ В первые годы советской власти, до окончания массовой социально-политической эмиграции, выявились две тенденции противодействия беспризорности: общественная и

Этот подход был predetermined догматически. В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс ставили задачу «общественного и бесплатного воспитания всех детей», обязательно соединенного с материальным производством. Основоположники марксизма исходили из того, что «нежные отношения родителей и детей», есть не что иное как «буржуазные разглагольствования о семье и воспитании», которые могли «внушать лишь отвращение», вызванное разрушением у пролетариата «всех семейных связей». Причину классики марксизма видели в «развитии крупной промышленности», благодаря которому дети неизбежно, по их мнению, «превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты».

В числе одной из основных причин детской беспризорности 1920-х годов следует назвать и активно проводимую политику дискредитации семьи. Органы образования прямо призывали «изымать детей из-под её «пагубного влияния». Фактически речь шла о национализации детей, которых государство планировало уже с младенчества поместить «под благотворное влияние коммунистических детских садов и школ», окончив которые они могли бы «вырасти настоящими коммунистами». Для этого требовалось лишь одно: «заставить матерей отдать ребенка Советскому государству»⁴⁹, которое, однако, не было готово их принять.

Обладая крайне скудными ресурсами, советское государство, не могло быстро благоустроить несколько миллионов беспризорных. Другие, пусть и быстро слабеющие общественные силы к этому не допускались, так как борьба с беспризорностью изначально стала не гуманитарной, а политической задачей, где должен был быть обеспечен приоритет классовых

государственная. Первая организованная борьба с детской беспризорностью в советской России была начата обществом. Осенью 1918 г. по инициативе В. Г. Короленко в стране возникла независимая общественная организация – Лига спасения детей, возглавляемая Е. Д. Кусковой, Н. М. Кишкиным, Л. А. Тарасовичем, Е. Пешковой и другими представителями русской интеллигенции. Лига была вполне легальной.

⁴⁹ Цит. по: *Славко А. А. Указ. соч. С. 21.*

ценностей. Большевики не могли допустить социализацию беспризорных «классово чуждыми» элементами⁵⁰.

В 1920-е гг. преодоление беспризорности перешло в разряд политических компаний, результаты которых часто оценивались по рапортам с мест об успехах. Так, итогом Всесоюзной переписи населения 1926 г. стало выявление в городах РСФСР лишь 75 тыс. беспризорников⁵¹. В наше время этот показатель воспринимается частью исследователей как достоверный⁵², хотя сложно представить, каким образом можно было переписать беспризорных, которые не имели постоянного места жительства, учебы, работы.

Отметим доминирование в дискурсе конца 1920-х гг. нового идеологически заданного вывода о существенном снижении *уличной беспризорности*, которая, по крайней мере, по отчетам, перестала быть массовым явлением. Новое понятие «уличная», т. е. городская беспризорность, выводила из-под статистики ситуацию на селе, о которой достоверно ничего не было известно.

Задача полной ликвидации уличной беспризорности решалась проверенным методом «кавалерийской атаки». 5 апреля 1928 г. ЦК ВКП(б) дает директиву «в основном» в кратчайшие сроки (год-два) ликвидировать детскую беспризорность, а её так называемую уличную форму – к весне 1929 г. Директива воплотилась в массовые облавы. В ночь с 12 на 13 апреля 1928 г. в больших городах и на железнодорожных узлах прошли «изъятия» беспризорников силами НКВД. Детей и подростков свозили в специально подготовленные приёмники. Беспризорники пытались бежать, но им препятствовали заградительные отряды из сотрудников ОГПУ, милиции и

---

⁵⁰ Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134.

⁵¹ Артамонов П. Задачи борьбы с детской беспризорностью и детдом (К партсовещанию по вопросам народного образования) // Народное просвещение. 1929. № 1. С. 78–89.

⁵² Сажина Н. С. Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921–1928 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

уголовного розыска, которые обеспечивали реализацию девиза акции: «Ни одного беспризорника на улице».

Отметим, что реализуемые на практике мероприятия обычно не имели никакой правовой основы, что нарушало права беспризорных, которые не совершали правонарушений. В этой ситуации были приняты подзаконные акты, которыми бродяжничество и беспризорность с 13 апреля 1928 г. приравнивались к «преступности, подлежащей немедленному искоренению». При этом никаких изменений в действующий УК РСФСР не вносилось.

Определенные организационные успехи, достигнутые во второй половине 1920-х гг. в деле борьбы с беспризорностью, придавали импульс стремлению части руководителей доложить «о формировании реальных предпосылок для постановки вопроса о полной ликвидации детской (особенно уличной) беспризорности в ближайшее время»⁵³. За осторожными формулировками «реальные предпосылки», «поставить вопрос», «ближайший период» крылось стремление побыстрее «спихнуть» проблему, которая не вписывалась в текущую динамику политических задач. Как результат, к концу 1920-х гг. все чаще стали открыто говорить об успехах советской политики в анализируемой сфере, победе над беспризорностью как негативным явлением, чуждым социализму. Выполнение политической директивы ЦК ВКП (б) о ликвидации детской беспризорности «в основном» до 1930 г. шло форсированными темпами, при отсутствии общей реальной, адекватной времени и обстановке социально-педагогической концепции и ресурсов. В результате, по образному выражению А. Рожкова, к концу 1920 гг. борьба с беспризорностью как социальным явлением переросла в борьбу с самими беспризорниками⁵⁴, которые портили отчетную картину перехода к социализму.

Таким образом, к концу 1920-х годов советское государство фактически отказалось от научно обоснованного педагогического воздействия на

---

⁵³ Артамонов П. Указ. соч. С. 80.

⁵⁴ Рожков А. Беспризорники // Родина. 1997. № 9. С. 76.

беспризорных, ускоряя при этом переход ко всеобщему государственному воспитанию безнадзорных и беспризорных детей. По мере продвижения в строительстве социализма, строя свободному от социальных язв и конфликтов, беспризорность как таковая уже объективно не могла существовать, она должна была быть изжита самим новым общественным строем, который позиционировался как самый передовой. Исходя из этого, беспризорность рассматривалась не как социальная проблема, а как девиантное поведение, а затем и как преступность. Соответственно стали корректироваться и меры борьбы с ней. Беспризорников стали автоматически направлять в места лишения свободы, а также трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей. Ситуация всё более напоминала описанные Ч. Диккенсом работные дома для безработных в Англии⁵⁵.

В рамках развития этой тенденции к середине 1930-х гг., был осуществлен переход от социально-педагогической профилактики беспризорности к борьбе с ней силами НКВД. Кроме детских домов создавались детские учреждения открытого и закрытого типов для несовершеннолетних правонарушителей. Это были так называемые трудовые дома, а также трудовые и воспитательные колонии, куда принудительно направлялись как судимые дети и подростки, так и просто беспризорные и безнадзорные. Из таких учреждений было сложно бежать, что обеспечивало социальную изоляцию и иллюзию «отсутствия» беспризорных, по крайней мере, в крупных городах. В тоже время нахождение детей и подростков в криминальной среде, способствовало их криминализации⁵⁶.

Результаты не заставили себя ждать. 19 марта 1935 г., через 17 лет после окончания Первой мировой войны и через 14 лет после Гражданской,

---

⁵⁵ Следует отметить, что уже в XIX в. английские работные дома все больше становились убежищем для престарелых, немощных и больных, а не для трудоспособных бедных, включая подростков. Работные дома были упразднены в Великобритании в 1930 г. и были полностью ликвидированы в 1948 г. после принятия Закона «О Национальной помощи» / Crowther, A. C. *The Workhouse System 1834–1929: The History of an English Social Institution*, Batsford Academic and Educational, 1981.

⁵⁶ *Славко А. А.* Указ. соч. С. 18.

К. Е. Ворошилов направил И. В. Сталину и В. М. Молотову письмо. Член Политбюро ЦК ВКП (б) и Нарком обороны комментировал приложенную к письму вырезку из «Рабочей Москвы» от 15 марта 1935 г., где были изложены «чудовищные формы хулиганства подростков» в Москве и также описывалось «благодушное отношение», а точнее – беспомощность правоохранительных органов. По сведениям начальника управления рабоче-крестьянской милиции Москвы и Московской области Л. Д. Вуля, милиция учитывала до 3 тысяч злостных хулиганов-подростков, включая до 800 особо опасных, «беспорных бандитов, способных на всё». Примечательно, что член Политбюро ЦК ВКП (б) ставил вопрос не о благоустройстве беспризорных детей и подростков, а исключительно об «очистке Москвы от беспризорного и преступного детского населения», чтобы «обезопасить столицу от всё возрастающего «детского» хулиганства». Сам маршал искренне не понимал, «почему этих мерзавцев не расстрелять», чтобы не «ждать, пока они вырастут еще в больших разбойников?»⁵⁷.

Именно это направление деятельности стало основным и было информационной основой для многократных декларативных заявлений о полной ликвидации беспризорничества, которые, как показывают современные исследования, ничем не подтверждались и, в основном, относились к пропаганде. На практике имело место административное изъятие беспризорников с московских и ленинградских улиц, сопровождавшееся применением репрессий. Такая политика позволила временно снизить присутствие беспризорников в крупных городах, что не означало ликвидацию самого явления⁵⁸. Одновременно это стало фактором, детерминирующим рост анализируемого негативного явления в регионах, в

---

⁵⁷ Цит. по: «Мы подобрали с улицы еще 2000 детей». Когда в СССР в действительности исчезла побежденная в 1920-х беспризорность // Коммерсант Власть. 2014. № 7. 24 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2411256> [Дата обращения: 2.08.2021].

⁵⁸ Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. С.15

том числе Воронежском, куда беспризорные вытеснялись из Москвы и Ленинграда.

Политический фактор побуждал власти скрывать истинные масштабы беспризорности. В стране отсутствовала единая научно обоснованная учётная политика, не было критериев сбора статистической и иной информации о беспризорных и безнадзорных. В этом направлении исследования не велись, так как считалось, что нет необходимости изучать явления, которые были порождением войны, а значит временными и быстро преодолимыми административными методами.

По этой же причине сохранялись трудности учета беспризорников, которых было практически невозможно учесть в силу неизвестности их местонахождения, интенсивной миграции; отсутствия информации, а также нежелательности её открытого обсуждения. Нельзя не упомянуть и фактический запрет на исследования проблем детской беспризорности и преступности, введенный уже с конца 1920-х гг.

Факторы, вызывавшие рост детской беспризорности в Воронежской губернии, были теми же, что по стране в целом: сначала мировая, затем гражданская война, разрыв социальных и семейных связей, голод. В годы гражданской войны на территории Воронежской губернии шли активные боевые действия, что обострило проблему детской беспризорности. Только по официальным данным к 1921 г. в Воронежском крае было 6 тыс. беспризорников⁵⁹, реально – существенно больше.

Уже в июне 1918 г. вопросы беспризорности были переданы в ведение Воронежского губернского отдела народного образования (Воронежский ГубОНО), а также подотдела охраны детства Народного комиссариата социального обеспечения (НКСО), который вел учет и координировал работу детских приютов, благотворительных обществ, а также детских домов детей-

---

⁵⁹ Струкова Е. Н. Детская беспризорность и пути ее преодоления в Воронежской губернии (1918–1921) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 98. № 6. С. 203–207.

беженцев⁶⁰. Воронежские детский дом-распределитель и детский дом им. А. И. Герцена были перегружены.

К специфическим факторам, детерминирующим детскую беспризорность в Воронежской губернии следует отнести малоземелье, доминирование бедного сельского, крестьянского многодетного населения, скудость местных и губернского бюджетов; бюрократизм (официально признаваемый и жестко критикуемый, но от этого не меньший), формализм и непрофессионализм местных органов власти, нежелание по большей части бедного населения участвовать в работе общественных организаций. Указанные факторы и их сочетания были характерны в целом для многих губерний Центра России⁶¹.

Таким образом, факторы, детерминирующие рост детской беспризорности и преступности в 1920–1930-е гг., следует дифференцировать в широком и узком смыслах.

В первом случае массовая беспризорность начала 1920-х гг. может быть объяснена объективными факторами: последствиями мировой и гражданской войн, а также пандемией «испанки», эпидемиями и голодом. Эти факторы имели глобальный характер и распространялись не только на Советскую Россию. Особенность состояла в том, что в ряде развитых стран, в том числе участвовавших в Первой мировой войне, эта проблема была решена быстрее, чем в СССР. С конца 1920-х гг. объяснять сохранение беспризорности лишь последствиями войн, было уже невозможно, так как дети, утратившие родителей в этих событиях, уже становились совершеннолетними либо воспитывались в специализированных учреждениях.

---

⁶⁰ *Гайворонский А. И.* Создание Воронежского губернского отдела народного образования (1918–1920 гг.) // Записки Воронежских краеведов. 1987. Вып. 3. С. 27.

⁶¹ *Шахова Е. С.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на территории Курской губернии в 1927 г. // Современные гуманитарные исследования. 2008. № 1 (20). С. 30–34; *Антимонов М. Ю.* Беспризорность и социальная политика государства (на материалах Тамбовской области конца 1930-х годов) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12. № 1. С. 239–243.

К концу 1920-х гг. к числу основных факторов, вызывавших массовую детскую и подростковую беспризорность в СССР, следует отнести:

- хронические экономические трудности, вызванные в том числе экономическим курсом;
- идеологически заданную политику дезинтеграции семьи, которая считалась элементом буржуазного общества;
- курс на «национализацию» детей, их общественное, т. е. государственное, воспитание;
- дефицит средств и ресурсов, выделяемых на профилактику безнадзорности;
- антинаучный характер идеологически мотивированных концепций работы с безнадзорными;
- доминирование административно-командных методов ликвидации «уличной беспризорности», при непризнании иных её видов;
- массовые политические репрессии.

В Воронежской губернии действовали как общие, характерные для Советской России в целом, так и специфические факторы, детерминирующие детскую беспризорность и преступность. Она являлась театром военных действий и сильно пострадала от событий гражданской войны. Социально-экономическая ситуация оставалась тяжелой из-за малоземелья, засухи, преобладания бедного крестьянского, как правило, многодетного населения, дефицита средств местного бюджета.

1.2. Складывание государственной системы по защите и спасению детей, её структура и трансформация

Государственные органы по борьбе с беспризорностью и преступностью детей и подростков, начиная с 1919 г., создавались в Воронежской губернии параллельно с формированием органов новой советской власти. Они строились на совершенно новых классовых

принципах, при полном отрицании старых подходов. В течение ноября 1917 – марта 1918 г. в Воронежской губернии были ликвидированы все правительственные и губернские учреждения прежних режимов и создан советский аппарат, однако этот процесс шёл непросто и относительную соподчиненность и согласованность губернской власти удалось обеспечить лишь к концу 1922 г.⁶²

В Воронежской губернии специализированные органы, реализующие детскую политику советской власти, стали формироваться в июне 1918 г. Ещё в декабре 1917 г. по инициативе большевиков при Воронежском Совете был создан культурно-просветительный отдел, а 19 марта 1918 г. начал работу Воронежский губернский совет по народному образованию, куда вошли представители культпросветотдела, губернского учительского союза, союза деятелей средних школ и культпросветорганизаций, а также представители отдела народного образования, формально ещё существовавшего губернского земства. Совет должен был стать контрольно-совещательным органом при губернском отделе народного образования, но мог и сам давать руководящие указания. В итоге, в Воронежской губернии действовали три самостоятельных органа, руководивших народным образованием. Это были отдел народного образования губернского земства, культурно-просветительский отдел и губернский совет по народному образованию, что создавало разобщенность руководства⁶³.

Вопросами детей и беспризорных занимались, прежде всего, Губернский отдел народного образования (ГубОНО), а также подотдел охраны детства Наркомата социального обеспечения, который ведал учётом и объединением под своим руководством детских приютов, благотворительных

---

⁶² *Алексян Н. А.* Становление советских органов власти Воронежской губернии в 1917–1922 гг.: организационный, кадровый аспекты: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2018. С. 12.

⁶³ *Гайворонский А. И.* Создание Воронежского губернского отдела народного образования (1918–1920 гг.) // Записки Воронежских краеведов. 1987. Вып. 3. С. 27.

обществ, детских домов⁶⁴, реорганизованных из ранее действовавших приютов.

Строительство новой системы управления проходило с большими сложностями и значительно отступало от теоретических положений, подчиняясь, в основном текущим потребностям и чрезвычайным обстоятельствам. Необходимо помнить, что с середины 1918 г. и до конца 1919 г. вся Воронежская губерния была театром военных действий гражданской войны, а в 1920–1922 гг. стала ареной массовых антисоветских протестов и восстаний, что обусловило абсолютное доминирование «чрезвычайщины» и директивных методов губернского управления. Приоритет в его структуре получил «силовой блок», состоящий из правоохранительных органов: ЧК-ГПУ, милиции и судов, которые обеспечивали закрепление советской власти и проведение курса РКП(б) – ВКП(б). Идеология и практика «силового блока» определяла в Воронежской губернии направления и практику государственного строительства с опорой на революционную, социалистическую законность.

Настройка и развитие нового губернского советского аппарата существенно зависели от понимания местным населением политики Центра. Это касалось, прежде всего, недовольства продовольственной разверсткой, что поддерживало социальный конфликт, в том числе мешало формированию новых органов по вопросам детства, так как не обеспечивало социального согласия.

Как и по всей Советской России, одной из главных проблем стал новый советский бюрократизм, выросший на дефиците кадров, которые пополняли ряды советских служащих, как правило, не имея надлежащего образования и уровня компетентности. Исследовательница Н. А. Алексанян обосновано отмечает «слабое организационное состояние» административных органов губернии, особенно на уровне волостей, что не могло не сказываться на производительности труда, работоспособности и авторитете советского

---

⁶⁴ *Гайворонский А. И.* Создание Воронежского губернского отдела народного образования.

аппарата. В то же время для нового аппарата было характерно подчинение политической воле, целеустремленность, дисциплина, в ряде случаев готовность к самопожертвованию во имя социалистической идеи. Советская модель управления, будучи строго централизованной, оставляла минимум возможностей для губернских и низовых уровней, директивно руководя всеми процессами из Центра.

С первых дней своего существования советское государство отказалось от социально пассивной политики призрения и сделало акцент на наступательной и классовой по своей сути политике охвата детей и подростков и вовлечения их в процесс социалистического строительства. Декретом СНК от 14 января 1918 г. были созданы Комиссии по делам о несовершеннолетних (Комонес), проработавшие как универсальный ювенальный институт до 1935 г. Новые органы не имели аналогов в дореволюционной России и представляли собой по сути разновидность правоохранительных органов, куда поступали дела по совершенным малолетними и несовершеннолетними до 17 лет правонарушениям, которые, таким образом, изымались из юрисдикции судов. В состав Комиссии входили специалисты: врач, педагог и юрист⁶⁵. Несомненно, этот декрет имел большое значение, если говорить о беспризорных детях, потому что им довольно часто приходилось сталкиваться с уголовным законом.

Сфера полномочий Комонес часто поправлялась советским законодательством. Так, Декретом СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. к ведению Комонес были отнесены дела о несовершеннолетних до 18 лет⁶⁶. В 1922 г. с принятием первого Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР 1922 г.) возраст общей подсудности был снижен до 16 лет⁶⁷. В этих условиях Комонес, рассматривая дела о несовершеннолетних старше 14 лет, могла признать

---

⁶⁵ Сборник законов и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. С 1 января по 1 апреля 1918 г. Вып. 2. М., 1918. С. 6.

⁶⁶ СУ 1920. № 13. Ст. 83.

⁶⁷ УК РСФСР. С дополнениями и изменениями, принятыми по 19 февраля 1925 г. Л., 1925. С. 10.

неэффективность своих мер, т.е. медико-педагогического воздействия и передать дело в суд общей юрисдикции.

Комонес создавались в структуре Народного комиссариата общественного призрения, но декретом от 4 марта 1920 г. были переподчинены Народному комиссариату просвещения и его территориальным (губернским и уездным) органам.

Формирование Комиссий шло в рамках межведомственного взаимодействия. Так, специальная Инструкция для них в 1920 г. была разработана и утверждена наркоматами просвещения, здравоохранения и юстиции. Согласованная позиция трех ведомств состояла в том, что в отношении несовершеннолетнего комиссии были вправе осуществлять лишь регламентированное воздействие: провести беседу, сделать замечание или внушение, поместить под попечение родителей или родственников, помочь трудоустроиться или пойти в школу, определить в детский дом либо специальное психиатрическое отделение. Также несовершеннолетний мог быть депортирован (отправлен на родину). Комиссии, усмотрев исчерпание своих полномочий или общественную опасность деяния или поведения несовершеннолетнего, были вправе передать его дело в суд⁶⁸.

В целом, действовавшие до 1921 г. государственные органы, работавшие с детьми и подростками (наркоматы социального обеспечения, просвещения, здравоохранения РСФСР), не наладили системного взаимодействия и работали разрозненно. Очевидность провала детской политики к концу 1920 г. заставила 10 февраля 1921 г. сформировать Комиссию по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (Деткомиссия при ВЦИК РСФСР). Новый орган планировался как межведомственный и чрезвычайный, в полномочия которого входила вся совокупность вопросов обеспечения детей и подростков и защиты их интересов. Руководил Комиссией председатель, а в состав вошли

---

⁶⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М., 1953. С. 76.

представители наркоматов просвещения, здравоохранения, продовольствия, а также ВЧК при СНК РСФСР (затем – ГПУ при НКВД РСФСР), рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) и Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Кроме того, право совещательного голоса в Комиссии получили представители Женского отдела ЦК РКП(б), Отдела правовой защиты детей при Наркомате просвещения РСФСР, ЦК РКСМ. По Положению о Комиссии, её председателем становился (совмещая должности) председатель ВЧК, как и его заместитель. Таким образом, было задано общее направление работы Комиссии, которую, учитывая ситуацию в стране, было принято называть Детской чрезвычайной комиссией⁶⁹.

Комиссия выполняла следующие функции:

- помогала в продуктовом снабжении, обеспечении жильем и топливом детских учреждений для беспризорных;
- наблюдала за выполнением законов и решений центральных и местных органов власти;
- издавала распоряжения в пределах своей компетенции, в основном по вопросам охраны жизни и здоровья детей.

Решения Комиссии проводились через центральные органы исполнительной власти.

В губерниях и уездах были сформированы губернские и уездные детские комиссии, работавшие во взаимодействии с исполкомами и местными органами вовлеченных в деятельность Комиссии наркоматов. Работа комиссий на местах шла под надзором специального уполномоченного Деткомиссии при ВЦИК.

В целом, вновь созданная структура представляла собой огромный бюрократический аппарат, что было характерно для первых лет советской власти. На места из Центра шёл огромный поток инструкций и циркуляров,

---

⁶⁹ Маслова О. Б. К вопросу о деятельности Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК в условиях голода и возросшей беспризорности в 1921–1922 гг. (На примере Ставрополя и Терека) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 12–2. С. 60.

которые обязывали губисполкомы и другие органы содействовать в улучшении жизни детей. В апреле 1921 г. Комиссии при ВЦИК включала уже 14 подкомиссий, которые занимались вопросами финансов, снабжения, питания детей и подростков, строительством и ремонтом детских учреждений, статистикой⁷⁰.

В правительстве понимали неэффективность расплытия полномочий и средств, а также опасность ведомственной рассогласованности. Для преодоления этих негативных явлений постановлением СНК «О согласовании функций Народных комиссариатов просвещения и здравоохранения в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей» от 10 декабря 1919 г. лечение и воспитание детей с нервными и психическими патологиями было поручено Наркомздраву, тогда как «умственно-отсталых» детей и детей с патологиями «калек» – специальным вспомогательным школам Наркомпроса.

Наркомпрос РСФСР имел в своей структуре Отдел охраны детства, занимавшийся социальной защитой, воспитанием и предупреждением беспризорности. 5 марта 1920 г. при Наркомпросе РСФСР была сформирована детская милиция, при которой работали детские приемники с бесплатным питанием⁷¹.

В соответствии с циркуляром Наркомпроса РСФСР от 1 ноября 1920 г. в Воронежской губернии на железнодорожных вокзалах, а также пристанях были созданы дежурные пункты детской инспекции, которые стали первичными приемными пунктами, должны были пресекать свободное перемещение беспризорников на транспорте⁷². Декретом СНК РСФСР от 2 декабря 1920 г. «Об изъятии опеки из ведения Народного Комиссариата

---

⁷⁰ Смирнова Т. М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М., 2015. С. 63.

⁷¹ Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005. С. 48.

⁷² Дети ГУЛАГа: 1918–1956. М., 2002. С. 36.

социального обеспечения», эти вопросы (вместе с попечительством) перешли в ведение отдела охраны детства Наркомпроса РСФСР⁷³.

Перед сформированной в сентябре 1921 г. при наркомате Детской социальной инспекцией стояла приоритетная задача борьбы с детской беспризорностью, бродяжничеством, нищенством, проституцией, участием в спекуляции, правонарушениями, а также исключение эксплуатации детей и жестокому с ними обращению⁷⁴.

В соответствии с декретом СНК от 11 февраля 1921 г., в составе Инспекции учреждалось Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей до 15 лет (Главсоцвос Наркомпроса РСФСР)⁷⁵. Перед ним стояли в целом те же задачи, что и перед Комиссией в целом: защита детства, воспитание и противодействие беспризорности.

В апреле 1922 г. при Воронежском ГубОНО были сформированы отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН), в структуре которых работали отдел опеки, детский адресный стол, юристы и Комиссия по делам несовершеннолетних (Комонес), которые в соответствии с декретом от 17 января 1918 г. решали дела о правонарушениях несовершеннолетних, не достигших 17 лет, так как советская власть изъела их из подсудности судов общей юрисдикции.

В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. граница несовершеннолетия была поднята с 17 до 18 лет⁷⁶. Дела о несовершеннолетних правонарушителях рассматривались в соответствующих комиссиях, куда входили члены от наркоматов просвещения и здравоохранения, а также судья или народный заседатель. Координировала деятельность губернских комиссий по делам несовершеннолетних

---

⁷³ СУ РСФСР за 1920 г. М., 1943. С. 716.

⁷⁴ *Кривонос А. Н.* Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 95.

⁷⁵ СУ РСФСР. Отдел I. М., 1921. № 12. С. 78.

⁷⁶ Дети ГУЛАГа. С. 28.

Центральная комиссия по делам о несовершеннолетних⁷⁷, которая вырабатывала политику борьбы с правонарушениями несовершеннолетних, а также контролировала деятельность губернских комиссий⁷⁸, разъясняя вопросы правоприменения.

С принятием 8 марта 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР, формально общее руководство по реализации политики борьбы с беспризорностью и соответствующая ответственность были возложены на Наркомпрос РСФСР⁷⁹. В соответствии с циркуляром Наркомпроса от 19 марта 1928 г. ликвидация уличной беспризорности считалась «боевым заданием»⁸⁰. В рамках начавшейся массово-политической компании наркомат фактически работал в мобилизационных условиях.

Как и в других губерниях, в Воронеже было создано территориальное отделение Детской комиссии ВЦИК, которая на 1 октября 1921 г. координировала деятельность 407 детских учреждений (включая 32 в Воронеже). Как видим, в Воронежской губернии формировалась система органов управления государственными детскими учреждениями, а также политикой превенции и постепенной ликвидации детской беспризорности⁸¹.

Руководство Детской комиссии при ВЦИК предпринимало попытки оптимизации системы управления охраной детства и борьбы с беспризорностью и детской преступностью. Так, в 1921 г. Комиссия инициировала всероссийское обследование детских учреждений, которое затронуло и Воронежскую губернию и продемонстрировало общее тяжелое

---

⁷⁷ Шахова Е. С. Историко-правовой анализ борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью первых лет советской власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 7–17.

⁷⁸ Кирсанов М. Ф. Руководство по производству дел в местных комиссиях по делам несовершеннолетних. М., 1927. С. 19–20.

⁷⁹ Богуславский М. Борьба с детской беспризорностью в РСФСР // Красная новь. 1927. № 8. С. 143.

⁸⁰ Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью. С. 96.

⁸¹ Струкова Е. Н. Детская беспризорность и пути ее преодоления в Воронежской губернии (1918–1921) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 98. № 6. С. 203–207.

состояние подведомственных учреждений и их недостаточность. По результатам обследования, Деткомиссия при ВЦИК апеллировала к активизации «местной инициативы», исходя из ограниченных возможностей Центра.

Вплоть до 1925 г. Деткомиссия при ВЦИК работала на основе Декрета ВЦИК от 10 февраля 1921 г., который принимался до создания СССР. Новая обстановка и нерешенность старых задач стимулировали утверждение 2 февраля 1925 г. нового Положения о Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК⁸², в котором основной акцент был сделан на помощи беспризорным. В новом формате в состав Деткомиссии вошли представители наркоматов просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, НКВД, финансов, ОГПУ при СНК РСФСР, а также ВЦСПС и ЦК РЛКСМ, ЦБ юных пионеров, Отдела по работе среди женщин, ЦКРКП, Центрального комитета крестьянской общественной взаимопомощи, Российского общества «Красного креста». Кроме того, Положение о Комиссии предполагало возможность создания различных подкомиссий, которые работали временно. Таким образом, Комиссия стала ещё более громоздкой, что неизбежно усложняло процессы межведомственного согласования.

В этом направлении советское государство стало проявлять определенное нетерпение, так как наличие беспризорности через 13 лет после революции дискредитировало новый строй, позиционируемый как самый передовой и социально (пусть и классово) ориентированный. В этой связи специальным постановлением Президиума ВЦИК от 20 ноября 1930 г. о борьбе с детской беспризорностью, были распределены функции наркоматов и иных ведомств, а также намечены меры по оптимизации системы детских домов, с ориентацией на трудовое воспитание.

Формально в структуре органов исполнительной власти вопросы охраны детства были отнесены к ведению Народного комиссариата

---

⁸² Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 2 февраля 1925 г. // СУ РСФСР. Отдел II. 1925. № 8. Ст. 57.

просвещения РСФСР (Наркомпрос РСФСР) и его территориальных подразделений. В Воронежской губернии это был губернский отдел народного образования (ГубОНО).

В 1920-е гг. в их ведении, кроме школ, находились также и детские дома, приюты-распределители и иные детские учреждения закрытого типа, где воспитывались дети от трех лет, включая специальные учреждения для «морально-дефективных» и детей с патологиями развития, которые ранее были в структуре Наркомата социального обеспечения РСФСР.

К 1930 г. в Воронежской губернии сформировалась система интернатных учреждений, которая включала детские дома для разных возрастных категорий, детских городков, трудовых коммун, а также специальных детских домов для социально-запущенных детей (12–17 лет). В 1932 г. началась типизация этих учреждений по возрастам⁸³.

По Положению 1931 г., сфера ответственности Воронежской губернской комиссии по делам несовершеннолетних была расширена. Она стала основным учреждением, ведущим работу по профилактике детской беспризорности, боролась с правонарушениями несовершеннолетних, защищала их права, наблюдала за опекунами⁸⁴.

Принимая во внимание недостаточную, по оценке советского правительства, результативность работы в части противодействия правонарушениям несовершеннолетних и беспризорности, постановлением СНК СССР и ЦИК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»⁸⁵ комиссии по делам несовершеннолетних упразднялись с передачей их функций правоохранительным органам, что означало переход к репрессивной модели решения вопросов беспризорности.

---

⁸³ Карасева А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 143.

⁸⁴ Сб. действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР, постановлений Деткомиссии при ВЦИКе и ведомственных распоряжений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Вып. 3. М., 1932.

⁸⁵ Дети ГУЛАГа. С. 187.

Для советской институциональной системы 1920–1930-х гг. были характерны непрерывные реорганизации, означавшие эмпирический поиск путей скорейшего решения проблем беспризорности. Так, в июне 1930 г. был упразднен Главсоцвос, чьи полномочия были переданы школьному сектору Наркомпроса, а уже в 1933 г. – управлению начальных и средних школ, детских домов, дошкольных учреждений⁸⁶. Уже в 1935 г. в структуре Наркомпроса РСФСР был ликвидирован Отдел охраны детства и на его основе сформировано Управление детскими домами.

В 1920-е гг. Наркомсобес разрабатывал и реализовывал политику противодействия нищенству и беспризорностью. В то же время учреждения наркомата ориентировали преимущественно на работу с «физически-дефективными» детьми.

В марте 1920 г. Наркомату здравоохранения РСФСР (Наркомздрав РСФСР) из Наркомсобеса перешел Отдел охраны материнства и младенчества. В соответствии с декретом СНК РСФСР «Положение об охране здоровья подростков и детей РСФСР» от 15 сентября 1921 г. этими вопросами занимался Отдел охраны здоровья детей и подростков Наркомздрава (Оздравдет), подотдел которого был создан и в Воронежской губернии⁸⁷. Наркомздрав ведал профилактическими, медико-педагогическими и лечебными учреждениями, включая институты и санатории.

В Воронежской губернии сотрудничество подразделения Наркомздрава и Наркомпроса осуществлялось путём работы представителей Отдела здравоохранения в коллегиальных органах народного образования с правом решающего голоса. Кроме того, представители Наркомздрава принимали участие в губернских совещаниях школьно-санитарных врачей.

В связи с резким ростом с конца 1920 гг. численности заключённых стала обостряться проблема беспризорности. Требовалось налаживание контактов взаимодействующих по детским вопросам наркоматов с НКВД.

---

⁸⁶ Карасёва А. А. Указ. соч. С. 146.

⁸⁷ СУ РСФСР за 1921 г. М., 1944. С. 817–819.

Так, наркомздраву было поручено принимать детей заключенных из исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа. При отсутствии родственников их размещали в яслях и домах ребенка в местах заключения, а по достижении четырех лет – передавали в детские дома под опекой губернских ОНО. Таким образом, организовал систему в местах лишения свободы Наркомздрав, тогда как обеспечивал содержание НКВД⁸⁸. В его ведении находились детские исправительные колонии и трудовые коммуны, а также со второй половины 1930-х гг. и специальные детские дома для спецпоселенцев.

Выстроенная к середине 1930-х гг. межведомственная система отличалась неповоротливостью, бюрократизмом и постоянными конфликтами интересов разных ведомств. В совокупности разного рода исправительных детских учреждений отсутствовала система, не было общей ведомственной принадлежности. Задачи противодействия беспризорности и правонарушениям детей и подростков возлагались на несколько наркоматов. При этом четких критериев деления контингента не было, сотрудникам наркомпроса и губернским властям было сложно определить разницу между ними, особенно если это касалось оценочных категорий отставания в развитии, трудновоспитуемых и т. п.

Действовавший с 16 октября 1924 г. Исправительно-трудовой кодекс (ИТК РСФСР) регулировал деятельность трудовых домов для несовершеннолетних правонарушителей, где им давали профессию и образование, воспитывали⁸⁹.

24 декабря 1925 г. СНК РСФСР утвердил Положение о трудовых коммунах, которые создавались для детей и подростков 12 - 16 лет, не закончивших школу, беспризорных или поступивших из детских домов и имевших в силу тяжелых социальных и материальных условий жизни социально вредные навыки.

---

⁸⁸ Карасёва А. А. История функционирования и развития системы детских домов. С. 206.

⁸⁹ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000. С. 49–50.

31 июня 1928 г. в соответствии с Положением о местных органах управления и контроля по исправительно-трудовому делу в Воронежской губернии к исправительно-трудовым были отнесены места заключения, наблюдательные и распределительные комиссии; бюро и отделения принудительных работ, комитеты помощи освобождаемым из мест заключения, административные отделы воронежского губернского исполкома. В данном случае непосредственное руководство осуществлял НКВД.

В 1930 г. при ликвидации НКВД РСФСР⁹⁰ Наркомату юстиции РСФСР перешли функции организации и руководства ИТУ, для чего в 1931 г. было создано Главное управление местами заключения и принудительных работ (ГУМЗ), которое в том же году стало называться Главным управлением исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ).

Вступлением в силу 1 августа 1933 г. нового ИТУ РСФСР⁹¹ реформируется система ИТУ для несовершеннолетних. Малолетние поступали в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) особого типа, где из несовершеннолетних правонарушителей предполагалось подготовить квалифицированных рабочих для промышленности и сельского хозяйства⁹², а также обеспечить их коммунистическое воспитание, чтобы они приняли активное участие в социалистическом строительстве. В ФЗУ обучались подростки 15–18 лет по приговорам судов, а также по постановлениям Комиссии по делам несовершеннолетних. Срок обучения был установлен в три года.

В октябре 1934 г. были упразднены Главные управления исправительно-трудовых учреждений Наркомюста РСФСР, а соответствующие ИТУ переподчинены новому Отделу мест заключения в Главном управлении исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и

---

⁹⁰ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15.12.1930 «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» // Собрание законодательства СССР. 1930. № 60. Ст. 640

⁹¹ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). С. 78.

⁹² Чебаковская А. В. Указ. соч. С. 94.

мест заключения НКВД СССР⁹³. Так в подчинение НКВД СССР перешли ИТК для несовершеннолетних правонарушителей.

Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»⁹⁴ был завершен процесс типизации детских учреждений. У Наркомата просвещения остались лишь детские дома нормального типа, т. е. обычные, а также детские дома, построенные на родительские средства, спецшколы для больных детей и детские дома для трудновоспитуемых. В ведение НКВД перешли приемники-распределители, изоляторы и трудовые колонии, куда направлялись несовершеннолетние рецидивисты, а также трудные дети, с воспитанием которых не справлялись в детских домах.

Вновь были расширены компетенции НКВД, которому из системы Наркомпроса были переданы приемные пункты и приемники-распределители. С 23 июля 1935 г. была осуществлена типизация трудовых колоний НКВД на обычные трудовые колонии для мальчиков и девочек, колонии с особым режимом, изоляторы временного содержания⁹⁵. Таким образом, в трудовых колониях размещались несовершеннолетние преступники 12–16 и беспризорники 14–16 лет⁹⁶.

Наркомат социального обеспечения руководил работой детских домов для детей-инвалидов и умственно отсталых, а наркоматы здравоохранения и просвещения отвечали за детские дома нормального типа, т. е. для детей без родителей.

В целом, в 1920-е – середине 1930-х гг. в СССР оформилась система государственных центральных и губернских органов управления в сфере защиты детей, противодействия беспризорности и правонарушениям со стороны детей и подростков. Базовым принципом организации оставалась

---

⁹³ СУ Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1934 г. № 56; Дети ГУЛАГа. С. 184.

⁹⁴ Чебаковская А. В. Указ. соч. С. 95.

⁹⁵ Славко А. А. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 годы // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 141; Дети ГУЛАГа. С. 333.

⁹⁶ Чебаковская А. В. Указ. соч. С. 96.

коллегиальность, которая как на республиканском, так и на губернском уровнях имела свои плюсы и минусы. К первым относилась возможность координации деятельности, полного охвата всех проблем обеспечения деятельности, ко вторым – неизбежная ведомственная разобщенность, конфликты интересов, бюрократизация и нестабильность институциональной структуры, выражавшаяся в непрерывных реорганизациях. Центральное место в этой системе занимала Деткомиссия, которая в Центре и на местах обеспечивала согласованность действий, а также контроль, проверяя работу наркоматов, ведомств и отдельных учреждений.

Тяжёлая экономическая и социальная ситуация, сначала связанная с преодолением последствий мировой и гражданской войн, разрухи, голода, а затем массовых репрессий, существенно ограничивала возможности органов по делам детей. Кроме того, их множественность, даже при координирующей роли Деткомиссий, порождала дублирование полномочий. В условиях распыления полномочий и размытия ответственности ни один наркомат не справлялся со своими задачами, однако фактической ответственности за это никто не нёс.

1.3. Вопросы правового регулирования общественных отношений в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних

Система правового регулирования общественных отношений в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних и борьбы с детской беспризорностью и преступностью начала формироваться в Воронежской губернии уже в 1918 г. на базе положений и правовых актов, принимавшихся Центром. Прежде чем приступить к анализу губернского регулирования, следует отметить важнейшую особенность. РСФСР, а затем и СССР, хотя формально считались федерациями и демократическими республиками, на деле были предельно административно централизованными государствами. В отличие от американских штатов, исторически имевших свое

законодательство, системы выборов и т. п., субъекты советской федерации были жёстко подчинены Центру, который детально регламентировал все стороны жизни⁹⁷, в том числе политику в отношении несовершеннолетних. В этой связи формирование системы правового регулирования общественных отношений в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних и борьбы с детской беспризорностью и преступностью в 1920-е – 1930-е гг. в Воронежской губернии, следует рассматривать, прежде всего, как исполнительскую реализацию союзных и республиканских законов, подзаконных актов и директив. Региональная инициатива приветствовалась Центром исключительно в виде и в направлении их более эффективной реализации.

Прежде всего, это был декрет от 14 января 1918 г. о создании особых Комиссий по делам о несовершеннолетних (Комонес), сохранявший законную силу до 1935 г. и широко использовавшийся в губерниях, в том числе как модель, на базе которой строилось регулирование анализируемых в настоящей главе отношений. Правовой статус Комиссии, как уже отмечалось, неоднократно менялся, её полномочия корректировались. Указанным декретом Комонес были переподчинены Народному комиссариату просвещения и его территориальным органам.

Вопросы координации и принятия межведомственных подзаконных актов были актуальны в связи с массовым голодом в 33 волостях и 6 уездах Воронежской губернии, где в 1924 г. насчитывалось свыше миллиона голодающих. Кроме того, вследствие неурожая в соседних регионах РСФСР через губернию шло массовое переселенческое движение беженцев, спасавшихся от голода и возлагавших надежды на органы советской власти⁹⁸.

---

⁹⁷ Заика Р. А. Производственный и территориальный принципы демократического централизма на примере СССР // *ExLegis: правовые исследования*. 2019. № 4. С. 10–13.

⁹⁸ Пащенко Н. В. Общество «Друзья детей» Воронежской губернии в середине 1920-х гг.: история создания, основные направления деятельности // *Берегиня.777.Сова*. 2012. № 3 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-druzya-detey-voronezhskoy-gubernii-v-seredine-1920-h-gg-istoriya-sozdaniya-osnovnyie-napravleniya-deyatelnosti> (Дата обращения: 15.07.2020).

Среди беженцев было много детей, которыми занималась Воронежская губернская, а также уездные комиссии по оказанию помощи голодающим.

В начале 1920-х гг. налаживались механизмы и формировалась основа межведомственного взаимодействия в анализируемой сфере. Складывалась государственная система органов и учреждений социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН). Проблема состояла в том, что такого рода органов не было ни в Российской империи, ни при Временном правительстве. Кроме того, большевики, начав свой грандиозный социальный эксперимент, действовали в основном эмпирически, отрицая предыдущий опыт и полагаясь на теоретические положения классиков марксизма, которые на тот момент на практике проверены не были. Такой путь неизбежно вел к ошибкам, которые было принято считать «ошибками роста».

Интуитивно большевики понимали, что, когда пройдет чрезвычайная ситуация, связанная с гражданской войной, дело воспитания и обучения должно быть сосредоточено в органах просвещения. Уже с начала 1920-х гг. вопросы охраны детства относились в основном к компетенции Народного комиссариата просвещения РСФСР, который сосредоточил полномочия в сфере социальной защиты, социализации и воспитания.

Для первой половины 1920-х гг. наиболее сложной и актуальной на фоне все ещё массовой беспризорности, оставалась проблема превенции детской и подростковой преступности. Здесь шел непрерывный поиск эффективных мер, так как высокий уровень такой преступности, очевидно, противоречил официально декларируемому построению нового, социалистического общества.

В первом советском Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. несовершеннолетие правонарушителя относилось к смягчающим обстоятельствам, распространив на подростков меры условного осуждения, а также замены уголовного наказания разного рода мерами воспитания.

В первом советском Исправительно-трудовом кодексе (ИТК РСФСР) 1924 г. делался акцент на перевоспитание малолетних преступников, для

которых создавались два уровня (по возрастам) трудовых домов: для правонарушителей 14–16 лет, приговоренных к лишению свободы, а также для 16–20-летних правонарушителей из среды рабочих и крестьян.

Исходя из природы новых общественных отношений и конституционно закрепленного лозунга «Кто не работает, тот не ест», а также из приоритета трудового воспитания, в том числе и правонарушителей, Президиум коллегии Наркомата просвещения 24 декабря 1925 г. принял Положение о трудовых коммунах, которые создавались для подростков 12–16 лет, в основном, не учившихся в школе или попавших в тяжелую жизненную ситуацию, имевших социально вредные навыки. Направление детей в такие коммуны исходило от Комонес.

В УК РСФСР 1926 г. сохранил действующий субъектный состав. Несовершеннолетние до 14 лет не подлежали уголовной ответственности, материалы на правонарушителей 14–16 лет рассматривали Комонес, которые, признав недостаточность медико-педагогических мер, могли передать дело в народный суд⁹⁹. Как и прежний Кодекс, новый УК РСФСР (ст. 22) исключал высшую меру наказания (расстрел) для несовершеннолетних, которым, на момент совершения преступления не было 18 лет. Примечательна норма ст. 50 УК РСФСР, согласно которой несовершеннолетним назначалось наказание в виде лишения свободы либо принудительных работ вполнину меньшее для возраста 14–16 лет и на треть меньшее – для возрастов 16–18 лет.

К концу 1920-х гг. наметилась тенденция расширения полномочий центральной и губернских Комиссий. В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1929 г. были скорректированы положения УК РСФСР 1926 г. в части субъектного состава по возрасту привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности¹⁰⁰. Так, в новой редакции ст. 12 УК РСФСР все дела правонарушителей, не достигших 16 лет, вместо

---

⁹⁹ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

¹⁰⁰ СУ 1929. № 82. Ст. 796.

судов, как это было ранее, поступали в Комиссии, которые стали основным институтом реализации государственной политики ликвидации беспризорности и борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Созданная 10 февраля 1921 г. межведомственная Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия¹⁰¹) при ВЦИК РСФСР в составе представителей вовлеченных в работу с детьми и подростками наркоматов: просвещения, здравоохранения, продовольствия, а также представитель ВЧК, РКИ, ВЦСПС. Комиссия взаимодействовала с вышестоящими, подведомственными и другими советскими и общественными организациями и учреждениями по вопросам помощи детям, создания и функционирования детских учреждений, эвакуации и реэвакуации детей, содействию беспризорным, их трудоустройству, помощи семьям, а также в пионерской и комсомольской работе и работе зарубежных организаций помощи советским детям.

В Воронежской губернии Детская комиссия была создана в 1921 г. при исполнительном комитете Воронежского Совета депутатов трудящихся.

Принятое ВЦИК РСФСР Положение о Комиссии, по сути, было нормативным актом, регулирующим вопросы детской социальной политики, за исключением вопросов, относящихся к правонарушениям.

20 июня 1927 г. в соответствии с новым Положением о Комиссии, её задачи были скорректированы в части придания функции координации деятельности государственных органов и учреждений, борющихся с беспризорностью¹⁰².

Составной частью системы правового регулирования общественных отношений в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних и борьбы с детской беспризорностью и преступностью в 1920–1930 гг. в

---

¹⁰¹ Действовала до 25 сентября 1938 г., когда была упразднена постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР.

¹⁰² Сборник действующих узаконений и распоряжений партии и правительства, постановлений Деткомиссии ВЦИК и ведомственных распоряжений по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Вып. 4. М., 1936. С. 97–98.

Воронежской губернии были положения и нормативные акты, регламентирующие деятельность разного рода организаций, помогающих детям.

В качестве примера можно привести общество «Друзья детей» (ОДД), которое изначально было создано в 1924 г. в Москве в формате общественной организации¹⁰³. В том же году эту инициативу подхватили в губерниях, в том числе и в Воронежской, где 27 июня 1924 г. Губернский исполнительный комитет утвердил Устав общества, возложив на губернский женский отдел (Губженотдел) задачу создания ячеек. Обратим внимание на то, что в условиях быстро «сжимавшегося» в советской России гражданского общества, как и большинство советских организаций, ОДД создавалась не в результате массовой инициативы снизу, а по указанию сверху. Учредители предполагали, что новая организация будет не просто материально помогать детям, это было бы схоже с дореволюционной благотворительностью, которую большевики отрицали, а в большей мере активно ликвидировать беспризорность. Для этого планировалось каждую ячейку прикрепить в качестве шефа к определенному детскому дому. Предполагалось, что рабочие, как самый передовой класс и основа советского общества, войдя в члены ОДД, будут благотворно воздействовать на ситуацию в детских домах. Такого рода «рабочий контроль» должен был улучшить их работу. Проблема состояла в том, что рабочий класс Воронежской губернии в начале 1920 гг., после мобилизаций мировой и гражданской войн, а также переходов кадровых рабочих на советскую и партийную работу был малочисленен и

---

¹⁰³ Кудряшев А. В. Общество «Друг детей» и преодоление детской безнадзорности в СССР в 1920–1930-е годы // Профессиональное образование и общество. 2015. № 1 (13). С. 32–38.

классово молод¹⁰⁴. Индустриализация области началась несколько позже, как и формирование нового, уже советского рабочего класса¹⁰⁵.

В соответствии с Положением о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР, контингент детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, был дифференцирован на тех, кто нуждался в полном государственном обеспечении и тех, кто в охране и ситуационной помощи. К первой категории были отнесены круглые сироты, те, кто утратил всякую связь с родственниками, изъятые из семей по судебным решениям и подкидыши¹⁰⁶. Ко второй категории относились ставшие беспризорными по причине немощи родителей или родственников, дети не имеющих средств к существованию матерей-одиночек, а также дети временно отсутствующих родителей (в том числе и осужденных)¹⁰⁷. Положение регламентировало координирующую роль в деле борьбы с беспризорностью наркоматов просвещения РСФСР и автономных республик. Из него следовало, что в Воронежской губернии борьбой с беспризорностью должны были заниматься губернские органы народного образования, а также волостные исполнительные комитеты и сельские советы.

В условиях крайнего дефицита ресурсов у государства одной из мер превенции беспризорности стала передача детей из детских учреждений в крестьянские семьи, где, как предполагалось, их должны были приобщать к сельскохозяйственному труду.

Эта практика в Воронежской губернии реализовывалась на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 5 апреля 1926 г., которое предусматривало специальные льготы для принимающих детей крестьянских хозяйств. Так, приёмный ребенок «приносил» с собой в течение трёх лет не

---

¹⁰⁴ *Бутова И. Н.* Формирование рабочего класса промышленных предприятий в условиях НЭПа: общее и особенное (на материалах Воронежской и Курской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2010. С. 59–60.

¹⁰⁵ *Евстратов А. Г.* Индустриализация Воронежской области в середине 20-х – 40-х гг. XX в.: противоречивые тенденции, итоги, исторический опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2015. С. 12.

¹⁰⁶ Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью. М., 1932. С. 20–24.

¹⁰⁷ Там же. С. 20–21.

облагаемый налогом земельный участок, который выделяли местные органы власти из резервного земельного фонда, а также однократное денежное пособие и льготы по местным налогам. Для исключения кулацких и эксплуататорских проявлений на один крестьянский двор полагалось не более одного беспризорного, вне зависимости от желания и возможностей хозяина.

Каждая губерния разрабатывала и вводила свои правила передачи беспризорных в крестьянские хозяйства. Так, в Воронежской губернии этим занимались губернские отделы народного образования и здравоохранения. Приоритет отдавался бездетным семьям или тем, где уже был один ребенок. Хозяйка дома должна была быть не старше 40 лет, принимались во внимание материальные и жилищные условия.

Губернское положение требовало от принимающей семьи наличия пакета документов от уездного (волостного) исполкома либо сельского совета о составе семьи и об имущественном (материальном) положении. От работающих на селе служащих требовали справку с места работы, о доходах, а также о здоровье других членов семьи.

Воронежские губернские власти для обеспечения задач патронирования регулярно проводили врачебные осмотры. Приемная семья была обязана отчитываться перед уездными (волостными) исполкомами (сельсоветами) о состоянии здоровья патронируемого. При этом особое внимание было обращено на контроль выделения денежных средств.

Значительное количество указаний губернским комиссиям Деткомиссия ВЦИК рассылала в виде циркуляров, писем и информации. Так, привлекая внимание к вопросу о материальном обеспечении выпускников детских домов, направленных в Москву и губернские города для поступления в учебные заведения, Деткомиссия циркуляром № 5995 от 12 июля 1927 г. уведомила Воронежскую губернскую комиссию о недопустимости случаев, когда подростки оказывались до начала учебного года в незнакомом городе без жилья и средств к существованию, «останавливаясь» где придется и

вновь скатываясь к беспризорности. Задача их организационного сопровождения возлагалась на губернские и местные Деткомиссии¹⁰⁸.

Для формировавшейся в 1920-е гг. системы правового регулирования общественных отношений в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних и борьбы с детской беспризорностью и преступностью, как и для советской экономики и социальной сферы того периода, были характерны плановые начала.

Официально первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР (первая пятилетка) начался в 1928 г., однако практика среднесрочного планирования во всех сферах вводилась с момента перехода к НЭПу. Не могли плановые начала обойти и сферу государственной детской политики, которая должна была осуществляться на этой основе. Ликвидация беспризорности была запланирована в процессе реализации разработанного Деткомиссией трёхлетнего плана (1926/1927–1928/1929 гг.)¹⁰⁹. План предусматривал расширение сети исправительных учреждений и трудовых домов.

Существенное расширение полномочий Комонес с начала 1930-х гг. было регламентировано новым Положением, принятом в 1931 г., на смену отработавшего пять лет старого. Теперь Комонес уже не рассматривали лишь факты правонарушений несовершеннолетних, а вели профилактическую работу по беспризорности и девиантному поведению, защищали права и интересы детей и подростков, которые были в опеке, либо патронате¹¹⁰.

В то же время, правовое регулирование вопросов ликвидации беспризорности, не отличаясь системностью, к концу 1920-х гг. не позволяло решить эту проблему. В этом смысле большие надежды возлагались на

---

¹⁰⁸ Сборник действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР, постановлений Деткомиссии при ВЦИК и ведомственных распоряжений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Вып. 2. М., 1929. С. 71.

¹⁰⁹ Трёхлетний план борьбы с детской беспризорностью. М., 1927. С. 11–12.

¹¹⁰ Сборник действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР. Вып. 3. М., 1932. С. 17.

постановление ВЦИК и СНК СССР от 20 ноября 1930 г.¹¹¹, где речь шла впервые об обеспечении жилой площадью выпускников детских домов уже в течение 1931 г. (для работающих на производстве). Предполагалось, что жилье будет предоставляться, прежде всего, тем, кто поступает в систему профессионально-технического образования или ВУЗы. Под жильем подразумевались места в общежитиях, а также жилая площадь в строящихся домах (которых в те годы строили очень мало). В Воронежской области эта задача возлагалась на местные советы, не имевшие ни ресурсов, ни фондов. То же касается и предприятий, которые, в соответствии с Постановлением, должны были в приоритетном порядке принимать воспитанников детских домов и обеспечивать их жильем¹¹². Поставленные задачи ни в Воронежской области¹¹³, ни в других регионах СССР выполнены не были.

Спустя пять лет Правительство СССР и ЦК партии вынуждены были признать нерешенность проблемы беспризорности вполне официально – в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»¹¹⁴. В духе времени причиной столь неблагоприятного развития событий в столь чувствительной сфере были названы нерасторопность и грубые ошибки на местах, прежде всего – региональных органов власти и советов, которые недостаточно привлекали и организовывали общественность.

В ходе начинающегося процесса завершения редактирования и перехода к процедуре обсуждения проекта новой Конституции СССР 1936 г., для власти невозможно было признать, что столь длительное существование беспризорности – это дефект социалистического строя. В постановлении от 31 мая 1935 г. виновными оказались не только местные советы (в основном их председатели), но и родители либо опекуны, которые, по оценке партии и

---

¹¹¹ Сборник действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР. Вып. 3. М., 1932. С. 3.

¹¹² Там же. С.13.

¹¹³ *Перцев В. А.* Попытка решения жилищного вопроса в Воронежском крае в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Воронежский вестник архивиста. 2010. № 8. С. 110–120.

¹¹⁴ СУ СССР. 1935. Вып. 4. Ст. 7.

правительства, были безучастны к детям. Выводы и меры, предлагавшиеся в документе, без признания беспризорности негативным социальным явлением, вряд ли могли оказать на неё какое-то воздействие.

Постановление отразило продолжающийся эмпирический поиск оптимальной структуры и системы управления и подведомственности детских учреждений¹¹⁵. Оно, как и ранее принимавшиеся документы содержало акцент на трудовом воспитании и политехнической подготовке воспитанников, для чего планировалось создавать в детских трудовых учреждениях мастерские, а воспитанников детских домов направлять на производственную практику на промышленные предприятия, что давало бы выпускнику детского дома возможность получить профессию. Выполнение указанной задачи «упиралось» в острую нехватку педагогических кадров, способных вести профессиональное техническое обучение. Этот вопрос решался выделением специальных квот с повышенной оплатой труда.

Постановление от 31 мая 1935 г. актуализировало вопросы предупреждения беспризорности, но делалось это в духе времени. Документ вводил уголовную ответственность для опекунов, которые использовали свой статус в личных, корыстных целях. Предусматривалось, что сельским семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, должны были помогать кассы общественной взаимопомощи, которые в силу крайней бедности сельского населения реально не работали. В городах эта функция была поручена бюджетам социального страхования.

Параллельно проблему беспризорности стали решать репрессивными методами. Правовой основой для этого стало Постановление СНК СССР и ЦИК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». В соответствии с документом, без изменения УК РФ, понижалась возрастная планка. К уголовной ответственности могли быть привлечены дети с 12 лет за тяжкие и средней тяжести преступления,

---

¹¹⁵ Бендер Е. А. Правовые основы борьбы с детской беспризорностью в РСФСР в 1920–1930-е годы // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 177–188.

лишь часть ограничений сохранилась до 16 лет. Постановление исключило применение ст. 50 УК РФ о снижении ответственности вполнину, либо на треть, в зависимости от возраста¹¹⁶.

Нормативная база борьбы с беспризорностью, опиравшаяся вначале на социалистическую социальную теорию, не обеспечила решение проблемы, что вынудило советское политическое руководство перейти к проверенным методам «чрезвычайщины», а также «кавалерийской атаки». В конце 1920-х гг. на своих форумах детские работники ещё могли констатировать, что в губерниях борьба с беспризорностью выливается в «спорадические кампании», стимулируемые исключительно «нажимом» сверху или потребностями празднования юбилеев. Такие кампании обычно продолжались две-три недели, после чего с беспризорностью вновь становилось «все спокойно»¹¹⁷. Подобное положение на фоне предельной минимизации функций гражданского общества неизбежно вело к усилению репрессивных начал и подходов.

В целом, формирование системы правового регулирования общественных отношений в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних и борьбы с детской беспризорностью и преступностью в 1920-е – 1930-е гг. Воронежском регионе шло в русле исполнения законов, постановлений ВЦИК РСФСР и СССР, а также директив (указаний, инструкций, циркуляров) народных комиссариатов просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и НКВД. Вторым уровнем правового регулирования стали документы полуобщественных организаций, специально созданных государством для содействия делу охраны прав несовершеннолетних и искоренения беспризорности. Прежде всего, это были детские комиссии всех уровней.

---

¹¹⁶ СЗ СССР. 1935. № 19. Ст. 155.

¹¹⁷ *Славко А. А.* Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4 (64). С. 229–234.

Принимая во внимание присущую советской системе управления сверхцентрализацию, тенденция которой быстро нарастала с середины 1920-х гг., а также столь же быстрое сужение сфер влияния гражданского общества, местного самоуправления и самостоятельности регионального управления, находившихся под плотным партийным контролем, сложно вести речь о формировании какой-то особой губернской институциональной среды в сфере социально-правовой охраны несовершеннолетних и борьбы с детской беспризорностью и преступностью. Губернские органы едва успевали (а чаще всего не успевали, за что жестко критиковались Центром) исполнять огромный директивный и инструктивный поток, спускавшийся из Москвы от нескольких наркоматов, их главков, управлений, а также от Деткомиссии. В данном случае нормативные акты губернских органов представляли собой лишь средства исполнения, поступивших сверху директив, а как таковая собственная губернская нормативно-правовая основа превенции беспризорности, как система, созданная с учетом региональных особенностей и возможностей, отсутствовала.

ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕСПРИЗОРНОСТИ

2.1. Воронежская детская комиссия по улучшению жизни детей: цели учреждения, основные направления деятельности, итоги

На рубеже 1910–1920-х гг. Советскую Россию накрыла волна детской беспризорности, сравнимая по своим масштабам с всенародным бедствием и национальной катастрофой. Её причины коренились в происходивших в стране и за её пределами геополитических и социально-политических потрясениях, о чём неоднократно говорилось в отечественной историографии. В условиях беспризорного и безнадзорного детства ребёнок попадал в тяжелейшие жизненные условия, которые отрицательно сказывались на его физическом и психологическом состоянии здоровья, а также затрудняли дальнейшую социализацию.

Обитая на вокзалах, ютясь в подвалах, беспризорники пополняли криминальный мир, занимались кражами и попрошайничеством. Особенно много их скапливалось на крупных железнодорожных узлах, а также в столице и региональных центрах. В начале 1920-х гг. губернский Воронеж относился к числу городов, где размещались значительные массы беспризорников из голодающих губерний Поволжья. Высокий уровень детской беспризорности отмечался также в Острогожске, в уезде которого в 1921 г. наблюдался сильный неурожай, и Валуйках, как одном из железнодорожных узлов, что свидетельствовало о широкой волне странствующих беспризорных детей. Через несколько лет советскими докторами будет подмечено, что «любовь к передвижению и ненависть к закрытому дому, как бы он прекрасно ни был обставлен», стала «важной чертой в психике таких “бродяжек”»¹¹⁸.

---

¹¹⁸ См.: Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2002. С. 56.

Возможно, так оно и было, что, впрочем, не отменяет того обстоятельства, что толпы первых устремившихся в другие регионы беспризорников делали это вовсе не из любви к странствиям, а в надежде элементарно добыть пропитание и не умереть с голоду. Советская литература 1920–1930-х гг. изобиловала подобными примерами¹¹⁹.

Проблемы беспризорности и порождённой ею детской преступности взволновали умы высших руководителей страны. Об этих социальных болезнях заговорили открыто. Близившаяся к окончанию Гражданская война, в которой большевикам удалось отстоять власть и государственный суверенитет, позволила им, наконец, обратить своё внимание на проблему охраны детства. Как гласил один из официальных документов того времени, «нужно вопрос поставить ребром и бросить на него всё, что есть, чтобы спасти подрастающее поколение от вымирания. Ещё раз подчёркивается, что речь идёт не о каких-либо “улучшениях”, представлении особых благ, а о спасении»¹²⁰.

Созданный впопыхах Гражданской войны особый чрезвычайный орган – Совет защиты детей (февраль 1919 г.), не смог справиться с поставленными задачами. За два года своего существования он растерял данные ему широкие права и полномочия, превратившись «из органа междуведомственного, направляющего и толкающего работу ведомств, в просто придаток Наркомпроса, толкающийся сам в различных ведомствах»¹²¹.

Несмотря на негативный опыт, государство, тем не менее, не отступило от своих принципов. Более того, кампания по ликвидации беспризорности с самого начала приобрела политическую окраску. Беспризорность после Первой мировой войны имела международную прописку и не была присуща исключительно молодой советской республике. Но боролись с ней везде по-

---

¹¹⁹ См., напр., *Неверов А. С.* Ташкент – город хлебный. М., 1923. В повести описывается, как 12-летний крестьянский мальчик из Самарской губернии в условиях жесточайшего голода 1921 г., чтобы спасти от голода маму и трёх братьев, направляется в среднеазиатский город Ташкент, о продуктовом изобилии которого ходит много легенд.

¹²⁰ Дети ГУЛАГа. С. 39.

¹²¹ Там же. С. 37.

разному. В Западной Европе и США (как и в дореволюционной России) проблему пытались решить, опираясь на семейное воспитание и общественную благотворительность. В РСФСР возобладали социальное воспитание детей и государственная опека над ними. «Забота о жизни и здоровье детей как обязательстве государства впервые была признана советской властью», вырвавшей её «из рук частной благотворительности, филантропии»¹²².

В 1921 г. при ВЦИК была образована Комиссия по улучшению жизни детей (ДТК) под председательством Ф. Э. Дзержинского. Целью комиссии являлось общее руководство делом борьбы с беспризорностью, а также оказание помощи детям, в первую очередь беспризорным. На местах создавался институт губернских и уездных уполномоченных ВЦИК по улучшению жизни детей. Назначение на должность председателя ДТК руководителя одиозной ВЧК, по всей вероятности, должно было служить мощнейшим стимулом для мобилизации советской бюрократической машины в решении поставленных задач. Сам Ф. Э. Дзержинский охотно откликнулся на приглашение возглавить ДТК: «Я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК. <...> Я думаю, что наш аппарат – один из наиболее чётко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются, его побаиваются. <...> Отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность?»¹²³

Если верить мемуарной литературе, любовь Ф. Э. Дзержинского к подрастающему поколению носила искренний характер и сформировалась задолго до социально-политических катаклизмов начала XX в. В письме своей сестре в октябре 1902 г. он признавался, что любит детей «так, как никого другого. <...> В особенно тяжкие минуты я мечтаю о том, что я взял какого-либо ребёнка, подкидыша, и ношусь с ним, и нам хорошо. Я живу для него, ощущаю его около себя, он любит меня той детской любовью, в которой

---

¹²² Дети ГУЛАГа. С. 36.

¹²³ Рыцарь революции. Воспоминания современников о Ф. Э. Дзержинском. М., 1967. С. 278–279.

нет фальши... Часто, часто мне кажется, что даже мать не любит детей так горячо, как я»¹²⁴.

Насколько полно и в какой именно степени Ф. Э. Дзержинский был реально погружен в решение проблем детей является вопросом открытым. Несомненным, однако, остаётся тот факт, что председателя ВЧК воспитанники детских домов и трудовых коммун считали «Всероссийским попечителем о детях»¹²⁵. Со многими из них посредством получаемых писем ему удавалось поддерживать связь. В их числе были воронежские пионеры. 2 июля 1926 г. они сообщали о присвоении их отряду его имени. «Дорогой товарищ Дзержинский, мы, юные пионеры вновь организованного 30-го отряда Второго района г. Воронежа (при губотделе ОГПУ), шлём Вам горячий пионерский привет и сообщаем, что своему отряду мы присвоили Ваше имя и избираем Вас почётным пионером. <...> Товарищ Дзержинский, 6 июля с. г. наш отряд даёт торжественное обещание и получит Красное знамя. Посылая Вам красную косынку, просим надеть её 6 июля в 7 часов вечера, т. е. в то время, когда мы будем давать торжественное обещание»¹²⁶.

Полноценный региональный аппарат ДТК поначалу создавать не планировалось. Предполагалось, что в своей работе комиссия будет опираться на исполкомы и местные органы Наркомата просвещения, а контролировать и координировать эту деятельность будут специальные уполномоченные ДТК, назначаемые по одному на губернию и уезд их исполкомами¹²⁷. Однако вскоре в разных уголках страны, по аналогии со столицей, стали создаваться местные Детские комиссии по улучшению жизни детей.

Первым уполномоченным ДТК ВЦИК в Воронежской губернии стал 33-летний заведующий губернским отделом народного образования И. И.

---

¹²⁴ См.: *Дзержинская С. С.* В годы великих боёв. М., 1975. С. 362.

¹²⁵ Там же. С. 377.

¹²⁶ Там же. С. 378–379.

¹²⁷ *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов. С. 63.

Пискарёв¹²⁸. В конце февраля 1921 г. на эту должность его назначил Президиум губисполкома. И. И. Пискарёв состоял в партии с 1906 г., в дореволюционный период работал под псевдонимом в Новгородской, Псковской, Тверской губерниях, а также Петрограде¹²⁹. «Работа по улучшению жизни детей в губернии началась с первых чисел марта»¹³⁰, – напишет он в своём первом докладе в Москву. Однако его пребывание губуполномоченным окажется непродолжительным – четыре месяца спустя, 1 июля, И. И. Пискарёва на этой должности сменит председатель губчека Д. Я. Кандыбин. Острота и масштабность проблемы требовали чрезвычайных мер.

Воронежская ДТК была организована в 1921 г. при исполнительном комитете рабочих и крестьянских депутатов (губисполкоме), представлявшем собой коллегиальный орган власти, который осуществлял повседневное руководство хозяйственным и культурным развитием региона. В июне 1921 г., понимая, что в одиночку не справиться, при губуполномоченном была организована постоянная комиссия-семёрка в составе представителей ГубОНО, Губздрава, Губпродкома, Губчека, губотдела РКИ, Губпрофсовета, ГубСКУ. Именно эта «семёрка» и дала основание в последующем считать её Воронежской губернской детской комиссией по улучшению жизни детей. Будучи репликой центральной ДТК в регионе, комиссия являлась междуведомственным органом, призванным к согласованию и объединению деятельности отдельных ведомств и организаций, ведущих работу по борьбе с детской беспризорностью. Должность председателя ГубДТК на первых порах занимал губернский уполномоченный ВЦИКа по улучшению жизни детей. В Воронежской губернии ими являлись (в соответствии с общегосударственной тенденцией) представители чекистского аппарата – сначала председатель губчека Дмитрий Яковлевич Кандыбин (1921–1923), затем начальник отдела ОГПУ Иван Андреевич Шевелёв (1924–1925). В дальнейшем деятельностью ГубДТК руководил секретарь исполкома или

---

¹²⁸ В архивных документах встречается также иное написание фамилии: Пескарёв.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 54 об. – 55.

¹³⁰ Там же. Л. 32.

другой представитель этого органа власти. Таким образом, мы видим постепенную, но вместе с тем весьма быструю трансформацию института губернских уполномоченных ДТК ВЦИК в аппарат местных ДТК.

К концу 1923 г. деятельность Воронежской ГубДТК «в силу ряда причин замерла; не было даже губуполномоченного, так как бывший им тов. Кандыбин выбыл из Воронежа в связи с переводом по службе, новый же ещё не был назначен губисполкомом»¹³¹. 11 марта 1924 г. губисполком утвердил новую «семёрку» под председательством И. А. Шевелёва, после чего деятельность комиссии возобновляется. Одновременно происходят преобразования в её структуре и расширение штата. В частности, создаётся рабочее бюро ДТК, в состав которого вошли инспектор-инструктор (новая должность) и два представителя от Административного и финансового отделов губисполкома. Им предстояло заниматься подготовительной и организационной работой. Особого технического аппарата в распоряжении ДТК по-прежнему не было, за исключением секретаря, работавшего, по словам И. А. Шевелёва, «в порядке совместительства (основная служба по ГубОНО). Для печатания на машинке, рассылки корреспонденции и прочее ГубДТК пользуется аппаратами ГубОНО и Губотдела ОГПУ»¹³².

Местные ДТК ежегодно отчитывались о своей деятельности перед ДТК при ВЦИК. По этим сохранившимся отчётам у современного исследователя также есть возможность узнать точную численность и состав комиссии. К примеру, по данным на 1 июня 1925 г., в состав ГубДТК входило 12 человек, представлявших разные органы власти и общественные организации: отделы образования, здравоохранения, социального обеспечения, Красного креста, ОГПУ и т. д. Президиума у комиссии сначала не было, все текущие вопросы решались на её пленарных заседаниях, он появился к 1927 г.

В уездах Воронежской губернии были организованы уездные деткомиссии (УДТК), являвшиеся органами ГубДТК на местах. Их состав

---

¹³¹ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 191. Л. 78.

¹³² Там же.

был аналогичен составу ГубДТК. В целях установления постоянной связи с губернским центром и развития плановой деятельности уездных комиссий ГубДТК руководила их работой: направляла в уезды циркулярные распоряжения и указания с приложением разработанных схем для построения производственного плана работы, ведения и представления периодических отчётов, а также осуществляла инспекторские выезды на места. Время от времени проводились губернские съезды уездных уполномоченных УДТК.

С центром ГубДТК поддерживала связь посредством получения руководящих указаний, периодического предоставления отчётности и выездов инспектора-инспектора. Например, инспектор-инспектор П. Г. Новиков в 1925 г. выезжал в столицу дважды: в связи с проведением флажной кампании и обсуждением гражданского иска в московском губернском суде к московскому издательству «Торгсвос» за нарушением им договора о поставке флагов, а также в связи с реализацией изданий ДТК ВЦИК¹³³.

Для выстраивания эффективной работы ГубДТК требовалось вести на постоянной основе учёт беспризорного элемента, однако в условиях советской действительности начала 1920-х гг. это оказалось труднодостижимым. Численность беспризорников в раннесоветский период является предметом дискуссий, а имеющиеся сведения отличаются противоречивостью и грешат неточностью. Подсчитать точное количество не представляется возможным из-за отсутствия чёткого критерия для определения их статуса и специального органа, в задачу которого входило уточнение и обобщение разрозненных данных. С переходом к мирной жизни и всё большего отдаления военного времени, попытки посчитать беспризорников стали более настойчивыми. Так, в марте 1924 г. в очередной раз была поставлена задача «провести точный учёт беспризорных несовершеннолетних по городу Воронежу под руководством отделения СПОН и ГубОНО при помощи временной дружины из 30 человек-

---

¹³³ ГАВО. Ф. Р-1419. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

представителей: 8 от Женотдела, 8 от РКСМ, 7 от Педфака ВГУ и 7 от Рабфака»¹³⁴.

По предварительным данным, общее количество беспризорных в Воронежской губернии в 1921 г. составляло около 35 тыс. человек. Из них от 21 691 до 24 096 человек (сведения разнятся) находились на полном иждивении государства в 208 детских учреждениях закрытого типа (детдома, приёмники, распределители), а 10 тыс. ожидали приёма в них¹³⁵.

Первые несколько лет функционирования Детская комиссия и её местный аппарат посвятили продовольственному обеспечению детей, чтобы не допустить вымирания целого поколения (или даже поколений) граждан своей страны. Остальные направления деятельности временно отошли на второй план. «Вопрос питания является одним из коренных вопросов, удовлетворительное разрешение которого явилось бы громадным успехом, но, с другой стороны, при общих наших продовольственных затруднениях он является в то же время и наиболее трудноразрешимым»¹³⁶, – отмечал в апреле 1921 г. зампредседателя ДТК при ВЦИК. Под словосочетанием «продовольственные затруднения» чиновник завуалировал голод, охвативший многие регионы Советской России. Даже сельскохозяйственная Воронежская губерния с преобладающим крестьянским населением не могла себя прокормить, что было вызвано не только разрушительными военными действиями, но и проводившейся политикой военного коммунизма. «Продовольственный кризис в губернии усиливается. Населению прекратили выдавать паёк, за исключением воинских частей, больниц и детских домов»¹³⁷, – сообщалось в информационной сводке местного подразделения ОГПУ за 1 июля 1921 г. В дальнейшем страдавшее из-за недостатка продовольствия население стало испытывать на себе последствия

---

¹³⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 1.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 30, 89.

¹³⁶ Дети ГУЛАГа. С. 39.

¹³⁷ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. М., 1998. С. 462.

многочисленных болезней (тиф, холера), а также умирать от голода. В январе 1922 г. в Богучарском уезде на почве голода имел место случай людоедства¹³⁸.

В начале 1920-х гг. детские учреждения виделись многим взрослым оазисом спасения подрастающего поколения. Недаром в воронежский детский дом-распределитель им. Ф. Энгельса дети попадали на основании заявлений, просьб, как со стороны домового комитета бедноты, так и со стороны родственников ребёнка. Встречались и заявления от родителей, которые, по их собственным словам, «не могли спокойно смотреть, как голодной смертью умирали их дети»¹³⁹.

В реалиях военного времени и экономического кризиса у государства не оказалось средств для осуществления на практике декларируемых ими постулатов, в силу чего довольно скоро обязанности по содержанию многочисленной армии беспризорников были переложены на плечи местных властей, от которых зависело благополучие, а зачастую и сама жизнь подрастающего поколения. Осознавая это, руководство ДТК при ВЦИК призывало активнее проявлять «местную инициативу», так как «возлагать много надежд на центр нельзя»¹⁴⁰. Однако в регионах не спешили откликаться на подобную инициативу. К примеру, доклады уполномоченных Воронежской губернии на протяжении всего 1921 г. пестрят сообщениями о том, что «отделы уисполкомов, партийные и профсоюзные организации ещё слабо поняли всю важность работы по улучшению жизни детей и поэтому почти совершенно не принимают в ней никакого участия»¹⁴¹.

В Острогожском уезде Воронежской губернии в работе местных властей также не было единства. В то время как местные продкомы проявляли «безразличное отношение к детям», уездный исполнительный комитет, деткомиссия и губчека, напротив, развернули активную работу по спасению детей. Осенью 1921 г. в уезде был проведен «двухнедельник

---

¹³⁸ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. С. 567.

¹³⁹ ГАВО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 235. Л. 59.

¹⁴⁰ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 75.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 88, 169.

помощи детям» с целью «встряхнуть все органы», «приказать им пойти действительно навстречу детям»¹⁴². В результате двухнедельника все детские дома были снабжены топливом на 5 месяцев и керосином на 7 месяцев. За это время были отремонтированы все школы уезда; было открыто 5 новых детских домов; детские учреждения были обеспечены почти всем необходимым минимумом, кроме тёплой одежды. Вместе с тем, понимая, что двухнедельник – не более чем временная мера, которая не решит всех проблем, а на государство рассчитывать бессмысленно, Острогожская уездная комиссия приступила к эксплуатации находящихся в уезде меловых богатств, чтобы на полученные средства содержать детей¹⁴³.

Важной обязанностью ГубДТК на всём протяжении её деятельности являлось обследование (инспектирование) детских учреждений региона с целью выявления в их деятельности дефектов и их искоренения, выяснения нужд и потребностей для оказания практической помощи, а также принятия соответствующих мер. Анализируя состояние детских учреждений, представители ДТК приходили к выводу о вине в катастрофическом положении детей не только объективных политических и экономических трудностей, но и преступного равнодушия чиновников местного уровня. В апреле 1921 г. губуполномоченный И. И. Пискарёв неоднократно телеграфировал местному губернскому продовольственному комитету о систематических нарушениях в деле снабжения продовольствием детских учреждений: «Снабжение детей, находящихся в учреждениях, крайне беспорядочно, нормы, произвольно сокращаются, замена недостающего не производится, выдача продовольствия затягивается»¹⁴⁴.

Жалобы сотрудников ДТК и её уполномоченных на пренебрежительное отношение местных и центральных властей к интересам детей были неизменной составляющей отчётов и прочей делопроизводственной

---

¹⁴² ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 169.

¹⁴³ Там же. Л. 182.

¹⁴⁴ Там же. Л. 106.

документации ДТК в течение всего периода её существования¹⁴⁵. Уполномоченный Воронежской губернии в своём отчёте за первое полугодие 1923 г. сообщает: «Местные органы Соввласти и хозорганы далеко не всегда с достаточной чуткостью и внимательностью относятся к делу быта и воспитания детей. Целый ряд учреждений и организаций, несмотря на улучшающееся положение промышленности и общее состояние Государства, отказался от содержания детдомов (Губвоенком, Последгол, Губсовнархоз, ЕПО, союз Совработников и др.)»¹⁴⁶.

В условиях уменьшения численности детдомов (так называемой «разгрузки»), вызванного их переводом на баланс регионального бюджета, многие дети оказались просто-напросто выброшенными на улицу. По данным на 1923 г., количество детских учреждений закрытого типа в Воронежской губернии сократилось почти на 31 % (144 против 208 в 1921 г.). Значительно меньше стало воспитанников в них – 8 085 (в три раза, чем двумя годами ранее). Помимо этого, на очереди стояли 2 484 ребёнка. Всего же беспризорных и безнадзорных детей в регионе насчитывалось 26 962¹⁴⁷.

На протяжении 1920-х гг. по губернии отмечалась устойчивая тенденция дальнейшего сокращения сети детских домов: в 1923–1924 гг. их насчитывалось 131, приют в котором нашли 7728 воспитанников, в 1924–1925 гг. – 104 (7271 воспитанник), 1926–1927 гг. – 68 (4993 воспитанника). Таким образом, к 1927 г. количество детских учреждений по отношению к 1921–1922 гг. сократилось на 81 %¹⁴⁸.

Несмотря на внушительное сокращение численности детских учреждений, а также значительную часть местного бюджета, приходившуюся на долю народного образования, выделяемых средств не хватало на удовлетворение даже минимума детских нужд. По этой причине основное внимание ГубДТК, начиная с 1924 г., было сосредоточено на изыскании

---

¹⁴⁵ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 80.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 191. Л. 8.

¹⁴⁷ См.: Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 360.

¹⁴⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 598. Л. 7.

средств, необходимых для борьбы с беспризорностью и помощи нуждающимся детям. Расход этих средств поручался губернским и уездным органам народного образования и здравоохранения, а на местах – райисполкомам и сельсоветам, как непосредственно ведущим основную практическую работу по борьбе с детской беспризорностью.

Во имя благой цели оказания помощи детям приходилось залезать в карманы советских обывателей и принуждать их к пожертвованиям. Благодаря этому удалось найти путь к созданию материальной базы для улучшения жизни детей. Речь идёт о регулярно проводимых в 1920-е гг. недельниках, двухнедельниках и месячниках помощи нуждающимся детям, оказавшихся весьма действенным способом пополнения бюджета ДТК. Они имели разные названия: «Неделя больного и беспризорного ребёнка», «Месячник борьбы с детской беспризорностью» и др., – но помимо сроков проведения (на что указывало их наименование), по сути, друг от друга ничем не отличались.

В качестве примера возьмём проводившийся в Бобровском уезде в период с 1 мая по 1 июня 1928 г. месячник борьбы с детской беспризорностью. Уездные власти основательно подготовились к его проведению. Ставилась задача провести собрания в профсоюзах, частях Красной Армии и других общественных организациях, добиваясь помимо индивидуальной помощи решений собраний в части единовременного отчисления с зарплаты от 1 % до 3 % на усиление борьбы с беспризорностью. На собраниях предстояло выступить с докладами о целях и задачах проводимой кампании, а также проинформировать трудовые коллективы о имеющихся в этой области результатах – тем самым задействовать инструменты агитации и пропаганды. На должной высоте было и информационное сопровождение месячника. Для мобилизации общественного мнения были выпущены листовки-воззвания к населению уезда, а специальные выпуски стенгазет в Боброве и волостях освещали работу местных властей по преодолению беспризорности. Наряду с этим,

предполагалось добиться максимального использования кинопостановок по периферии, а также концертов, вечеров, театров, лекций и других мероприятий с целью усиления фондов борьбы с беспризорностью, особенно используя день 1 Мая; при скоплении публики провести кружечный сбор. Властями особо подчёркивалось, что отчисления должны осуществляться на добровольной основе, «дав решительный отпор кривотолкам от враждебных элементов, которые могут изобразить эту кампанию как обязательные отчисления вроде поборов»¹⁴⁹.

В те же сроки месячник помощи детям был проведён в губернском Воронеже. Мероприятия по изысканию средств здесь тоже оказались в центре внимания. Очевидно, что статус столицы губернии и масштаб задействованной агитационно-пропагандистской кампании позволял опустошать карманы обывателей на более крупные суммы, чем в уездах. Многочисленнее и разнообразнее были формы увеселительных мероприятий. К примеру, 2–4 июня 1928 г. в Первомайском саду состоялся грандиозный благотворительный базар. Специально для реализации среди трудящихся масс ГубДТК выпустила первомайские значки, нагрудные бантики-розетки из красной материи, открытки из жизни беспризорных, плакаты с рисунками о беспризорных детях и т. д.¹⁵⁰

Помимо чисто финансовых соображений месячники имели большое практическое значение. Их проведение сопровождалось работами по учёту беспризорного элемента, изъятию его с улиц, проверке состояния детских учреждений, контролю над патронатными семьями, а также просвещению рабоче-крестьянских масс в вопросах охраны детства – от организуемых в детдома экскурсий до разъяснительной работы о предоставляемой матерям-одиночкам социальной помощи (дабы искоренить наличие детей-подкидышей) и о существенной роли в предупреждении беспризорности летних сельских яслей и площадок. Таким образом, месячники представляли

---

¹⁴⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 454. Л. 2–4.

¹⁵⁰ ГАВО. Ф. Р–1419. Оп. 1. Д. 5. Л. 19–20.

собой практическую модель совместной деятельности власти и общественности, направленную на искоренение беспризорности и безнадзорности.

В условиях НЭПа едва ли не главным критерием успешности ДТК стала её коммерческая составляющая. В распоряжении каждой ДТК находились предприятия, деятельность которых приносила доход. К примеру, в один из весенних месяцев 1925 г. механический ипподром (тотализатор), располагавшийся в доме № 31 по Проспекту Революции, пополнил бюджет ГубДТК на 4 тыс. руб.¹⁵¹ При городских кинотеатрах устраивали особые лотереи ГубДТК, но они носили, в основном, сезонный (осенне-зимний) характер, из-за чего заработок от них не был постоянным. От организации концертов артиста государственного оперного театра Зубова и государственного квартета имени Страдивариуса (московский коллектив, игравший на струнных инструментах) с участием балерины Кандауровой в первой половине 1925 г. удалось выручить ещё 339 руб.¹⁵²

Организуемой ДТК на местах торговым, учебно-производственным предприятиям, а также при проведении ею массово-развлекательных мероприятий полагались существенные налоговые льготы. Они освобождались от уплаты всех общегосударственных и местных налогов, судебных пошлин, нотариального и гербового сбора и т. д.¹⁵³

Другими источниками доходности комиссии служили мероприятия по реализации государственных флагов (чистый доход за первый квартал 1925 г. от этой деятельности составил 8800 руб.), марок, значков и прочей продукции, издаваемой ДТК ВЦИК. В силу перенасыщенности рынка подобными изданиями и развившейся между ними конкуренции, зарабатывать на этом год от года становилось всё труднее. Однако ГубДТК удалось заключить соглашение с представителями местных кооперативных торговых предприятий о систематическом распространении марок среди

---

¹⁵¹ ГАВО. Ф. Р-1419. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

¹⁵² Там же. Л. 3.

¹⁵³ Дети ГУЛАГа. С. 70–71; ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 356. Л. 18.

покупателей при продаже вина и других спиртных напитков. Договорились также с воронежскими пивными складами, готовыми отчислять в пользу ДТК по 10 коп. с каждого продаваемого ведра пива. Сезонные торговцы-мороженщики согласились ежемесячно выделять по 3 руб. каждый. Кроме того, в мае 1924 г. в распоряжение ГубДТК передали отобранные губрозыском у гражданина Гуревича 3 663 руб., незаконно получившего эту сумму от совнаркома¹⁵⁴. Управляющие банками приняли решение о начислении ½ % на каждую активную банковскую операцию в пользу беспризорных¹⁵⁵. Таким образом, среди источников доходов ДТК выделялись временные и постоянные.

Имели место и курьёзные случаи. В сентябре 1927 г. в распоряжении ДТК ВЦИК оказались данные о том, что некоторые местные ДТК и Общества «Друг детей», выпуская на рынок продукцию своих подсобных предприятий, ставят на них марку фирмы «в совершенно неприемлемой и недопустимой форме». Например, на бутылку вина клеится этикетка «ДТК», на средстве по уходу за обувью красуется надпись «Мазь для обуви – Друг Детей». В Москве не возражали против указания на продукции фирмы ДТК или ОДД, как источника её происхождения, однако указывали, что делать это надо таким образом, чтобы «в глазах широкой советской общественности это не искажало основных задач организации и не дискредитировало основную идею оказания помощи ребёнку, поставленной перед ними»¹⁵⁶.

Особенно осторожными следовало быть тем местным ДТК, которые, не производя сами продукции, переуступают право пользования своей маркой (фирмой) третьим лицам и организациям, выпускающим на рынок товар от имени ДТК. Это могло стать причиной «нежелательной и вредной спекуляции», лёгким и выгодным способом сбыта неходового товара. «Такого рода спекуляции, будучи вредными сами по себе, – предупреждали в циркуляре, – неизбежно уронят в глазах широких трудящихся масс авторитет

---

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 191. Л. 101.

¹⁵⁵ Там же. Л. 100 об.

¹⁵⁶ ГАВО. Ф. Р–1419. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.

и достоинство Деткомиссий, как высоких по своим целям и заданиям государственно-общественных учреждений»¹⁵⁷.

На территории Воронежской губернии уездные ДТК дублировали структуру и функции губернской ДТК, являясь на местах её копией в миниатюре. Например, источниками дохода Борисоглебской УДТК в 1926 г. послужили: лотерея при кинотеатре «Модерн», продажа билетов 1-й вещевой лотереи, организованной центральной ДТК, проведение недели помощи беспризорному ребёнку, а также случайные пожертвования. Вырученные средства были направлены на содержание столовой и ночлежки в течение 8 ½ месяцев, где ежедневно кормились 40 человек, ночевали 10–15 человек; реэвакуацию детей; выплату единовременных пособий и стипендий¹⁵⁸.

Для объективности картины нельзя не отметить имевшие место в середине 1920-х гг. факты злоупотреблений и должностных преступлений среди чиновников младшего и среднего звена, в том числе сотрудников ДТК. Или, как фиксировалось в официальном делопроизводстве, «вследствие халатного отношения административно-хозяйственных лиц, за последнее время наблюдается значительное повышение преступности в хозяйственных органах – подлоги, растраты и хищения»¹⁵⁹. К большому сожалению, концентрация ресурсов и денежных средств в руках ГубДТК без должного стороннего контроля приводила к коррупции среди её членов. Так, назначенный в 1925 г. новым председателем ГубДТК Бурутин прямо говорил об отсутствии в комиссии опытного счётного работника (бухгалтера) и

---

¹⁵⁷ ГАВО. Ф. Р-1419. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.

¹⁵⁸ Там же. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 461. Л. 137 об. В апреле 1928 г. Т. Я. Суздальцева обратилась в Борисоглебский УНО с просьбой «дать денег или же бельём на сироту Егорова Михаила, который проживает у меня, т. к. он в этом крайне имеет нужду, а я сама ему купить на свои средства не могу, потому что у меня своя нужда». 15-летний Миша приходился Суздальцевой племянником. Сама заявительница нигде не работала, единственным средством к существованию семьи было получаемое мужем пособие по безработице. Ещё осенью 1927 г. местная ДТК выдала 10 руб. на приобретение одежды для подростка, а в феврале 1928 г. ему были куплены ботинки. Получив положительный опыт разрешения своей просьбы, гражданка Суздальцева весной 1928 г. снова подала прошение. И снова ей улыбнулась удача – мальчику выдали рубашку и штаны стоимостью по 1,5 руб. каждые. См.: Там же. Л. 132 об.

¹⁵⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 3.

сетовал на их частую сменяемость, вследствие чего учёт поступлениям и расходам был не точен. Неправильное ведение финансовой отчётности позволяло скрывать хищения: «Чтобы отыскать ошибку <...> надо проверить все записи по всем разбросанным и несистематизированным материалам за несколько лет»¹⁶⁰, что, по понятным причинам, было практически невозможно. В результате, при вступлении в должность Бурутина баланс ГубДТК был сведён с убытком 6856 руб. 78 коп., «каковой объясняется кроме неточности записей главным образом нерациональным ведением дела и неумелым ведением учёта. Кроме убытка принято сомнительных долгов на 6057 руб. 78 коп. без надежды на их получение. <...> Следует ещё отметить, – сокрушался чиновник, – что баланс принят с задолженностью в сумме 15 390 руб. 59 коп.»¹⁶¹

Хромающая финансовая отчётность региональных ДТК была в центре постоянного внимания ДТК ВЦИК. «За 1926–1927 отчётный год некоторые ДТК представляли свои финансовые отчёты с опозданием, некоторые с отступлением от форм составления последних, а некоторые и вовсе не предоставили. Это недопустимо, – возмущались в Москве, – поскольку несвоевременное и нерегулярное предоставление счетов с мест лишает ДК при ВЦИКе возможности достаточно полно учитывать нужды мест и своевременно реагировать на них, не даёт возможности производить учёт всей работы и её результатов и отчитываться о ней перед высшими инстанциями»¹⁶². Нарушителям грозили приостановкой, а затем и полным лишением дотаций со стороны ДТК при ВЦИК. Отметим, что на средства центральной ДТК содержался, например, приёмник-распределитель в Борисоглебске.

По материалам проверки отчётного материала возникли вопросы и к Воронежской ГубДТК, в бухгалтерской документации которой по-прежнему наблюдалась чехарда, а общие расходы (содержание аппарата и хозрасчёты),

---

¹⁶⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 4 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 4 об. –5.

¹⁶² ГАВО. Ф. Р–1992. Оп. 1. Д. 94. Л. 224.

как замечали в Москве, «чрезмерно велики и составляют по отношению к доходам ненормально высокий процент»¹⁶³.

Должностные преступления фиксировались и на уровне уездных детских комиссий. Об этом, в частности, свидетельствует письмо из Валуйского уезда Воронежской губернии за авторством С. Е. Прасолова, которое он написал М. И. Калинину в апреле 1926 г. Корреспондент служил секретарём правления в местной артели инвалидов «Красная звезда» и профуполномоченным Союза Совторгслужащих. Советский обыватель считал своим «долгом честного и сознательного гражданина СССР» довести до сведения председателя ЦИК и ДТК информацию о ненормальности работы Валуйской уездной детской комиссии. Из письма мы узнаём, что существующая уже второй год Валуйская УДК с самого начала своей деятельности имеет такие предприятия, как номера для приезжающих, два биллиарда, лото, а также буфет и вешалку в городском народном доме и столовую при полном оборудовании. На 8 января 1926 г., по словам Прасолова, за двумя бывшими председателями УДК А. Бондаренко и М. Алексеевой числится долг перед детской комиссией в размере 873 руб. 93 коп., а также долги за разными лицами 1273 руб. 95 коп. Всего 2147 руб. 37 коп. «Долги на 75 % совершенно сомнительные либо лицевые счета по бухгалтерским книгам дебиторов велись неверно, а именно: в большинстве случаев имя отчество и место жительства дебиторов записывалась только одна фамилия»¹⁶⁴. К тому же сама УДК должна разным лицам и учреждениям 2221 руб. 50 коп., что не позволяет новому председателю приступить к исполнению своих обязанностей. Вполне логично, что новое лицо не хотело отвечать по старым долгам, сделанным другими людьми.

Казалось бы, наличие предприятий, которыми располагала Валуйская УДК, позволяла изыскивать средства и направлять их на улучшение быта беспризорников. К примеру, за один месяц 1926 г. (с 10 января по 10 февраля)

---

¹⁶³ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 351. Л. 24.

¹⁶⁴ Дети ГУЛАГа. С. 65.

чистая прибыль составила 1308 руб. 44 коп. – от бильярда 316 руб. 13 коп., от лого 558 руб. 50 коп., от номеров 20 руб. 22 коп., от вешалки народного дома 73 руб. 49 коп., от столовой, чайной 115 руб. 62 коп., от буфета 331 руб. 43 коп. При этом на беспризорных детей было потрачено всего лишь 31 руб. 39 коп.¹⁶⁵ Остальные вырученные средства направились, видимо, в ином направлении. Подобное стало возможным из-за отсутствия должного контроля со стороны других органов власти, в частности, той же ГубДТК. «О работе [уездных ДТК] полных сведений не имеется, так как, несмотря на своевременные руководящие указания, таковые некоторыми УДТК не представлялись»¹⁶⁶, – красноречиво говорилось в отчёте ГубДТК в середине 1925 г.

Все полученные ГубДТК средства, за исключением организационных расходов (содержание служащих, командировки и др.), направлялись на оказание помощи детям. Она осуществлялась в форме материальной поддержки детдомов из системы органов образования и здравоохранения¹⁶⁷, отпуска средств на реэвакуацию детей к родным¹⁶⁸, участия в плановой работе по борьбе с детской беспризорностью.

На эти же средства создавались специальные учреждения для детей. Например, в январе 1925 г. в здании бывшей мужской гимназии С. Морозовой на улице Ф. Энгельса открылась губернская профессиональная школа для беспризорных детей на 100 человек. Профшкола имела 4 отделения: сапожное, столярное, слесарно-кузнечное и портняжное. Первоначальная смета расходов на организацию этого учреждения составила 30 тыс. руб., однако закупка оборудования для нужд обучающихся и расходы по

---

¹⁶⁵ Дети ГУЛАГа. С. 65.

¹⁶⁶ ГАВО. Ф. Р-1419. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹⁶⁷ К примеру, за первую половину 1925 г. Павловскому детскому городку было отпущено 800 руб., Задонскому – 350 руб., школе-коммуне № 1 им. Зиновьева – 800 руб., на организацию и содержание ночлежки – 500 руб., на пионерское движение – 1500 руб. и т.д. См.: ГАВО. Ф. Р-1419. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

¹⁶⁸ Отправляемые к родным дети снабжались ж/д билетами до конечной станции, а из приёмников получали продукты на дорогу.

ежемесячному содержанию профшколы потребовали дополнительных средств в размере свыше 15 тыс. руб.

Усилиями ГубДТК в 1925 г. была вновь открыта детская ночлежка на 30 мест, предназначавшаяся, главным образом, для детей-бродяжек, шатающихся по разным городам и не желающих жить в детских учреждениях. Цель её основания виделась в том, чтобы «исподволь подойти к детям улицы и постепенно перевести их от рынка, воровства и хулиганства на производительный труд, который вернёт их к своему классу»¹⁶⁹. Однако ГубОНО не поддержало эту идею и своим постановлением вскоре закрыло ночлежку, передав детей в приёмник. Тем не менее в ГубДТК настаивали на своём: «Учитывая большой наплыв в последнее время беспризорных детей, шатающихся по улицам, перед ГубДТК снова стоит вопрос об открытии такой же ночлежки»¹⁷⁰.

В 1926 г. ГубДТК выделила 14 тыс. руб. на учреждение трудовой сельскохозяйственной колонии для несовершеннолетних правонарушителей на хуторе Калиново в Новохопёрском уезде. Непосредственно организацией колонии занимался ГубОНО, выделивший для этого ещё 5 тыс. руб. из своего бюджета¹⁷¹. В числе других учреждений, созданных на средства ОблДТК, отметим детский костно-туберкулёзный санаторий в Липецке (1929), детский театр (1932) и музыкальная школа для беспризорных детей (1933) в Воронеже, детские клубы (1934) в Воробьёвке и Кантемировке¹⁷².

В 1931 г., в период с 1 октября по 1 ноября, ОблДТК провела на территории Центрально-Чернозёмной области месячник по ликвидации уличной беспризорности. Данный временной отрезок выбирался «с учётом наибольшего наплыва беспризорных в осенний период»¹⁷³. Кампания проводилась на средства ОблДТК (9 тыс. руб.), ДТК при ВЦИК (16,5 тыс.

---

¹⁶⁹ ГАВО. Ф. Р-1419. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1873. Л. 10–11.

¹⁷² Там же. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 59. Л. 26.

¹⁷³ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1547. Л. 1.

руб.) и ОблОДД (15 тыс. руб.). Предполагалось собрать в общей сложности 800 детей: 300 человек в возрасте до 16 лет, 500 – от 16 и старше. Однако полученный результат оказался противоречивым. В 12 районах из 32 (от остальных нет сообщений), включенных в сеть пунктов по изъятию беспризорных с улицы, удалось собрать только 459 человек. Отмечая в целом успешность проведенной операции в районах области, ОблДТК «установила случаи безобразного отношения к проведению кампании со стороны отдельных организаций»¹⁷⁴. К таким, в частности, было отнесено Орловское общество «Друг детей», отказавшееся предоставить места для беспризорных переростков в местной завод-школе № 3. Между прочим, Орловское ОДД было самым мощным в ЦЧО по своей производственной деятельности, насчитывающей до 800 рабочих. Председатель Курской ДТК т. Суков так и вовсе отказался принимать участие в кампании сбора беспризорных. Липецкий горсовет накануне сбора беспризорных ликвидировал один детский дом, чем «не только лишил себя возможности проведения кампании, но и поставил живущих в детском доме детей в невозможные условия». Возникли вопросы и к Белгородскому горсовету, не предоставившему помещение под общежитие для учеников работающих ОДД и подлежащих набору из числа беспризорных подростков.

В том же году на железнодорожных станциях Лиски, Грязи и Валуйки для борьбы с беспризорностью на транспорте ОблДТК организовала вагоны-приёмники.

Вместе с тем к деятельности Воронежской ДТК регулярно возникали вопросы. Состояние детской беспризорности и подростковой преступности в губернии было удручающим. Одна из причин этого виделась в недостаточной эффективности ДТК. Претензии были открыто высказаны на совещании у губернского прокурора в ноябре 1925 г., где обсуждались причины сложившейся криминогенной обстановки и методы борьбы с ней. Парируя критику в свой адрес, председатель ГубДТК т. Бурутин утверждал, что

---

¹⁷⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1547. Л. 3.

Деткомиссия не имеет в своём распоряжении ни ночлежки, ни приёмника, она только собирает средства и распределяет их по соответствующим учреждениям. По этой причине ДТК не может быть ответственна за состояние приёмника-распределителя, в котором постоянно бьют стёкла, из-за чего их приходилось вставлять уже трижды, однако «ребята настолько плохо себя держат, что бежит милиция, справиться обслуживающему персоналу нет никакой возможности... Мы дали приёмнику, – продолжал Бурутин, – постельные принадлежности в количестве 80 комплектов, но это приёмником не выдаётся из боязни, что дети всё немедленно распродадут»¹⁷⁵.

В июне 1927 г. губернская рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) представила Президиуму губисполкома доклад, в котором подвергла резкой критике деятельность ведомственных и общественных организаций в области борьбы с детской беспризорностью. Несмотря на их общее внушительное количество, отсутствует единый руководящий центр. Из-за организационной неувязки борьба с беспризорностью в губернском масштабе сведена к минимуму: отсутствует как учёт беспризорных, так и план борьбы с этим явлением, не развита профилактическая работа, в деятельности по разгрузке детдомов допущены дефекты. «ГубДТК, как междуведомственный орган, призванный к согласованию и объединению деятельности отдельных ведомств и организаций, ведущих работу по борьбе с детской беспризорностью, вследствие пассивности членов комиссии и неправильно взятой линии работы, с основной своей задачей не справилась»¹⁷⁶, – констатировали инспекторы.

В 1928 г. с образованием Центрально-Чернозёмной области ДТК Воронежской губернии была ликвидирована. В августе 1928 г. была создана Областная ДТК в составе пятнадцати человек, представлявших разные государственные и общественные учреждения: образование, здравоохранение, ВЛКСМ, суд, отдел труда, социальное обеспечение, обком

---

¹⁷⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 14 об.

¹⁷⁶ ГАВО. Ф. Р-1419. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

ВКП (б) и другие. Председателем комиссии утвердили члена Президиума облисполкома П. П. Дьяконова¹⁷⁷. По архивным документам удалось установить, что в 1930-е гг. ОблДТК занимала два помещения: дом № 46 по ул. К. Маркса с надворными постройками и дом № 21 по ул. Свободы с прилегающей усадьбой, где размещалась бондарская мастерская¹⁷⁸.

С постепенным сворачиванием в стране НЭПа, местный аппарат ДТК, тем не менее, не утратил способности заработка, получив при этом даже новые возможности. Да и характер самого заработка стал иной. С 1929 г. при ОблДТК стали открывать производственные мастерские, которые освобождались правительством от налогов и сборов и, кроме того, могли арендовать у государственных органов помещения со скидкой 25 %. Для получения прибыли в мастерские нанимали опытных рабочих. В то же время, наряду с коммерческой составляющей, в них осуществлялась учебно-производственная деятельность. Установлено, что в 1930-е гг. в ведении ОблДТК находилось 10 предприятий: швейная, парикмахерская, механическая, обувная, трикотажная, кожгалантерейная, бондарная мастерские, а также химическо-олифоварный цех, фотография и типография. Управляющим этими предприятиями был Д. А. Либерман. Начиная с незначительных оборотных средств в 2 тыс. руб., ОблДТК за несколько лет смогла нарастить их объём до 800 тыс. с выпуском валовой продукции на 2 903 657 руб.¹⁷⁹

К середине 1930-х гг. предприятиями ОблДТК удалось охватить 600 учеников из числа беспризорных подростков, которые получили соответствующую квалификацию¹⁸⁰. В отчёте о своей деятельности за 1935 г. ОблДТК отмечала сосредоточенное внимание в том числе «на укреплении своих производственных мастерских, беря в основу наибольшее внедрение в

---

¹⁷⁷ ГАВО. Ф. Р-1419. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

¹⁷⁸ Там же. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 115. Л. 15.

¹⁷⁹ Там же. Д. 59. Л. 27.

¹⁸⁰ Там же.

них ученичества и создания для них материально-бытовых условий»¹⁸¹. Состав ученичества по отношению к взрослой рабочей силе составлял 78,2 %.

В 1935 г. производственные мастерские при ОблДТК принесли ей чистой прибыли в размере 317 610 руб., 60 % из которых подлежали отчислению на мероприятия по охране детства и помощи детям¹⁸². Отмечалось, что 77 человек из бывших беспризорных и безнадзорных, работавших на предприятиях ОблДТК, находились на её полном иждивении: их обеспечивали питанием, обмундированием и жильём – для девочек оборудовали отдельное общежитие, мальчиков разместили по квартирам.

Без преувеличения пристальное внимание Воронежской ДТК на всём протяжении её существования было приковано к деятельности детских домов и укреплению их материальной базы. Именно детские дома в 1920–1930-е гг. стали основным детским учреждением, в котором беспризорник получал социальную помощь, реабилитацию, образование и необходимые трудовые навыки. Их деятельность постоянно сталкивалась с огромными трудностями. Проблемы, были, пожалуй, типичными для всех учреждений такого рода – недостаточное финансирование, переполненность и, как следствие, плохие условия содержания воспитанников, значительная текучесть персонала, общий дефицит квалифицированных педагогических кадров и др. В разные годы ДТК помогала детдомам в организации подсобных хозяйств, позволявших улучшить продовольственное обеспечение воспитанников в непростое время. С 1927 г. по 1935 г. на оказание помощи детям, в том числе по созданию специальных учреждений для них, ОблДТК выделила из собственного бюджета 531 170 руб.; за тот же период ДТК при ВЦИК перевела в нашу область 3 646 950 руб.¹⁸³

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 31 мая 1935 г. все достигшие 14-летнего возраста подростки подлежали

---

¹⁸¹ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 39. Л. 15.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же. Д. 59. Л. 26.

обязательному выпуску из детских домов. Данный возраст как нельзя лучше подходил для начала самостоятельного трудового заработка, а также применения на практике полученных при обучении в мастерских умений и навыков. Оказание подросткам помощи в дальнейшем трудоустройстве стало важной и в то же время очень непростой задачей ОблДТК, для решения которой приходилось прибегать к административным рычагам давления. В июле 1935 г. облисполком совместно с хозяйственниками осуществили проверку готовности предприятий к приёму выпускников и утвердили план трудоустройства подростков, в основном, в совхозах и на производственных предприятиях. Это позволило в течение 1935 г. найти рабочие места для 585 бывших детдомовцев по всей Воронежской области. На выдачу пособия и необходимого обмундирования ОблДТК израсходовала 45 тыс. руб.¹⁸⁴ Другая часть подростков направилась на обучение в профильные образовательные учреждения: фабрично-заводские училища (ФЗУ), техникумы.

Несмотря на привлекательно-обнадёживающие цифры статистики: за период с 1927 г. по 1935 г. силами ОблДТК удалось трудоустроить более чем 3 тыс. беспризорных подростков – в своих отчётах ей приходилось признавать не востребованность бывших детдомовцев на производстве. Причина заключалась в плохой подготовке, потому что «трудовое обучение детей – особо отстающий участок в работе детских домов и должного внимания ему со стороны ОблОНО не было уделено»¹⁸⁵. Так, к началу 1938 г. в порядке трудоустройства из детдомов Воронежской области были выпущены 158 воспитанников. Облисполком утвердил план их размещения, однако отдельные предприятия (преимущественно заводы г. Воронежа) от приёма отказались (!), в связи с чем трудоустройство проходило по отдельной договорённости с предприятием.

Отпуская подростков в самостоятельную трудовую жизнь, ОблДТК на первых порах заботливо присматривала за ними. Большинство находились в

---

¹⁸⁴ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 39. Л. 8, 9.

¹⁸⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 22.

удовлетворительных условиях. Благодаря хорошему и внимательному отношению со стороны администрации детей размещали в хорошо оборудованном общежитии, обеспечивали питанием и постельными принадлежностями, оказывали помощь в приобретении пальто и летних вещей (совхоз им. Яковлева Елань-Коленовского района, Елецкий кожзавод)¹⁸⁶. На отдельных предприятиях, напротив, выявлялись неудовлетворительные бытовые условия трудоустроенных: плохие жилищные условия (воронежская швейная фабрика), нерегулярное питание (деревообделочная фабрика и завод им. Ленина). Как обычно, не обошлось без формального и бездушного отношения, как, например, в совхозе «Солидарность» Птицетреста, где воспитанницу Смирнову из-за отсутствия обуви сняли с работы. В худших условиях оказались подростки, устроенные в учебные заведения, в которых размер получаемой стипендии не обеспечивал прожиточного минимума¹⁸⁷.

После принятия 31 мая 1935 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) о ликвидации беспризорности и безнадзорности на ОблДТК была возложена задача осуществления процесса типизации детских учреждений в регионе. Воспитанников предстояло разделить по возрастам, больных изолировать от здоровых, освободить детдома от переростков свыше 14 лет, часть учреждений передать из ОНО в ведение других ведомств: здравоохранения, социального обеспечения, НКВД.

В 1936 г. детские дома Воронежской области включаются в социалистические соревнования друг с другом. Данная форма сотрудничества была вызвана к жизни по случаю первой годовщины со дня принятия постановления 31 мая 1935 г. о ликвидации беспризорности, а также широко развернувшимся в стране в то время стахановским движением ударников труда. Между детскими домами заключались социальные договоры о предстоящих работах, прописывались обязательства по их выполнению.

---

¹⁸⁶ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 39. Л. 10.

¹⁸⁷ Там же.

Предметами договора являлись благоустройство территории, ремонт помещений, обеспечение всех воспитанников индивидуальными средствами гигиены, улучшение качества питания, высокие достижения в учёбе и производственной деятельности и т. д.¹⁸⁸ К примеру, соревновались друг с другом Задонский детский дом им. Калинина и Борисоглебский детский дом, Калачеевский дошкольный детский дом им. Крупской и Богучарский дошкольный детский дом им. Рыкова. Согласно условиям договора, планировалось усилить воспитательную работу с дошколятами, обеспечить их необходимой одеждой, посещать с детьми кино и приучить их к вежливости в отношении старших и ровесников¹⁸⁹.

В последний год существования ДТК (1938) в 84 районах Воронежской области функционировали 24 детских дома: 12 школьных, 11 дошкольных и 1 с особым режимом (Добринский) с общим числом воспитанников в них 2101 человек. Тогда же в порядке расширения существовавшей сети в Землянском и Верхнехавском районах были организованы два новых детдома на 50 человек каждый. Однако и это не могло удовлетворить «всей имеющейся потребности в размещении детей по детским домам»¹⁹⁰.

Новым направлением деятельности ОблДТК, особенно активно развивавшимся в 1930-е гг., стало участие в организации детского досуга и внешкольной деятельности как эффективного способа профилактики безнадзорности среди подрастающего поколения.

Касательно детей дошкольного и младшего школьного возраста следует отметить, что ещё со второй половины 1920-х гг. население проявило интерес к яслям и летним детским площадкам, организуемым как в городах, так и в сельской местности. Это было связано с разрушением бытовавших предубеждений к подобного рода учреждениям и широкому вовлечению женщин в трудовую деятельность. Со временем сеть этих учреждений расширялась, а количество отчислений на её содержание увеличивалось.

---

¹⁸⁸ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 75. Л. 47.

¹⁸⁹ Там же. Л. 6.

¹⁹⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 13.

1930-е гг. были ознаменованы новыми тенденциями. В частности, в летнее каникулярное время ОблДТК совместно с ОблОНО организовывали среди воспитанников-детдомовцев смотр детской художественной самодеятельности¹⁹¹. Летом 1938 г. в области были организованы пионерские лагеря, в которых дети получили возможность провести свободное от учёбы время. По понятным причинам охватить пионерским движением абсолютно всех детей было невозможно. Осознавая это, местные власти разработали достойную альтернативу. В частности, закупили 100 путёвок для пребывания детей в Чертовицком и других санаториях, 100 человек предполагалось охватить областным туристическим лагерем. Планировалось также организовать экскурсии в г. Воронеже для 600 детей, 100 детей с этой же целью направить в Москву. В июле 1938 г. намечалось проведение областной детской спартакиады, в рамках которой 300 юным спортсменам предстояло выявить сильнейшего в соревнованиях по футболу, лёгкой атлетике, шахматам и шашкам¹⁹².

Последним председателем ДТК Воронежской области был член президиума и секретарь облисполкома М. Н. Тюрин. В марте 1936 г. в ознаменовании 15-летнего юбилея ДТК при ВЦИК «за энергичную работу и повседневное руководство работой Деткомиссии и делом осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 31 мая 1935 г.» он был премирован суммой в размере 600 руб.¹⁹³ Тогда же денежной премией 400 руб. наградили секретаря воронежской ДТК Т. Овчарову¹⁹⁴. Ключевую роль в работе ДТК в 1930-е гг. играла А. М. Захарова, являвшаяся заместителем председателя ДТК и возглавлявшая областной ОНО.

Существование ОблДТК в течение нескольких лет после постановления 31 мая 1935 г. вызывалось необходимостью реализации принятых положений на практике. «Деткомиссии, как междуведомственные

---

¹⁹¹ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 59. Л. 110.

¹⁹² ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 69.

¹⁹³ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 59. Л. 87.

¹⁹⁴ Там же. Л. 84.

организации, – писал в июне 1935 г. председатель ДТК при ВЦИК Н. А. Семашко, – должны теперь всю свою работу сосредоточить на наблюдении за точным выполнением постановления СНК и ЦК и быть помощниками Исполкомов в этом деле»¹⁹⁵. Подводя итоги 15-летней деятельности, ОблДТК горделиво заявляла, что с великой задачей борьбы «с тёмным наследием прошлого – детской беспризорностью», она с честью справилась¹⁹⁶. 4 ноября 1938 г. Президиум облисполкома постановил ликвидировать ДТК Воронежской области и её структурные подразделения в районах. В течение ноября – начала декабря принадлежащие ей 10 предприятий-мастерских предстояло передать в другие ведомства. В частности, новым владельцем фотографической мастерской стало общество «Динамо» (НКВД)¹⁹⁷.

Появление в 1921 г. Детской комиссии по улучшению жизни детей именно как межведомственного органа было полностью оправданным, поскольку решение масштабных задач силами какого-либо одного ведомства оказалось невозможно. Создание местного аппарата ДТК являлось, безусловно, сильной стороной этого учреждения. Это позволяло быть в курсе всех региональных проблем, вовремя на них реагировать и по возможности оперативно устранять. Более того, Деткомиссия и её региональные подразделения были единственным в стране государственным органом, занимавшимся исключительно вопросами охраны детства. Своим упорством её сотрудники пробивали равнодушие чиновников, побуждали их проявлять инициативу и более ответственно относиться к исполнению обязанностей в отношении детей. Воронежская ДТК – во многом универсальное по своим функциям учреждение, чем только не занимавшееся за полтора десятка лет своего существования. В условиях голода 1921 г. и его последствий сумели спасти от вымирания целое поколение детей. В период НЭПа научились зарабатывать, а впоследствии организовали рентабельное производство. Участвовали в жизни детских учреждений, вникая во все детали их

---

¹⁹⁵ ГАВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 24. Л. 59.

¹⁹⁶ Там же. Д. 59. Л. 25.

¹⁹⁷ Там же. Д. 115. Л. 6.

организационного устройства и быта воспитанников. С помощью месячников помощи детям привлекали к проблеме внимание общественности и мобилизовывали её на борьбу с беспризорностью.

В Воронежском регионе в череде многочисленных обязанностей ДТК выделяются, главным образом, три основных направления: изыскание средств для преодоления и искоренения беспризорности, оказание материальной помощи детским домам и трудоустройство подростков. В решении насущных вопросов ДТК опиралась не только на государственные органы власти, но и на общественные организации.

Очевидно, что в деятельности Воронежской детской комиссии по улучшению жизни детей имелись существенные недочёты, как, например, хаотичная бухгалтерия 1920-х гг., позволявшая скрывать следы хищений и использования сотрудниками денежных средств в личных целях вместо оказания помощи детям, или недостаточная организационно-руководящая роль по объединению усилий различных ведомств, ведущих борьбу с беспризорностью, о чём неоднократно говорилось в отчётах рабоче-крестьянской инспекции.

В то же время неоценим тот вклад, который ДТК внесла в преодоление проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Воронежском регионе. Во многом не её вина, что противоречивая политика властей, попеременно меняющая вектор в развитии страны, не только не подрывала основ беспризорности, но и порождала её с новой силой.

2.2. Деятельность советской общественности в решении проблемы детской беспризорности: степень вовлечённости и формы участия

Детская беспризорность как социальное явление стала острой и одной из наиболее сложных проблем для новой советской государственности с самых истоков её существования. В начале 1920-х гг. она приобрела глобальный характер. Дети и подростки стали заложниками исторических

событий. Многие из них, обречённые на выживание, теряли свои корни. Причём не только в Советской России, но и за её пределами. «Началась революция. Несмотря на свои десять лет, я сразу же понял, что всё кончено»¹⁹⁸, – признавался находившийся в эмиграции подросток. «Чувствовать, что у себя на родине ты чужой, – это хуже всего на свете»¹⁹⁹, – дополнял его другой. Совершенно прав был педагог-эмигрант А. Бем, утверждавший, что «нет русского ребёнка, за редкими исключениями, который не рос бы эти годы в ненормальной обстановке»²⁰⁰.

В Воронежской губернии, как и в целом по стране, наблюдался острейший продовольственный кризис, многочисленными жертвами которого становились дети. «По имеющимся у меня сведениям, – сообщал в апреле 1921 г. уездный уполномоченный комиссии по улучшению жизни детей в Коротояке Чаплиев, – в уезде было несколько случаев голодной смерти детей»²⁰¹. Летом того же года губернский уполномоченный Д. Я. Кандыбин с прискорбием констатировал: «Продовольственный кризис в губернии сильно сказывается на положении детей. Уезд[ные] уполномоченные сообщают необычайно тяжёлые факты массовой смертности детей в дет[ских] учреждениях, но современное положение не даёт возможности помочь в этом»²⁰². Впоследствии отмечалось, что несмотря на крайне тяжёлое положение, создавшееся «в силу недорода 1920 г. и голода 1921 г., губерния не получала сколько-нибудь серьёзной поддержки из центра, а на её территории не работала ни одна из иностранных организаций»²⁰³.

---

¹⁹⁸ Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / Под ред. проф. В. В. Зеньковского. М., 2001. С. 69.

¹⁹⁹ Там же. С. 52.

²⁰⁰ Там же. С. 196.

²⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 76.

²⁰² Там же. Л. 146.

²⁰³ Там же. Д. 191. Л. 7. После ужасающего голода 1921 г. большевикам пришлось признать катастрофу и принять иностранную помощь. В течение короткого времени были подписаны более двадцати договоров с международными организациями, изъявившими желание помогать Советской России. В этом списке значился в том числе договор Наркомпрода с американскими квакерами. Недавно в издательстве «Новое литературное

Голод 1921 г. и его последствия вызвали у жителей губернии и рабочих коллективов стремление оказать помощь нуждающимся детям. «Поступающие сведения с мест говорят о кошмарном положении детей, находящихся на обеспечении государства. Подрастающее поколение обрекается в буквальном смысле на вымирание. Необходимы героические меры»²⁰⁴, – констатировал в сентябре 1921 г. губуполномоченный ДТК ВЦИК в Воронежской губернии Д. Я. Кандыбин. Одной из таких неотложных мер стал утверждённый губисполкомом двухнедельник помощи детям с 9 по 24 октября 1921 г. «Надо встряхнуть все отделы, в боевом порядке приказать им пойти действительно навстречу детям. Земотделы, совнархозы и профорганизации должны, наконец, помощь уполномоченному и спасти гибнущих детей»²⁰⁵, – резюмировал Д. Я. Кандыбин.

О равнодушии местных чиновников неоднократно говорилось в его отчётах за 1921 г.: «Органы учреждения и ответственные работники в губернии ещё очень плохо осознали ударность работы в данной области и почти совсем не идут навстречу уполномоченным»²⁰⁶. Зачастую это имело трагические последствия: в сентябре губуполномоченный получил телеграмму из Богучара «о внезапной смерти 50 человек в детучреждениях от недоброкачественного мяса»²⁰⁷.

Усугублял и без того сложную ситуацию постоянный приток в течение лета и осени 1921 г. голодающих детей из Поволжья, что вынуждало подыскивать для них новые помещения и изыскивать дополнительные средства, «в то время, когда у нас в губернии дело обстоит слишком слабо»²⁰⁸. Воронежская губерния по своему географическому положению оказалась на перекрёстке транспортных маршрутов по пути следования с Поволжья на

обозрение» вышла книга, посвящённая их деятельности в нашей стране в этот переломный период времени. См.: *Никитин С. А.* Как квакеры спасали Россию. М., 2020.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 169.

²⁰⁵ Там же. Л. 169–169 об.

²⁰⁶ Там же. Л. 146.

²⁰⁷ Там же. Л. 169.

²⁰⁸ Там же.

Украину и с Севера на Кубань. Для поволжских детей, оседавших в нашем регионе, на узловых железнодорожных станциях Воронеж, Лиски, Поворино открывались приёмники. Губуполномоченный Д. Я. Кандыбин просил разрешения центра о пересылке их в более благополучные с продовольственной точки зрения регионы, однако ответа так и не получил.

Намеченный двухнедельник совпал с проведением Всероссийского субботника помощи детям, состоявшемся 16 октября 1921 г. В этот день Воронеж был объявлен единым рабочим лагерем. На детей работали все фабрики, заводы, предприятия, а также советские учреждения и железнодорожный узел. Гарнизон, городская организация РКП (б) и РКСМ мобилизовали до 3 тыс. человек, силами которых проводилась работа по разгрузке железнодорожного узла. Полученная плата отчислялась в пользу детей. Было принято решение не ограничиваться однодневной помощью, а продолжить оказывать её на регулярной основе. В ходе первого в истории региона двухнедельника помощи детям ставилась задача привлечения внимания к проблеме государственных органов, но главным образом, самого общества. План работы включал ликвидацию жилищно-санитарного кризиса, необходимость оборудования помещений, обеспечение детей одеждой и обувью, улучшение питания вне государственных ресурсов и обследование воспитательной стороны с привлечением виновных к ответственности. Для достижения поставленных целей использовались различные методы: отчисление пайка едока либо определённого процента для изготовления необходимых предметов гардероба, обязательства рабочих коллективов по ремонту зданий детучреждений и т. д.²⁰⁹ Таким образом, начинанию со стороны общественности власть изначально старалась придать организованный и плановый характер.

Труднее было положение в сельской местности. Отчасти оно объяснялась слабостью советского аппарата в годы Гражданской войны и начала НЭПа. Летом 1921 г. многие уезды Воронежской губернии были

---

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 164-165.

поражены политическим бандитизмом, в результате чего, например, в десятке волостей Валуйского уезда, в ближайших волостях к Новохопёрску, в южной половине Острогожского уезда органы советской власти «отсутствовали совершенно»²¹⁰. Президиумы сельсоветов и волисполкомов либо разбегаются при угрозе появления бандитов, либо в лучшем случае, «сказываются в нетях, числясь больными»²¹¹. Но даже в наиболее спокойных местах северной части губернии ситуация была не лучше – в отдельных уездах отсутствовали не только сельские, но и волостные Советы.

Крестьяне, находясь под прессом постоянных социально-политических катаклизмов, к тому же обременённые многочисленным семейством, как правило, не испытывали особого желания нести бремя по содержанию чужих детей. Отчасти ситуацию удавалось выправить за счёт сельских комитетов взаимопомощи и отдельных неравнодушных граждан. Одной из таких личностей стала воронежская писательница Елизавета Митрофановна Милицына, заведующая волостной библиотекой в деревне Шукавка Верхнехавского уезда. В середине 1923 г. в бывшем имении помещика Д. Т. Деева ею был организован детский дом, в котором удалось разместить более 30 детей, направленных сюда по инициативе сельских комитетов взаимопомощи. Необходимые предметы мебели: столы, скамейки и топчаны, – делались из подручного материала, в частности, старых досок, взятых из разобранного деевского сарая. Одежду, обувь, постельные принадлежности для детей Е. М. Милицына лично привозила из Воронежа²¹².

В условиях послевоенной разрухи, массового голода, дефицита денежных средств и общей экономической нестабильности неопределимую роль в спасении подрастающего поколения от вымирания сыграли местные

---

²¹⁰ ГА РФ. Ф. Р–1235. Оп. 99. Д. 53. Л. 39 об.

²¹¹ Там же. Устаревшее разговорное выражение «сказаться в нетях» означало отсутствовать, быть неизвестно где, уклоняться (напр., от государственной службы).

²¹² ГАОПИ ВО. Ф. 5297. Оп. 4. Д. 293. Л. 4. Е. М. Милицына стала продолжателем славной традиции русских литераторов помогать нуждающимся в их спасении от голода. Хорошо известно, например, о роли В. Г. Короленко, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого в преодолении последствий голода 1891–1892 гг., охватившего губернии Поволжья и Черноземья.

уполномоченные ДТК ВЦИК в Воронежской губернии. Проявляя инициативу и энтузиазм, далеко выходявшие за рамки их служебной деятельности, своими силами им удавалось обеспечивать детские учреждения питанием и необходимыми предметами быта. «Только большими усилиями и энергией самих уполномоченных удаётся им при этой трудной обстановке сделать что-то для детей»²¹³, – неоднократно отмечалось в начале 1920-х гг. Например, в Павловске уездному уполномоченному Наумовичу удалось провести электрическое освещение во все детучреждения города; уполномоченный Алексеевского уезда Воскресенский делегировал своих представителей с отдельным вагоном в южные регионы для закупки необходимого детучреждениям хлеба²¹⁴.

В январе 1922 г. Д. Я. Кандыбин телеграфировал в Москву о критическом положении государственных детей: «Детей после сокращения [детучреждений] числится 24 401 человек, а [продовольственных] пайков для их содержания определено 7 тысяч. <...> Дети будут подвергнуты гибели»²¹⁵. Губуполномоченный ходатайствовал перед ДТК ВЦИК о предоставлении в его распоряжение одного вагона для поездки по маршруту Новочеркасск – Ростов – Краснодар – Новороссийск – Ейск – Бахмут «на предмет приобретения в указанных местах сушёных фруктов, продуктов, вин в адрес детучреждений Воронежской губернии»²¹⁶. В Москве его инициативу поддержали, отметив, что «Воронежская губерния – одна из тех губерний, которая, быстро сориентировавшись в работе при новых условиях, энергично принялась за неё»²¹⁷.

Но, пожалуй, самый известный пример проявленной инициативы и деловой энергии связан с уполномоченным Острогожского уезда Фёдором Фоменко. В июне 1921 г. он с ужасом докладывал о переполненности

---

²¹³ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 90.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же. Д. 116. Л. 2.

²¹⁶ Там же. Л. 1.

²¹⁷ Там же. Л. 4.

детучреждений в Острогожске «до невозможности», так как «вследствие голода наплыв детей для поступления стихийный. Открывать новые учреждения невозможно ввиду остро переживаемого продовольственного кризиса, отсутствия материалов для ремонта зданий, полного отсутствия мануфактуры для белья, детского платья, обуви»²¹⁸. Дабы выйти из парализованной нехваткой денег и пайков ситуации, Ф. Фоменко своими силами стал разрабатывать в уезде меловые месторождения. К осени 1921 г. на вырученные средства предполагалось закупить на Украине, в частности Киевской и Полтавской губерниях, 13,5 тыс. пудов хлеба и 400 пудов сахара. В столице сочли «начинания Воронежа совершенно правильными в условиях НЭП и наиболее реальными» и поддержали просьбу Острогожского уезда о предоставлении права вывоза указанного количества продуктов с Украины²¹⁹.

В октябре 1921 г., как признавался сам Ф. Фоменко в подробном отчёте в ДТК ВЦИК, ему пришлось задуматься об изыскании средств на месте, т. к. из 4 тыс. детей, находившихся к тому времени в острогожских детучреждениях, 2300 были сняты с государственного пайка. В ноябре 1921 г. член УДТК Ушаков предложил купить 1 вагон молотого мела для обмена его на продукты детского питания из расчёта пуд к пуду. «Послушав совета товарища, я сообразил, – говорил Фоменко, – что легче всего и доступнее продавать мел, чем обменивать, и дело оставалось за деньгами. Я рискнул взять взаимобразно в Острогожском ОНО 1 млн 300 тыс., занял 1 млн 700 тыс. у заведующего ремонтной секцией УНО и продал корову детдома. Дело было начато в декабре 1921 г. с 3 млн, которые были даны в задаток за купленный в Коротояке у кустарной артели мел»²²⁰. Острогожский уисполком, видя пользу от торговых операций, дал в распоряжение Фоменко 30 млн руб. сроком на один месяц. Наличие такого количества денежных средств привело к мысли «о взятии в аренду мелоразмольного завода при станции Копанице ЮВЖД в 14 верстах от Острогожска». В

---

²¹⁸ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 114.

²¹⁹ Там же. Л. 182.

²²⁰ Там же. Д. 116. Л. 33.

дореволюционное время здесь располагались 4 мелоразмольных завода с тремя печами для выжигания извести, принадлежавшие Дивногорскому товариществу. Вскоре Острогожской УДТК удалось получить право на разработку мела на одном из них (бывшем заводе Яковлева), представлявшего собой кустарное предприятие, где молотый мел вырабатывался камнями, приводимыми в движение лошадьми. Производительность достигала до двух вагонов в сутки молотого мела и до ста вагонов в месяц колотого мела на карьере при заводе. После революций и разрушительной Гражданской войны, когда началось восстановление и ремонт различных зданий, потребность в меле и извести была необычайно высока. Поэтому дивногорский мел покупали как в Воронежской губернии, так и за её пределами (Москва, Харьков). К весне 1922 г. от продажи выручили 206 млн руб., 200 из которых были переданы в уездный отдел народного образования для детского питания²²¹.

Меловое производство планировали развивать в губернском масштабе, «как один из верных способов по изысканию средств для содержания детей в Воронежской губернии местными средствами»²²². Войдя во вкус коммерческой деятельности, Ф. Фоменко ходатайствовал перед ДТК ВЦИК о сосредоточении в своём распоряжении всех четырёх заводов при ст. Копанице и беспрепятственном получении железнодорожных вагонов, необходимых для доставки мела заказчикам из разных регионов страны. «На оборотные средства можно содержать сотни тысяч детей и дать заработок безработным из близлежащих сёл»²²³, – резюмировал острогожский уполномоченный.

Однако главным препятствием в деле успешной реализации дивногорского мела стала железная дорога, вернее, отсутствие необходимого количества подвижного состава у наркомата путей сообщения. «Весь тормоз, – сетовал Ф. Фоменко, – в том, что не представляется возможным отправить

---

²²¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 116. Л. 33 об.

²²² Там же. Л. 15.

²²³ Там же. Л. 34.

уже проданный мел по месту назначения за неподачей вагонов»²²⁴. Проблема ощущалась очень остро, поскольку производственная мощность мелоразмольного завода вышла на уровень, требующий ежедневно до 5 вагонов. «Запасы мела большие, дадут реальную поддержку голодающим», – телеграфировал Ф. Фоменко в Москву в мае 1922 г., прося содействия центра в разрешении этого вопроса.

Дальнейшего развития, судя по всему, освоение меловых богатств в Острогожском уезде не получило. Ни в региональном, ни в федеральном архивохранилищах упоминаний об этом в последующие годы не содержится. В отчёте за весенние месяцы 1924 г. губуполномоченный ДТК ВЦИК в Воронежской губернии И. А. Шевелёв утверждал, что «источников постоянных доходов не имеется» и что «в основе всех нужд лежит одна – нужда в материальных средствах»²²⁵.

В молодой советской республике представители общественности получили широкие возможности для оказания помощи нуждающимся детям. Отличительной особенностью такой помощи в новых социально-политических условиях стало отрицание принципа благотворительности, который ставил заботу о детях в зависимость от состоятельности отдельных граждан. В соответствии с идеологией, объём и характер заботы о детях определялся государством²²⁶. К тому же, как хорошо известно, борьба с беспризорностью изначально стала для большевиков политической задачей, где должен был быть обеспечен приоритет классовых ценностей²²⁷.

Практические шаги по искоренению беспризорности оказались созвучны представлениям об этом отдельных граждан, которые обращались к власти с помощью писем, как, например, Л. Поляков из г. Каменск-на-Дону. В

---

²²⁴ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 116. Л. 20.

²²⁵ Там же. Д. 191. Л. 78 об., 81.

²²⁶ *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов. С. 87. Даже в Российской империи государство пыталось взять под контроль различные общественные благотворительные организации, поэтому вряд ли большевиков можно считать новаторами в этом вопросе.

²²⁷ *Рожков А. Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134.

марте 1926 г. он адресовал Деткомиссии при ВЦИК послание, где предлагал «ещё один огромный вопрос поставить перед центральной властью. <...> Вопрос, который до сих пор Центром не разрешён к стыду нашему: это о беспризорных, которые представляют заразу в обществе мирных жителей. Это язва на теле советского организма! Это позор для рабоче-крестьянской страны»²²⁸. По словам советского обывателя, целая армия беспризорников бродяжничает по стране: «они снуют по большим и малым городам, по железным дорогам, по базарам, по ярмаркам и везде наводят тоску и ужас: воруют, курят, пьют, дерутся, развратничают». Особенно много беспризорников Поляков увидел на железнодорожном вокзале в Воронеже (см. подробнее об этом в третьем параграфе второй главы). Полученные впечатления, вероятно, стали последней каплей, переполнившей терпение, и заставили взяться его за перо. Л. Поляков утверждает, что именно центральное правительство виновно в сложившейся ситуации, поскольку «до сих пор не приняло крутых мер для спасения детей». При этом не нужно надеяться на «милость и сознание населения» – «никакие добровольные меры не помогут и детей не спасут». Автор письма предлагает ввести специальный налог для помощи беспризорным, «и каждый гражданин пошёл бы навстречу, только не видеть этого ужаса, этого позора. Я хоть 5, хоть 10 р[ублей] согласен оторвать от скудного заработка»²²⁹, – заключал Поляков. В противном случае «нас ожидает целая армия бандитов, уркаганов и кого хотите». Ещё одна мера, предложенная в письме для очищения советского организма от язвы беспризорности – учреждение коллекторов для трудноисправимых, «иначе их почти невозможно перевоспитать».

Участие широкой общественности в решении проблемы беспризорности в Воронежской губернии нашло отражение, как и в целом по стране, в создании такой организации, как общество «Друг детей» (ОДД). Она была создана по инициативе «сверху» в первой половине 1920-х гг.

---

²²⁸ Дети ГУЛАГа. С. 64.

²²⁹ Там же. С. 65.

Практика деятельности этой организации и его ячеек выявила впоследствии истинную причину его создания – попытка властей переложить бремя расходов по содержанию беспризорных детей с государственного бюджета на частных лиц и общественные организации. Для многих категорий граждан участие в «добровольной» организации являлось обязательным.

В Воронеже ОДД было учреждено в 1924 г. К тому времени на баланс местного бюджета были переведены уже все детучреждения региона, из-за переполненности которых на просторах губернии продолжали беспризорничать десятки тысяч детей²³⁰. По замыслу учредителей ОДД имело «своей целью не столько материальную поддержку, сколько активное содействие рабочих масс делу борьбы с детской беспризорностью путём участия в работе детучреждений, контроля над подопечными и патронированными детьми»²³¹. Предполагалось, что каждая ячейка будет иметь непосредственную связь с одним из детдомов. В результате рабочие, став членами организации, получали возможность познакомиться с жизнью детдомовцев, отпускаемыми им средствами, методами воспитания, и в то же время рабочий контроль должен благоприятно отразиться как на постановке дела в детдомах, так и на психологии детей, приблизив их к рабочей массе, от которой они до сего времени были оторваны²³².

Воронежское общество «Друзья детей» приступило к деятельности с 1 января 1925 г. Изначально ОДД имело тесную связь с ГубДТК. К середине 1925 г. при различных воронежских предприятиях было создано 28 ячеек ОДД, членами которых стали 1115 человек. Всего с января по октябрь 1925 г. удалось организовать 70 ячеек с общим количеством 3310 человек. Отмечалось, что в губернском центре в эти организации втянуто до 30 % всей массы рабочих и служащих города, что позволило дать реальные результаты в деле помощи детям²³³.

---

²³⁰ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 191. Л. 97.

²³¹ Там же. Л. 100.

²³² Там же.

²³³ ГАВО. Ф. Р–1419. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

В уездах ситуация была не такой радужной и отличалась противоречивостью. В 1925 г. с целью вовлечения рабоче-крестьянских масс в дело организованной помощи детям путём организации ячеек на местах ГубДТК разработала комплекс мероприятий по оживлению деятельности ОДД. Некоторые УДТК, учтя назревшие запросы, проявили в деле организации ОДД инициативу и активность. Как следствие, ячейки появились не только в городских или волостных районах, но и в сельских местностях. Другие УДТК, как отмечали в ГубДТК, подошли к данному вопросу с недостаточным вниманием и недооценили значение ОДД, из-за чего деятельность общественных организаций «недостаточно правильно развивалась, зачастую замирая в самом зародыше»²³⁴.

Первоначальной формой деятельности ячеек являлось взимание членских взносов (от 5 до 10 коп.) и сбор добровольных пожертвований. В отдельных случаях ими проводились благотворительные концерты и спектакли в клубах того предприятия, при которых имелись ячейки ОДД. Все полученные таким образом средства ячейки передавали в Правление ОДД, которое в свою очередь отправляло их в кассу губернской детской комиссии на увеличение фонда помощи детям. Помимо этого, члены ОДД распространяли билеты Всесоюзной выигрышной денежной лотереи ДТК ВЦИК и благотворительные издания ДТК, участвовали в мероприятиях в ходе проведения двухнедельника помощи беспризорным детям. Общество поддерживало постоянную связь с учреждениями губернских отделов народного образования и охраны здоровья Воронежского Губисполкома с целью проведения в них шефской работы.

С начала 1930-х гг., когда преобладающее значение стало иметь трудоустройство бывших детдомовцев, повышающее в числе прочего чувство их собственного достоинства и искорявшее иждивенческое настроение, ОДД принимало в этом непосредственное участие. В условиях, когда ряды членов Общества включали самих хозяйственников, это было более чем

---

²³⁴ Там же.

логичным. Однако в реальной жизни проходило всё не так гладко. Во время проведения месячника ликвидации уличной беспризорности осенью 1931 г. ОблДТК отмечала, что «основным тормозом» в этом деле являлись необеспеченность устраиваемых на работу общежитием и недостаточное внимание со стороны отдельных хозяйственных профсоюзных организаций к устройству беспризорных на работу, дальнейшей их квалификации, обеспечении их жилплощадью и обмундированием. «Общественность привлечена недостаточно»²³⁵, – резюмировали в ОблДТК. Нередкими были случаи саботажа трудоустройства бывших воспитанников, нежелание видеть их в числе своих работников. Возможно, к ним даже испытывали чувство брезгливости. Очередное «навязывание» со стороны властных структур приводило к тому, что всё же приняв детдомовцев, администрация предприятий зачастую не проявляла о них заботу и внимание. В итоге подростки оставляли завод «по неизвестной причине».

Воронежское общество «Друзья детей», просуществовавшее до 1935 г., безусловно, внесло свой вклад в общее дело борьбы с беспризорностью. Его деятельность в целом протекала под руководством и контролем ГубДТК. Участие советской общественности в оказании помощи детям с материальной стороны было скромным по сравнению с нуждами ГубДТК. Но сам факт вовлечения широкой общественности в решение проблемы детской беспризорности, осознания ею важности решения задачи спасения детей имел положительное значение²³⁶.

Участие в преодолении беспризорности принимали также представители комсомольских организаций. Один из ветеранов комсомола, Антонина Ивановна Мазурчук, писала в своих мемуарах о событиях 1925 г.: «Помню, как мы собирали ребят из асфальтовых печек, в которые они забирались на ночлег. Грязных, оборванных мы проводили их в бани, а потом

---

²³⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Д. 1547. Л. 5.

²³⁶ Пащенко Н. В. Общество «Друзья детей» в Воронежской губернии в середине 1920-х гг.: история создания, основные направления деятельности // «Берегиня. 777. Сова». 2012. № 3 (14). С. 43.

отправляли в детские дома или в деревню, помогая разыскивать родных»²³⁷. Но в целом, к комсомолу регулярно возникали вопросы. Борьба с беспризорностью не была для них основной деятельностью, в свете чего молодые люди не проявляли к ней особого интереса. В 1931 г., например, отмечалось слабое участие комсомола в поднятии общественно-политического воспитания в детучреждениях и налаживании их внутренней жизни²³⁸.

Наряду с традиционными причинами, беспризорность вызывалась особым направлением советской политики, в рамках которой приоритет отдавался социальному воспитанию детей, а также строго государственной опеке над ними. Вместе с тем, как справедливо замечают современные исследователи, следует воздержаться от искажённого толкования понятий – социальная опека вовсе не означала отстранение семьи от воспитания ребёнка, государство не планировало подменять собою семью. Другое дело, что семейные ценности претерпевали со временем необратимые изменения. Наметившийся в Российской империи ещё до 1917 г. кризис семьи, «особенно в условиях роста больших городов и необходимости заработка женщины», отмечали в своих работах педагоги-эмигранты. «Бурная эпоха революции только обострила этот процесс и поставила более остро те педагогические проблемы, которые связаны с ослаблением роли семьи в жизни ребёнка»²³⁹.

В реалиях Гражданской войны и НЭПа кризис советской семьи ещё более усугубился. В этих условиях органы образования прямо призывали «изымать детей из-под её «пагубного влияния». Фактически речь шла о национализации детей, которых государство планировало уже с младенчества поместить «под благотворное влияние коммунистических детских садов и школ», окончив которые они могли бы «вырасти настоящими

---

²³⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 289. Оп. 1. Д. 416. Л. 9. Воспоминания были написаны ею в 1972 г. во время визита в Воронеж по случаю открытия музея комсомола при машиностроительном заводе им. Ленина, где она сначала была пионеркой, позднее стала комсомолкой.

²³⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1547. Л. 11.

²³⁹ Дети эмиграции. С. 206.

коммунистами». Для этого требовалось лишь одно: «заставить матерей отдать ребенка Советскому государству»²⁴⁰, которое, однако, не было готово их принять.

В Советской России так же, как и в эмиграции, педагоги и общественные деятели сходились во мнении о предпочтительности воспитания детей в детских домах или коммунах, а не в семьях, даже если они принадлежали к тем социальным группам, которые не вызывали идеологической подозрительности. Аргументировали это разными причинами, в том числе лучшими санитарно-гигиеническими нормами. Специалисты заключали, что «материальные, а часто и моральные условия жизни ребёнка в своих семьях хуже условий жизни их в школьных общежитиях»²⁴¹. Советская же власть смотрела на создание интернатов и приютов преимущественно с прагматической точки зрения: сироты и беспризорники были наиболее приспособлены для того, чтобы сделаться носителями новых идеологических установок²⁴². З. Гиппиус вспоминала, как летом 1919 г. по петроградским улицам совершали бодрые строевые прогулки детишки в одинаковых красных панамках, отвлекаясь от праздности пребывания в реквизированных аристократических особняках. Уже с девятилетнего возраста мальчика выпускают говорить на митинге, учат агитации и защите советской власти²⁴³.

В середине 1920-х гг. теоретики советской детской политики пришли к выводу о необходимости восстановления ценностей семейного воспитания. Для детей, лишённых родительской опеки, было решено сместить акцент с их общественного воспитания в государственных детских учреждениях на различные формы семейного воспитания, такие, как усыновление, опека, патронирование.

---

²⁴⁰ Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005. С. 21.

²⁴¹ Дети эмиграции. С. 210.

²⁴² Там же. С. 10.

²⁴³ Гиппиус З. Живые лица. В 2 т. Тбилиси, 1991. Т. 1. С. 176–177.

Наиболее распространённой формой в Воронежской губернии (области) стал патронат, предусматривавший передачу детей на воспитание в крестьянские семьи. Частный патронат виделся достойной альтернативой детдомам, и, наряду с опекой, представлял, как думалось некоторым, наиболее успешную меру борьбы с беспризорностью, поскольку не требовал материальных затрат. Однако по данным на первую половину 1924 г., частный патронат широкого распространения не получил: в Воронеже на воспитание было отдано лишь 10 несовершеннолетних, в уездах же, по словам губуполномоченного, «его совсем нет»²⁴⁴. Объяснялось это тем, что «жизнь крестьянского хозяйства, являющегося основной, почти исключительной, экономической базой губернии, была нарушена и до сих пор не пришла в норму»²⁴⁵.

Различными материальными льготами государство стимулировало этот институт, тем не менее, к середине 1924 г. ситуация особых изменений не претерпела. Более того, было сделано заключение, что «в связи с неурожаем частный патронат не оправдал возлагавшихся на него ожиданий. <...> Крестьяне не интересуются предоставляемыми им при патронате льготами, так как при настоящих тяжёлых условиях эти льготы весьма мало значат по сравнению со стоимостью содержания ребёнка»²⁴⁶. В Воронеже в порядке частного патроната к этому времени удалось разместить лишь 18 детей, в Валуйском уезде – 16, в Острогожском – 21. Весьма быстро скорректировал своё мнение И. А. Шевелёв, утверждавший теперь, что «без поддержки патронируемых детей со стороны государства путём предоставления хотя бы частично питания и одежды, мера эта в текущем году в нашей губернии не привьётся»²⁴⁷.

Для того, чтобы придать институту патроната нормативно-правовую форму, ЦИК и СНК РСФСР 5 апреля 1926 г. приняли постановление о

---

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 191. Л. 79.

²⁴⁵ Там же. Л. 81 об.

²⁴⁶ Там же. Л. 102.

²⁴⁷ Там же.

передаче воспитанников детских домов и беспризорных детей в крестьянские семьи на воспитание с целью приучения детей к сельскому труду. Подобная передача допускалась только при условии добровольного согласия крестьянского двора. На принимаемого воспитанника заключался письменный договор между семьёй и уездным органом народного образования либо волостным исполкомом. В нём оговаривались срок содержания воспитанника, порядок выхода по окончании установленного срока и порядок расторжения договора ранее установленного срока. В договоре прописывались также обязанности крестьянского двора, в частности, содержание воспитанника наравне с остальными членами семьи, предоставление ему возможности получения знаний и «политического развития». Но в основе лежало главное условие – обучение навыкам сельскохозяйственного труда.

От успешности развития института патроната зависела разгрузка детдомов для приёма очередной волны беспризорных с улицы. В последующие годы была скорректирована нормативно-правовая база, позволявшая размещать в крестьянских семьях не одного, а двух и более воспитанников. Дабы стимулировать интерес крестьян к частному патронату, для них предусматривался ряд льгот и поощрений. К примеру, вместе с воспитанником гражданин-«патрон» сразу же получал на него одежду, обувь и две смены белья, а также на руки 50 руб. в качестве единовременного пособия и 120 руб. «для хозяйственного обзаведения воспитанника». Но главным посулом была выдача земельного надела, освобождавшегося в течение трёх последующих лет от уплаты сельскохозяйственного налога²⁴⁸.

Однако благое по своей сути начинание столкнулось с излишним бюрократизмом. Передача детей в семьи приобретала характер очередной массовой и поспешной кампании. Погоня за плановыми показателями и контрольными цифрами привела к насильственному, а не добровольному, как задумывалось изначально, расселению детдомовцев в крестьянские семьи.

---

²⁴⁸ ГАВО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 529. Л. 1, 5.

Рапортуя с мест об успехах патронирования, чиновники, как правило, мало интересовались дальнейшей судьбой сирот.

Как видим, государство твёрдо стояло на своих принципах, настойчиво добиваясь их реализации. К концу 1920-х гг. это принесло свои плоды. Снижение роста детской беспризорности в губернии после 1924 г. шло в том числе, как гласил один из отчётов ГубДТК, по линии «рассасывания по крестьянским семьям в порядке частного патроната»²⁴⁹. И всё же развитие этого института в Воронежском регионе проходило весьма натужно. Так, Борисоглебский ОНО в феврале 1928 г. отмечал, что «несмотря на прошедшие два года, размещение ребят по крестьянским семьям проходит слабо, очевидно от того, что граждане боятся, что в будущем им придётся делить своё имущество с принятым воспитанником, но эти опасения ошибочны, – уверяли в отделе образования. – Домохозяин при выходе воспитанника из семьи (по достижении совершеннолетия) даёт только то, что предусмотрено в договоре при его заключении»²⁵⁰. Этот разъясняющий правовой комментарий был направлен для размещения в одном из выпусков газеты «Голос пахаря».

Проводимая государством на рубеже 1920–1930-х гг. политика коллективизации, сопровождавшаяся репрессивными методами, ещё больше усугубляла проблему беспризорности – разбивались семьи, при живых родителях дети оставались сиротами. «В 1930 году в селе Петровка Павловского района Воронежской области проходила коллективизация. И мою семью она не обошла, – вспоминала крестьянка Анастасия Новикова. – Нас было шесть человек: отец, мать, четверо детей. И вот нашу семью раскулачили и выслали, все наше хозяйство забрали в колхоз. Я как самая младшая осталась в Петровке. Нянчила детей колхозников, там около них и питалась...»²⁵¹.

---

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 351. Л. 105.

²⁵⁰ ГАВО. Ф. Р–577. Оп. 1. Д. 529. Л. 1.

²⁵¹ Дети Гулага. С. 114.

В 1930-е гг. частный патронат, как альтернатива детдомам, получил дальнейшее развитие. Несмотря на это, положение детей оставляло желать лучшего. В результате обследования патронатных семей Воронежской области, проведённого в декабре 1936 г., выяснилось, что в области проживало 3 179 (по другим данным 3 609) патронированных детей (245 в городе, остальные в деревне). При этом соответствующие анкеты в ОблОНО были составлены лишь на треть патронированных детей (1 083 ребёнка), а условия жизни семей перед передачей на воспитание ребёнка были обследованы в 17 случаях из более чем трёх тысяч. Финансирование патронатных семей фактически ограничилось бюрократическим решением о выделении им средств из местного бюджета. Информации же о том, получили ли семьи деньги и если да, то сколько и как они ими распорядились, в ОблОНО не было²⁵².

В дальнейшем ситуация несколько не изменилась. Находившиеся на патронате дети, как у частных лиц, так и в колхозах, по-прежнему были обузой для своих содержателей. Заботиться о них никто не собирался. На беспризорных детей цинично смотрели сквозь призму наживы. Среди беднейших крестьян сложилась традиция видеть патронатное воспитание как своеобразный вид заработка. По-прежнему отсутствовал механизм контроля со стороны административных органов за патронируемыми семьями и трудовыми коллективами. В секретной докладной записке начальника отдела трудовых колоний НКВД СССР Л. М. Яцкевича в Наркомпрос РСФСР и ДТК ВЦИК от 29 апреля 1938 г. находятся многочисленные тому подтверждения.

Так, например, «в Ведугском районе, с. Меловатка на патронате у гр-ки Плотниковой находятся двое детей: Гирчевы Анна 13 лет и Иван 7 лет. Сама Плотникова бывшая монашка Воронежского монастыря. Вышеуказанных детей она приучает молиться и разучивать молитвы. В этом же селе у Винокурова М. С. имеется патронируемый ребёнок Дмитрий 5 лет. Кроме этого, у него имеется 4 человека своих детей, и этот патронируемый сирота

---

²⁵² Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 331.

ходит зимой босиком. В селе Нижняя Ведуга у гражданина Киселева О. В. находится на патронате две девочки Ивановины – Прасковья 11 лет и Евдокия 8 лет. Кроме патронируемых у него имеется своих трое детей. Патронируемые дети оборванные, неумытые, смены белья не имеют, и во время стирки белья ребёнок вынужден сидеть абсолютно голый. В помещении грязь, дети иногда спят вместе с телятами. Не лучше обстоит дело и с сиротами, находящимися на патронате в колхозе «Пробуждение» Никольского сельсовета. Имеется сирота Гладких И. И., у него одна пара белья, которую никогда с себя не снимает, в результате – вшивость. Квартиры ребенок не имеет, живет вместе с чесоточными лошадьми и питается на свинарнике теми продуктами, которыми кормят свиней и когда он подавал в правление колхоза заявление об оказании ему помощи, то председатель колхоза не обратил на это никакого внимания.

Учитель Старо-Ведугской НСШ Ягодницын И. П. имел в своем хозяйстве 16 голов разного скота, на протяжении более трёх лет эксплуатировал на работе в своём хозяйстве 13-летнего сироту Шишкина Филиппа, за свой непосильный труд мальчик получал 10 руб. в месяц; обуви и одежды не имеет, спит вместе с телятами, питается очень плохо, не посещает школы. Об этом знает сельсовет, но никаких мер не принимает»²⁵³. Таким образом, патронирование превращалось в практику экономического выживания, необходимую не детям, а их воспитателям. Удивительно, как в сложившейся ситуации никто не нёс ответственности за судьбы беспризорных детей.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. в стране развернулась кампания политехнизации образования, в ходе которой детские дома и трудовые коммуны по примеру учебных заведений в массовом порядке прикрепляли к предприятиям, воинским частям, колхозам, совхозам, МТС. Очевидно, как замечает Т. Н. Смирнова, что навязанные государством обязательства по

---

²⁵³ Дети Гулага. С. 293–294.

отношению к воспитанникам детдомов нередко выполнялись в минимальном объёме, «для галочки» либо только «на бумаге»²⁵⁴.

Проведённое ДТК в 1935 г. обследование показало, что сельсоветы и колхозы в подавляющем большинстве не оказывают своевременную помощь детям-сиротам. К примеру, в колхозе «Первого мая» Ольховатского района Воронежской области трое сирот Жуковых (восьми, десяти и четырнадцати лет) после смерти родителей оказались на попечении своей 22-летней сестры, которая и сама-то едва «стояла на ногах». Не получив никакой помощи, дети оказались в крайне бедственном положении: «босые, оборванные, голодные, в школу не ходят», двое младших детей в этих условиях тяжело заболели²⁵⁵.

Следует признать, что на всём протяжении изучаемого периода сельская местность давала постоянный приток беспризорных, устремлявшихся на городские улицы в поисках лучшей доли. Созданные для закрепления детей-сирот на местах кассы колхозной взаимопомощи в массе своей отличались инертностью. И хотя в течение, например, 1935 г. помощь была оказана 5030 детям-сиротам (из них патронированным 3050) и 3393 впавшим в нужду родителям – в виде выдачи денежного пособия либо хлеба в натуральном виде – власти всё же признавали, что «в своём большинстве колхозные кассы взаимопомощи недостаточно развернули работу, в 18 районах они совершенно отсутствуют, в 10 районах – бездействуют»²⁵⁶.

В декабре 1936 г. в докладной записке, поступившей в Обком ВКП (б), говорилось о значительно ухудшившемся положении с беспризорностью и безнадзорностью в области. Прошедшим летом территорию региона поразила засуха. За несколько осенних месяцев приток беспризорных составил 262 человека²⁵⁷. Имели место случаи, когда задержанные дети предоставляли справки из сельсовета, удостоверяющие, что они являются беспризорниками. А в областной центр они направлялись для помещения в детдом либо на

---

²⁵⁴ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 133–134.

²⁵⁵ Дети Гулага. С. 209.

²⁵⁶ ГАВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 39. Л. 3–4.

²⁵⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1532. Л. 1–2.

поиски работы – кому как повезёт. Всё это свидетельствовало о бездействии касс колхозной взаимопомощи во многих районах.

К большому сожалению, встречавшиеся факты усыновления в регионе так же, как и случаи патроната, носили преимущественно характер бездушной, чисто бюрократической кампании. Опекунами же двигала, прежде всего, жажда наживы. Так, в 1935 г. воронежского сапожника Боброва за неуплату алиментов третьей жене (к слову, все три им были брошены) приговорили к шести месяцам тюремного заключения. «Не обеспечивая родных детей, Бобров в 1932 г. взял из приёмника здравоотдела ребёнка 2-х лет и усыновил его. Ребёнок был также обречён на голодной существование, совершенно не имел белья и одежды. Всё свое время он проводил в грязных и мокрых тряпках, которые на день выбрасывались на двор и к ночи, застывшие, расстилались ему»²⁵⁸. Пока горе-сапожник находился в тюрьме, ребёнка при участии уличного комитета и ОблДТК передали в приёмник НКВД. Каким образом подобным личностям разрешалось усыновление, не поддаётся логическому объяснению. Погоня чиновников за контрольными цифрами и «рассовывание» детей лишь бы кому и абы как мало соответствовали реальной заботе о детях.

Следует признать, что, даже находясь в родной семье, ребёнок часто становился для неё обузой. Фактами преступного отношения к собственным детям со стороны родителей пестрит отчёт Воронежской ОблДТК за 1935 г. Например, семья Мещеряковых состояла из трёх детей 7, 10 и 14 лет и отца, работавшего печником на разных воронежских предприятиях. Являясь алкоголиком, он пропивал все заработанные средства. Детишки голодали и занимались нищенством. Отец регулярно избивал детей и был даже случай нанесения старшему сыну ножевого ранения. Мещерякова лишили отцовских прав и осудили на пятилетний срок. Двое его детей были переданы в детдом, старшего трудоустроили в чемоданную мастерскую при ОблДТК²⁵⁹.

---

²⁵⁸ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 39. Л. 6.

²⁵⁹ Там же. Л. 5.

Или другой случай. 16-летний Митя Говоров, сын сторожа телефонной станции, после вторичной женитьбы своего отца был им выгнан из квартиры. «Рядом с комнатой во дворе Митя пристроил себе уголок в виде “собачьей конуры”»²⁶⁰. От отца и мачехи в его адрес звучали постоянные угрозы и упрёки, устраивались скандалы. В итоге, старшего Говорова привлекли к ответственности, а подростку помогли устроиться на работу с определением в общежитие.

В этих и подобных им случаях вскрывать преступное отношение к детям помогала равнодушная общественность. После введения в мае 1935 г. административной и уголовной ответственности для родителей и опекунов за ненадлежащие условия содержания детей, она выступала «оком» государства, являясь не только беспристрастным наблюдателем, но и активным участником проводимой политики.

Отдельно следует сказать о той роли, которую играла в преодолении беспризорности периодическая печать. Здесь она выступала каналом связи между властью и обществом. Газеты информировали советских граждан о масштабах проблемы, предстоящем ходе работ, достигнутых результатах. Так, первый губуполномоченный ДТК ВЦИК в Воронежской губернии И. И. Пискарев в одном из своих отчётов (апрель 1921 г.) сообщал, что «осведомление широких масс о целях, задачах и работе комиссии по улучшению жизни детей ведётся через посредство местной печати (“Воронежская коммуна”). Через печать население поставлено в известность о том, что по всем делам, касающимся жизни детей, надлежит обращаться к губуполномоченному в рабочие часы»²⁶¹.

Средства массовой информации в стране Советов служили также инструментом для поддержания повышенного внимания общественности к проблемам беспризорности и безнадзорности. Это касалось как центральных, так и местных изданий. К примеру, через воронежскую «Коммуну» удалось

---

²⁶⁰ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

²⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 32.

собрать 2 тыс. руб. общественных денег в качестве помощи организованной весной 1926 г. сельскохозяйственной колонии для несовершеннолетних правонарушителей в Новохопёрском уезде²⁶². В апреле 1926 г. на своих страницах газета обратилась с призывом к хозяйственникам помочь колонии всем, что может пригодиться в её повседневной деятельности: пила, молоток, изношенные станок и машины, двигатель, мебель и т. д. «Всё это будет дорого и необходимо будущему гражданину – сегодня пленнику улицы»²⁶³. В дальнейшем по архивным документам прослеживается наличие в распоряжении колонии колёсного трактора «Фордзон-Путиловиц», необходимого для осуществления весенних полевых работ, а также двигателя «Петерс»²⁶⁴.

В апреле 1927 г. «Комсомольская правда» организовала и провела совещание по предстоящему освещению на своих страницах опыта борьбы с детской беспризорностью в СССР. С этой целью в редакцию газеты приглашались представители самых разных ведомств, деятельность которых так или иначе касалась заявленной проблемы. Им предстояло сделать небольшие информационные доклады о ведущейся их учреждениями работе в области борьбы с беспризорностью, снабжённые цифровым и фактическим материалом²⁶⁵.

В 1928 г. для широкого и всестороннего освещения борьбы с беспризорностью в стране было принято решение о создании при ВЦИКе Информационного бюро. Это явилось ответом на многолетнюю информационную блокаду и дезинформацию, организованную западными странами по отношению к СССР в области охраны детства: «...Наша работа в этом направлении почти не освещается за границей, наоборот, во многих заграничных специальных изданиях по детскому вопросу и вообще

---

²⁶² ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1873. Л. 44.

²⁶³ Там же. Л. 45.

²⁶⁴ Там же. Л. 39. Трактор «Фордзон-Путиловец» выпускался в период 1924–1932 гг. в Ленинграде по лицензии американской компании «Форд». Стал одним из распространённых и узнаваемых символов коллективизации.

²⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 358. Л. 70.

повременной печати помещается тенденциозная информация о положении детей в СССР, причём используются сведения, относящиеся ко времени интервенции, голода и гражданской войны или же перерабатываются под определённым, неблагоприятным для нас углом зрения, случайные заметки о детской беспризорности, появляющиеся время от времени в наших газетах за последние годы»²⁶⁶. Стремясь к опровержению страдающей предвзятостью и тенденциозностью информации, руководство СССР в то же время преследовало ещё одну цель: оно было заинтересовано в получении доступа к заграничному опыту и ценному материалу в области детского законодательства и соответствующей литературы, представляющих «несомненный и большой интерес для наших детских учреждений»²⁶⁷. Более того, советские представители приняли участие в международном конгрессе по охране детства, проходившем в Париже летом 1928 г. Делегаты наркомата просвещения выступили с докладом «Изучение практики комиссии по делам несовершеннолетних в РСФСР»²⁶⁸.

Публикуя на своих страницах злободневный материал, периодическая печать также преследовала цель усиления контроля со стороны общественности над различного рода детучреждениями. Так, в октябре 1927 г. газета «Комсомолец» (орган воронежского губкома ВЛКСМ) разместила серию заметок о результатах обследования Павловского детгородка: «В Детгородке творились безобразия. РКИ и ГубОНО вскрыли эти гнойники. Виновные привлекаются к ответственности», а также «Палка, пощёчины и грязь»²⁶⁹. Проверяющие пришли к выводу о «гнетущем влиянии воспитателей на воспитанников». «Во всём виноваты руководители детгородка и те, кто за ними должен смотреть, – пришли к закономерному

---

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 358. Л. 170–171.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Подробнее см.: ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 10. Д. 378.

²⁶⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 174. Л. 24.

выводу журналисты. – Нужно, чтобы над всей этой работой был неослабный общественный надзор и участие в улучшении работы»²⁷⁰.

Стимулирование общественной инициативы через периодическую печать являлось одной из основных задач СМИ на всём протяжении изучаемого периода. Осенью 1936 г. воронежская «Коммуна» и другие районные газеты области опубликовали обращение Героев Советского Союза, участников легендарного беспосадочного перелёта из Москвы на Дальний Восток, лётчиков В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова о приглашении детей из детских домов на праздники по случаю 19-й годовщины Октябрьской революции. По заверению местной прессы, на обращение «горячо откликнулась наша передовая советская общественность и по полученным сведениям от 16 детских домов в семьи трудящихся на праздники было взято 225 детей. Кроме того, лучшими людьми предприятий города Воронежа было взято на праздники 65 бывших воспитанников детдомов»²⁷¹. Подобная кампания имела большой успех, поскольку «дети возвращались в детдома радостными, весёлыми, с большим количеством игрушек, гостинцев и других подарков. Шефы к празднику прислали детдомам подарки и гостинцы, организовали катание детей на автомашинах, приглашали их к себе на утренники»²⁷².

Следует отметить, что к концу 1930-х гг., в соответствии с возобладавшей государственной пропагандистской кампанией об окончательной победе над детской беспризорностью и безнадзорностью, изменился и тон публикаций советских газет. Сохранявшиеся в этом вопросе трудности и проблемы старались не афишировать, преобладающим теперь стал материал о достигнутых успехах. В совокупности это должно было способствовать формированию идиллической картины в обществе, убеждению граждан в правоте проводимой властью политики и вере в

---

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 1200. Л. 1.

²⁷² Там же. Л. 2.

значимость внесённого обывателями вклада в искоренение этого социального порока.

Так, выпуск воронежской газеты «Молодой коммунар» от 30 мая 1938 г. был посвящён проходившему 28 мая в клубе НКВД городскому вечеру выпускников детдомов ОблОНО и Усманской трудовой колонии НКВД, в котором приняли участие 185 человек. Встреча была приурочена к очередной годовщине со дня принятия решения СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» 1935 г. По этому случаю лучших выпускников премировали ценными подарками: часами, фотоаппаратом и т. д. В их число вошли бывшие воспитанники Усманской колонии Давид Китмахер и Николай Винокуров. Оба ровесники (1919 г.р.), выпущенные из стен колонии в ноябре 1936 г., они нашли себя в трудовой жизни. Первый трудился электромонтёром на воронежском заводе № 18. Без отрыва от производства на момент публикации заканчивал 3-й курс рабфака медицинского института, сдавал испытания с оценкой не ниже «хорошо». Был политически грамотным, состоял в рядах ВЛКСМ, активно участвовал в общественной жизни рабфака. Вторым работал слесарем на том же заводе. Являлся стахановцем, выполняя нормы на 350–400 %. Участвовал в духовом оркестре завода. Активно работал над собой, усиленно повышая общеобразовательную и техническую грамотность²⁷³. Общая фотография с этого памятного вечера запечатлела улыбающиеся лица счастливых ребят.

Итак, становление советского государства проходило в экстремальных условиях военного времени. Столкнувшись с проблемой беспризорности и безнадзорности, власть испытывала острую нехватку средств, отсутствие опыта и квалифицированных сотрудников. Очевидно, что в эйфории коммунистических лозунгов масштабность проблемы удалось осознать не сразу. Отсюда и столь тернистый путь её преодоления. Однако, у сложных проблем не бывает простых решений.

---

²⁷³ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 1721. Л. 24, 45. Д. С. Китмахер в мае 1981 г. был похоронен на Воронежском еврейском кладбище.

Объявив заботу о ребёнке приоритетной задачей, государство взвалило на свои плечи огромный груз ответственности за судьбы подрастающего поколения. Но очень быстро осознав серьёзность проблемы, попыталось разделить его с местными властями, представителями общественности, задействовав для этого широкие слои населения и стимулируя их инициативу.

В решении насущных вопросов очень многое зависело от конкретного человека, его добропорядочности, инициативы, желания помочь. Среди уполномоченных Деткомиссии в Воронежской губернии в начале 1920-х гг. были замечательные люди, неравнодушные, энтузиазм и решительные меры которых позволили спасти от вымирания десятки и сотни воронежских, поволжских и других детей.

Противоречивая политика государства, к сожалению, оказалась ориентирована не на искоренение беспризорности, а на борьбу с её негативными последствиями, из-за чего это явление так и не удалось победить окончательно. Судьба беспризорников, лишённых семьи, во многом зависела от внимания со стороны общества, но оно за редким исключением оказалось безучастным и даже жестоким. Беспризорников многие боялись, их ненавидели и сторонились. Даже некоторые дети предлагали «уничтожить беспризорников, а то вечером ходить нельзя»²⁷⁴. К концу 1920-х гг. подобные настроения стали полностью созвучны планам руководства страны.

Несмотря на красивые лозунги, звучавшие то тут, то там, оказалось, что в жизненных реалиях неблагополучные дети никому не нужны – для государства они стали обузой, общественность проявляла инициативу лишь формально, да и то «из-под палки», другие смотрели на них через призму наживы, а многие хозяйственники и производственники проявляли преступное равнодушие.

Степень вовлечённости общества в преодоление проблемы беспризорности – вопрос весьма непростой. Как можно убедиться из

---

²⁷⁴ Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 137.

представленных материалов, государство не только не отстранило общественность от решения проблемы, но и разработало для неё несколько форм участия, считая это неотъемлемой частью государственной политики по охране детства. Вместе с тем, на протяжении всего рассматриваемого периода власти были вынуждены стимулировать общественность к проявлению инициативы. Иначе, наверное, быть не могло, поскольку в условиях низкого уровня благосостояния советские граждане оказались просто-напросто не готовы к поддержке беспризорных на постоянной основе. Чувствовалась также усталость от долгосрочности этой проблемы. Как бы то ни было, именно пожертвования, с помощью которых обыватели несли вместе с государством бремя расходов по содержанию детдомовцев, стали основной формой участия общества в решении этой проблемы.

2.3. Правоохранительная система в борьбе с беспризорностью и преступностью среди несовершеннолетних

Ситуация в Советской России во время и после Гражданской войны была критической: экономическая разруха, сокращение численности населения, продовольственный дефицит.

Происходившие в стране события напрямую влияли на появление многочисленного легиона беспризорных детей. Ветеран органов внутренних дел Георгий Белозерцев вспоминал, как вернувшись из рядов Красной армии в родную Шукавку Верхнехавского уезда, застал в 1922 г. своих трёх малолетних сестёр, потерявших родителей, за приготовлением пышек из лебеды²⁷⁵. «Население нашего села и окружающих сёл были исхудавшие. <...> Много умерло людей от голода и осталось много круглых сирот»²⁷⁶, – с грустью констатировал Белозерцев. До декабря 1923 г., когда ему предстоял переезд в Воронеж, чтобы стать сотрудником губернского розыска, он служил

---

²⁷⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 5297. Оп. 4. Д. 293. Л. 3 об.

²⁷⁶ Там же. Л. 3–3 об.

командиром части особого назначения (ЧОН). Г. П. Белозерцев «отбирал кадки у самогонщиков, в которых они готовили бурду для самогонварения», и передавал их в Шукавский детский дом, организованный писательницей Е. М. Милицыной в бывшем имении помещика Деева. В этих кадках к зиме солили огурцы и капусту²⁷⁷.

Оборотной стороной массовой беспризорности стало вовлечение детей и подростков в преступную деятельность. В начале 1920-х гг. политический бандитизм, вскоре сменившийся уголовным, достиг угрожающих размеров. «В период 1919–1922 гг. приходилось чуть ли не ежемесячно иметь дело с бандой более или менее крупной»²⁷⁸, – говорилось в политическом обзоре Воронежской губернии, подготовленном сотрудниками местного ГПУ. «Последствия [Гражданской] войны и голода ещё более способствовали возрождению преступности»²⁷⁹, – добавляли к этому местные власти в феврале 1924 г. Разгул бандитизма и острая необходимость борьбы с ним привели к созданию губернской комиссии по борьбе с уголовной преступностью. В ходе её деятельности было осуществлено изъятие «преступного и социально-опасного элемента» из пределов губернии. В их числе оказались 16 малолетних преступников, которым предстояло отправиться в колонию для несовершеннолетних²⁸⁰.

По данным правоохранительных органов, преступность в Воронежской губернии год от года неуклонно росла, менялась её квалификация. Сравнивая характер правонарушений за 1924 и 1925 гг., отмечалось, что преступления 1924 г. «в большинстве своём определялись голодом и другими условиями, вследствие которых значительная доля этих преступлений падала на крестьянское население»²⁸¹. В 1925 г., с улучшением экономического положения, преступления начали отличаться сложностью и по своему

---

²⁷⁷ Там же. Л. 4 об.

²⁷⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 717. Л. 52.

²⁷⁹ Там же. 1. Д. 1031. Л. 26.

²⁸⁰ Там же. Л. 26 об.

²⁸¹ Там же. Д. 1279. Л. 2 об.

существом стали совершенно другими – в губернии насчитывалось до 13 бандитских шаек, что свидетельствовало о развитии бандитизма.

Портрет преступника имел в том числе детское лицо, как правило, беспризорного. «Большая часть всех преступлений совершается детьми без приюта, – говорилось в одном из документов, – некоторые из них владеют жаргоном»²⁸². Подобные заявления, звучавшие из уст руководителей местных силовых органов, были вызваны инертностью в работе комиссии по борьбе с беспризорностью.

Многочисленные детские учреждения после их перевода в 1923 г. на баланс местного бюджета едва сводили концы с концами – остро сказывалась нехватка финансирования. В скором времени их общее количество, как и число воспитанников в них, резко сократилось, что фактически привело к «выбрасыванию» детей на улицу. Десятки тысяч человек составляли многочисленную армию беспризорных и безнадзорных детей. В уездах ситуация была ещё хуже и напоминала катастрофу. В этой связи неудивительно, что некоторые учреждения превращались в осиное гнездо детской преступности. Так, в частности, произошло с воронежским приёмником-распределителем, где отсутствовал должный контроль со стороны администрации и царило равнодушие среди сотрудников. Печальный результат не заставил себя ждать: «В городе появились детские организации преступников в возрасте от 8 до 14 лет, которые начинали производить кражи не только у частных лиц, но и в государственных предприятиях», что «взрослый преступный элемент весьма умело использовал»²⁸³. Фактически для беспризорников, идущих на преступление, возобладала безнаказанность, поскольку при приёмнике отсутствовал даже изолятор. Сам приёмник обследовавшие его сотрудники прокуратуры нашли в «преотвратительном состоянии. Дети плавают в грязи по коридору и по

---

²⁸² ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 3.

²⁸³ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 12.

двору рваные и босые. <...> Наблюдения нет никакого»²⁸⁴. В таком же «кошмарном состоянии» проверяющие нашли 110 ютившихся в ночлежке человек, в то время как «возле дверей спокойно стояла воспитательница и почитывала роман»²⁸⁵.

Важную роль в преодолении «наследия» военного времени играли сотрудники правоохранительных органов. Местное население в силу разных причин оказывало поддержку повстанцам, что затрудняло эффективность борьбы с ними. Работать в подобных условиях было непросто, особенно учитывая практически полное разрушение полицейского аппарата в 1917 г. Со временем, однако, положение удалось исправить. Так, в сводках воронежского политического отдела ОГПУ от 2 января 1924 г. настроение милиционеров по отношению к советской власти и коммунистической партии характеризовалось как «бодрое и вполне доброжелательное. Материальное положение работников милиции постепенно улучшается. <...> Боеспособность и дисциплина по сравнению с прошлым стала много лучше»²⁸⁶.

Несмотря на осторожный оптимизм, в воронежской милиции оставалось ещё много нерешённых проблем. Это высокая текучка кадров из-за неограниченного рабочего времени и постоянной опасности (что способствовало упадку дисциплины, препятствовало профессиональной выучке), отсутствие в должном объёме вооружения (обеспеченность лишь 50 %) и пресловутый финансовый вопрос. «Материальное положение сотрудников Усманской уездной милиции не выдерживает никакой критики, – констатировали ревизоры осенью 1924 г. – Получаемое содержание младшим милиционером 11 рублей не удовлетворяет самых насущных его запросов и ставит на положение нелегального снабжения со стороны населения и имеет своим результатом растраты сумм, вверенных по службе, вследствие материальной необеспеченности, что чревато самыми губительными

---

²⁸⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 13.

²⁸⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 13.

²⁸⁶ Там же. Д. 717. Л. 108.

результатами в дальнейшем и ведёт к нравственному разложению милицейских объединений на местах»²⁸⁷.

Милицейский аппарат Воронежской губернии в 1920-е гг. сформировался исходя из особенностей административно-территориального деления региона. В губернском центре он состоял из трёх городских отделений и двух пригородных (Троицко-Привокзальное и Ямское), в уездных городах действовали уездные отделения милиции, в сельской местности – волостные отделения. Наряду с общегосударственной существовала ведомственная милиция, занимавшаяся охраной имущества государственных учреждений и предприятий. «Милиция – есть первый страж советской государственности, она же является одним из наиболее близко стоящих к рабоче-крестьянскому населению, из которого сама и происходит»²⁸⁸, – таким виделось её значение в социалистической республике.

По сведениям адресного стола, численность населения Воронежа по состоянию на март 1925 г. составляла 76 163 человека. В пригородной слободе Чижовка проживали ещё 5967 человек²⁸⁹. На долю несовершеннолетних приходилось 26,5 % (или 20 191 чел.) и 35,8 % (или 2140 чел.) соответственно.

Беспризорники сосредотачивались, главным образом, в крупных городах и на железнодорожных станциях. В отчёте первого городского отдела милиции за апрель – июнь 1925 г. указывалось, что «в целях оздоровления территории от голодающих беспризорных подростков таковые группами направляются в дом беспризорных детей по улице Володарского, дом 2»²⁹⁰. Отметим, что в сферу деятельности данного отделения входила оживлённая центральная часть города с находящимися здесь базарами, площадями, постоянными дворами, гостиницами и театрами. Сбор нищих и беспризорных,

---

²⁸⁷ ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 50. Л. 100.

²⁸⁸ ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 230. Л. 13.

²⁸⁹ Там же. Д. 48. Л. 33.

²⁹⁰ Там же. Д. 50. Л. 261.

доставление их в учреждения ГубОНО в целях содействия борьбе с беспризорностью входили в обязанности и других городских отделений.

Троицко-Привокзальное отделение милиции отличалось, пожалуй, наиболее от других в городе. Этому способствовали как огромные размеры подведомственной территории (от бывшего Девичьего монастыря по берегу реки до бывшей Архиерейской рощи и от моста через железнодорожный путь, включая железнодорожный посёлок при станции Воронеж–I, до Ботанического сада; а также сельскохозяйственный институт, находившийся в двух верстах от посёлка), так и специфический состав населения, представленный исключительно рабочими, ремесленниками, служащими и беднотой, ютящейся на окраинах города²⁹¹.

Ещё одним центром притяжения беспризорников и преступников-подростков являлся железнодорожный вокзал. Свидетелями царившей здесь токсичной атмосферы становилась проезжающая публика. К примеру, в марте 1926 г. некий Л. Поляков из г. Каменск-на-Дону в своём обращении в Деткомиссию ВЦИК поделился впечатлениями: «Особенно много я их [беспризорников. – *Авт.*] видел в Воронеже ночью в вокзале. Их там было больше 100 человек. И среди них много девочек, которые спят вместе с хлопцами прямо на глазах публики на голом полу, обнимаются, вешаются. Я чуть не сошёл с ума от этого кошмара. Почему и откуда они плывут? Ведь прошёл голод, кончились войны, и не должно бы, кажется, их прибавляться. А они всё плывут и плывут»²⁹², – недоумевал советский обыватель.

В феврале 1927 г. участковые надзиратели первого городского отдела милиции Е. Чиж и П. Свиридов установили, что «преимущественно в зале ожидания 3-го класса» ютятся до 20 малолетних беспризорных, а также до 50 человек «переросшего бездомных мелкоуголовного элемента»²⁹³. В число последних входили 10 девушек, промышлявшие на станции мелкими

---

²⁹¹ ГАВО. Ф. Р–5. Оп. 2. Д. 681. Л. 33–33 об.

²⁹² См.: Дети ГУЛАГа. С. 64–65.

²⁹³ ГАВО. Ф. Р–5. Оп. 2. Д. 675. Л. 2. Малолетними считались беспризорники до 12 лет, возраст же переросших составлял 16–18 лет.

кражами и занимавшиеся проституцией в вагонах. «Весь этот беспризорный элемент в количестве до 70 человек, – сообщали милиционеры в своём рапорте, – днём скитаются в городе, т. е. на базарах, [в] трактирах и в станции, но с наступлением ночи они находят себе убежище в рабочих вагонах, стоящих на путях, и с наступлением рассвета, т. е. утра, они обратно расходятся кто куда»²⁹⁴.

В рапорте милиционеры предлагали конкретные мероприятия по ликвидации данного явления, ссылаясь на то, что «весь этот беспризорный элемент является рецидивом и его насильственными путями удержать в колонии невозможно», так же, как и «невозможно переросших беспризорно-преступный элемент заставить работать»²⁹⁵. В частности, звучало предложение об организации бесплатной ночлежки, дабы исключить скопление беспризорников на ж/д станции. С этой целью горсовету необходимо изыскать средства и найти подходящий дом в городе Воронеже (в виде «Максима Горького»), «где не иначе, как бесплатно предоставить им ночное убежище».

На основании данного рапорта Административным отделом губисполкома, в ведении которого находилась милиция, президиуму горсовета были внесены практические мероприятия «борьбы с указанным явлением в рамках закона». В их число входило предложение комиссии по делам о малолетних и несовершеннолетних правонарушителей усилить свою работу таким образом, чтобы все несовершеннолетние правонарушители, имеющие по несколько приводов, не отпускались на свободу, а отдавались под суд, «как не поддающихся мерам медико-педагогического воздействия»²⁹⁶.

Также предлагалось забрать малолетних беспризорников с ж/д станции для последующего размещения в одном из приёмников или детских домов. Особо оговаривалось, что это станет возможным только после

---

²⁹⁴ ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 675. Л. 2.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Там же. Л. 4.

заблаговременного уведомления о наличии свободных мест в каком-либо детском доме. В предыдущие годы чиновники воронежского ГубОНО уже не раз отказывались принимать задержанных беспризорников, из-за чего их приходилось некоторое время держать в арестантских помещениях, а потом отпускать на свободу, «что с точки зрения законности, – резюмировал замначальника Административного отдела Федченко, – является [мерой] всецело недопустимой»²⁹⁷.

Данные предложения были рассмотрены на заседании междуведомственной комиссии по вопросу выработки мероприятий борьбы с детской беспризорностью и преступностью, состоявшейся 2 апреля 1927 г. в ГубОНО. Некоторые из них были поддержаны, к примеру, организация приёмника на ж/д станции Воронеж–I. Кроме того, с 10 июня по 10 июля президиум губернской детской комиссии наметил провести очередной месячник помощи детям, приуроченный на этот раз к десятой годовщине Октябрьской революции. Предполагалось, что участие в нём примут сотрудники правоохранительных органов.

По заявлениям воронежских чиновников, неоднократно сделанных ими в течение 1927 г., детская беспризорность в губернии продолжала носить острый характер²⁹⁸. Уличная беспризорность «имеет некоторое пополнение, идущее за счёт деревни, безработицы, сиротства, ломки старого быта и проч[его]»²⁹⁹. Одновременно отмечалось «зачаточное состояние» борьбы с безнадзорностью, которая своими кадрами пополняет беспризорность.

На самом деле было очень трудно бороться с явлением, которое во многом порождалось искусственно из-за проводимой властями внутренней политики. «У нас за последнее время наблюдается увеличение детской беспризорности, и социальный корень этой беспризорности несколько иной, чем был до сих пор, – говорила представитель НКВД Шестакова, выступая в мае 1930 г. на III Всероссийском съезде по охране детства, – в частности,

---

²⁹⁷ ГАВО. Ф. Р–5. Оп. 2. Д. 675. Л. 5.

²⁹⁸ Там же. Ф. Р–118. Оп. 1. Д. 923. Л. 5; ГАОПИ ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 598. Л. 1.

²⁹⁹ Там же. Ф. Р–5. Оп. 2. Д. 675. Л. 14.

совершенно не нужно отмахиваться от того, что раскулачивание и вся эта проблема ударила как следует по детской беспризорности в смысле её увеличения и увеличения количества детей-преступников»³⁰⁰. К середине 1930-х гг. по сведениям УНКВД по Воронежской области беспризорниками являлись, во-первых, дети, оставленные родителями в 1932–1933 гг. из поражённых недородом и голодом областей Украины, а также Поволжья; во-вторых, дети раскулаченных, брошенные на произвол судьбы и, в-третьих, безнадзорные дети, порвавшие связь с семьёй и окончательно перешедшие в среду беспризорности³⁰¹.

Непосредственно борьбу с преступностью, в том числе среди несовершеннолетних, на территории губернии вели сотрудники уголовного розыска. Из их ведомости за 4 квартал 1925–1926 г.³⁰² следует, что в отчётный период был задержан 351 подросток (в возрасте до 18 лет), из которых 295 мальчиков и 56 девочек³⁰³. Помимо этого, сотрудники уголовного розыска задержали 84 подростка-рецидивиста (12 девочек и 72 мальчика)³⁰⁴. Из общего числа задержанных (2408 чел.) в этот временной отрезок лишь 14,5 % приходилось на долю несовершеннолетних. А вот среди рецидивистов (282 чел.) доля подростков была значительно больше – 29,7 %.

В это же время в регионе действовала Комиссия по борьбе с несовершеннолетними правонарушителями (Комонес). В октябре 1925 г. начальник губернского розыска Тимашёв отмечал её слабую работу, из-за чего «большой процент правонарушений падает на беспризорных детей»³⁰⁵. На бумаге формула успеха звучала достаточно просто: «скорейшая ликвидация беспризорности – профилактика борьбы с

---

³⁰⁰ Дети ГУЛАГа. С. 96.

³⁰¹ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 430. Л. 26–27.

³⁰² В данный период времени в СССР календарный год не совпадал с экономическим (хозяйственным), поэтому 4 квартал 1925–1926 г. охватывал июль – сентябрь 1926 г.

³⁰³ ГАВО. Ф. Р–5. Оп. 2. Д. 232. Л. 127 об. –128.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 11 об.

правонарушениями»³⁰⁶, – однако её реализация всё время наталкивалась на непреодолимые препятствия. По словам председателя Комонес т. Бутусовой, штат комиссии состоял всего из трёх человек: председателя-педагога и двух членов-представителей от губздравицы и губсуда. Штатной социальной инспекции при комиссии не было, поэтому её обязанности исполнялись прикомандированными студентами из Педфака и членами РЛКСМ в порядке общественной работы. В уездах ситуация была аналогичной, обязанности социнспекции при волостных исполкомах осуществляли их члены и школьные работники³⁰⁷. Очевидно, что с наличием в своих рядах такого малого количества сотрудников, тем более занятых по основному месту работы, Комонес в Воронежской губернии не могла являться полноценным органом, противостоящим подростковой преступности.

Десятилетие спустя ничего не изменилось: «Комиссии по делам о несовершеннолетних правонарушителях в городах [Центрально-Чернозёмной] области инициативы в борьбе с детской преступностью не проявляют, – утверждали в 1934–1935 гг. представители областного НКВД, – ограничиваясь разбором дел, поступивших от других органов»³⁰⁸.

Проблема детской и подростковой преступности давно обращала на себя внимание контролирующих органов, в частности губернской прокуратуры. Осенью 1925 г. в Воронеже под председательством прокурора Н. Я. Нехамкина состоялось несколько заседаний губернского совещания по борьбе с преступностью, материалы которых «во всём блеске» проиллюстрировали состояние беспорядочности и детской преступности, сложившееся в регионе к середине 1920-х гг. Участниками совещаний были сотрудники прокуратуры, ОГПУ, милиции, ГубОНО, санитарного контроля и т. д. Столь широкий и разнообразный состав отражал серьёзность проблемы и её остроту.

---

³⁰⁶ Там же. Д. 1886. Л. 24.

³⁰⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 11 об.

³⁰⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 430. Л. 27.

На совещаниях предстояло изучить природу преступности и выработать методы дальнейшей борьбы с ней. Обсуждая сложившуюся ситуацию и пути выхода из неё, а также деятельность губернской комиссии по борьбе с несовершеннолетними правонарушителями, в ходе заседаний прозвучали две диаметрально противоположные точки зрения.

В частности, представители хозяйственно-административных органов, в ведении которых находилась борьба с беспризорниками, ратовали за создание учреждений с принципом «закрытых дверей», поскольку с их точки зрения, принцип «открытых дверей» принёс только вред: «...почувыв все выгоды своего положения и привыкши к свободной жизни и бродяжничеству, несовершеннолетние не оставались в приёмнике. Систематическое бегство развивало в них смелость и решительность»³⁰⁹, Дети получили возможность свободно общаться с бандитами, в результате чего они превратились «в такой элемент, который только и мог сказать “час да мой” – дебоши и скандалы каждую минуту»³¹⁰.

Принцип «открытых дверей» был рекомендован работниками СПОНа на съезде в Москве в целях улучшения медико-педагогического воздействия на трудновоспитуемых детей. Приняв это к сведению, в Воронеже расформировали наблюдательный пункт «Максима Горького» на 30 мальчиков и дом «Грибоедова» на 25 девочек, оставив один приёмник для беспризорных детей и правонарушителей с принципом «открытых дверей», куда и стали направляться все антисоциальные элементы. Однако ошибочность этого решения проявилась сразу же.

В качестве оправдания чиновники приводили доводы о недостатке денежных средств и отсутствии квалифицированного персонала: «Ребята [в приёмнике] настолько плохо себя держат, что бежит милиция, справиться обслуживающему персоналу нет никакой возможности»³¹¹. Трудный контингент был ярко описан прокурором: «...дети, с которыми нужно вести

---

³⁰⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 12.

³¹⁰ Там же. Л. 15.

³¹¹ Там же. Л. 14 об.

нам борьбу, являются венериками, проститутками, кокаинистами и т. п. Они знают все “прелести” жизни»³¹². Как результат, на одном из заседаний комиссии доктор Гурко выступила с инициативой построить «плавающий дом» для детей по типу Англии, т. е., по сути, изолировать беспризорников-правонарушителей от внешнего мира и тем самым обезопасить от них общество. Это представляло бы собой закрытое учреждение для трудных подростков интернатского типа со строгим педагогическим режимом.

Однако мнения представителей прокуратуры резко контрастировали с тем, что звучало ранее. Прокурор Н. Я. Нехамкин высказался категорически против, обосновывая это тем, что целая «масса возможностей не использована здесь». Он выступил за новые методы в работе, предлагая реорганизовать деятельность губернской комиссии по борьбе с несовершеннолетними правонарушителями. Резонно со своей стороны заметив, что проблема вовсе не в деньгах или недостатке ограничительных мероприятий, а в отсутствии «организационно-хозяйственной руки». Для Н. Я. Нехамкина «плавающие дома» были сродни новой тюрьме: «Лучше выпустить всех детей на улицу, чем держать их в таких условиях. <...> Это зло, которое приносит неисчислимые бедствия, поэтому, – эмоционально резюмировал прокурор, – этому должен быть положен конец раз и навсегда»³¹³.

В качестве альтернативы «плавающему дому»–изолятору Н. Я. Нехамкин, как сторонник принципа «открытых дверей», поддержал прозвучавшую ранее идею об учреждении сельскохозяйственной колонии, где, по его мнению, детей следовало воспитывать так, чтобы «лозунг “Даёшь коммуны” был их лозунгом». Под колонию предполагалось отвести участок на 17 версте Задонского шоссе в с. Чертовицком с расчётом на 150–200 человек. Также было предложено ликвидировать ночлежку, разгрузить приёмник, больных детей немедленно распределить по лечебным заведениям.

---

³¹² Там же. Л. 16.

³¹³ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279. Л. 16 об.

Помощник губернского прокурора по Воронежскому уезду т. Реутский разделял идеологический подход и во многом вторил своему начальнику: «Товарищи, мы марксисты, и знаем, – утверждал он, – что дети не рождаются бандитами, а на всё это влияют экономические условия»³¹⁴.

Как видим, проблемы детской беспризорности и порождённой ею подростковой преступности, занимали умы самых разных деятелей. В ходе дискуссии, развернувшейся на площадке губернского совещания в 1925 г., обсуждались и предлагались разные методы решения назревших проблем: от общественной изоляции до перевоспитания детей через систему трудовых колоний. Как ни странно, представители прокурорского надзора были настроены более оптимистично, нежели хозяйственно-административные деятели, не верившие в преобразование человека на трудовых началах. Недаром губернский прокурор настаивал на отказе от репрессивных мер в отношении беспризорников, а выделявшиеся на их содержание какие-никакие деньги предлагал расходовать более рационально, в частности, учреждать трудовые колонии, в которых подростки через вовлечение в труд со временем могли бы стать союзниками советского общества, а не его врагами.

В декабре 1925 г. при воронежском губернском прокуроре открыла свои действия новая комиссия, на этот раз по организации сельскохозяйственной трудовой колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Предполагалось расположить колонию за городом, что диктовалось врачебно-педагогическими соображениями. Жизнь на свежем воздухе способствовала физическому оздоровлению детей, их изоляция от города и рынка – оздоровлению социальному. В то же время полная изоляция от населённых пунктов признавалась нежелательной, потому что могла затруднить в будущем общественно-политическое воспитание детей.

5 апреля 1926 г. Президиум губисполкома принял решение об открытии колонии на 150 человек в Новохопёрском уезде на хуторе Калиново, недалеко

---

³¹⁴ Там же. Л. 15.

от Алфёровского лесничества³¹⁵. Ранее эта территория, общей площадью 200 десятин, занималась одноимённым совхозом «Калиново». Здесь было достаточное количество помещений, требующих небольшого ремонта, имелся значительный земельный участок и полное оборудование с/х инвентарём. Всё это в совокупности и предопределило выбор воронежских чиновников в пользу данной местности, а не звучавшего изначально с. Чертовицкого.

Подростковая преступность, во многом вызванная беспризорностью и безнадзорностью, сохраняла свою актуальность на протяжении как 1920-х, так и 1930-х гг. В 1932 г. Наркоматом юстиции был подготовлен доклад «О преступности среди молодёжи». В нём был показан удельный вес молодёжи среди осуждённых в 1931 г. В Центрально-Чернозёмной области он определялся в 22,5 %³¹⁶. Наиболее типичными формами молодёжной преступности являлись кражи (преимущественно в городах и промышленных центрах) и хулиганство (главным образом, в сельской местности). В массе малолетних правонарушителей значительное количество приходилось на бывших беспризорных, воспитанников детдомов, сбежавших отсюда по тем или иным причинам³¹⁷.

11 февраля 1935 г. начальник областного УНКВД майор государственной безопасности С. С. Дукельский в обращении к секретарю обкома ВКП (б) И. М. Варейкису приводил такие сведения: «За последнее время на базарах и около магазинов по городу Воронежу беспризорники (около 100 человек) творят безобразия: вырывают из рук продукты и другие вещи у приезжих крестьян-колхозников и населения города. Принимаемые органами милиции меры по изъятию таковых и направлению их в приёмник ГорОНО для размещения по детским домам безрезультатны, так как ГорОНО совершенно их не принимает в течение двух месяцев и органам милиции

---

³¹⁵ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1873. Л. 44.

³¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 16. Л. 52.

³¹⁷ Там же. Л. 44.

приходится распускать [беспризорников] обратно на улицы»³¹⁸. Как видим, с середины 1920-х гг. ситуация совершенно не поменялась: всякое изъятие с улицы беспризорного элемента при отсутствии возможности размещения в детских домах представлялось бессмысленным.

Чуть ранее, анализируя состояния беспризорности в области, тот же С. С. Дукельский утверждал, что основная масса беспризорных (около 60–70 %) состоит из достигших 16-летнего возраста детей. Около 35 % от общего количества находящихся на городских улицах беспризорников (312 человек) приходится на областной центр, остальные распределяются по другим городам ЦЧО: Тамбову, Мичуринску, Ельцу, Борисоглебску, Липецку.

В период с 1 июля по 28 декабря 1934 г. было зафиксировано 198 побегов, преимущественно из детских приёмников и учреждений для трудновоспитуемых (Елецкий детприёмник, Писаревская колония, Тамбовский дом для трудновоспитуемых). Как правило, бегут беспризорники с большим стажем уличной жизни³¹⁹. «Эти побеги затрудняют работу милиции, – констатировал начальник областного УНКВД, – так как беспризорники, изъятые с улицы органами милиции и помещённые в детдома, вновь появляются на улице и нередки случаи, когда один и тот же беспризорник в течение года снимается с улицы по 6–10 раз»³²⁰.

Наряду с этим, С. С. Дукельский отмечал участвовавшие среди школьников случаи антиморальных поступков, «выражающиеся в хулиганстве, пьянстве детей, связи с беспризорниками и другими преступными элементами, чрезвычайно низком состоянии школьной дисциплины»³²¹ и т. д. К примеру, два семиклассника 9-й воронежской школы купили вскладчину $\frac{1}{4}$ литра водки и устроили пьянку в стенах школы. Пятиклассник бросил учиться и занялся воровством на базаре, а также перепродавал украденные в школе книги и одежду. Три восьмиклассницы из

---

³¹⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 430. Л. 76.

³¹⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 430. Л. 23.

³²⁰ Там же. Л. 24.

³²¹ Там же. Л. 24–25.

16-й воронежской школы были заперты в уборной группой учеников, пытавшихся их изнасиловать.

Вытекавшее из этих примеров «некоторое неблагополучие» областное УНКВД связывало с болевыми точками советского общества. В их числе слабость школьных общественных организаций и, как результат, недостаточная массовая работа. Руководители школ и педагогический персонал интересуются детьми только во время учебного процесса, когда они находятся в классе, и «не изучают их на общественной работе, на улице и в семье». В других случаях вина лежала на родителях, которые из-за занятости на работе не уделяли должного внимания воспитанию детей, предоставляя им полную свободу действий. «Безразличное, невнимательное отношение родителей к школьникам создаёт для них обстановку, толкающую в среду беспризорности»³²², – заключал С. С. Дукельский. В качестве примера он приводил случай с двумя подростками 12 и 13 лет из 7-й воронежской политехнической школы, которые поддерживали связь с беспризорниками, совместно проводили время на базарах, а осенью 1933 г. организовали воровскую шайку из сверстников. Кризис семьи в советском обществе давал о себе знать. В упоминаемом выше докладе «О преступности среди молодёжи» (1932) сотрудники наркомата юстиции совершенно верно мыслили: «В связи с массовым вовлечением женщин-домохозяек в производство, борьба с безнадзорностью детей приобретает большое общественно-политическое и практическое значение в смысле профилактики детской преступности»³²³.

Другой крайностью было жестокое обращение с детьми: «Меня отец-сапожник до тринадцати лет колодкой по голове лупил <...> Я в беспризорные подался»³²⁴, – говорил один из героев советской литературной пьесы.

---

³²² ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 430. Л. 24–25.

³²³ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 3. Д. 16. Л. 43.

³²⁴ См.: *Афиногенов А. Ложь // Забытые пьесы 1920–1930-х годов.* М., 2014. С. 808.

Кампании по изъятию беспризорных с улицы проводились во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. регулярно как в самом Воронеже, так и в наиболее крупных уездных городах, на узловых железнодорожных станциях. Однако сложность поставленных задач, широкий круг участников лишь затрудняли достижение намеченных целей и снижали эффективность подобного рода мероприятий. Например, слабой стороной проведённой осенью 1931 г. кампании по ликвидации уличной беспризорности в районах ЦЧО стало отсутствие в распоряжении областного штаба закрытых учреждений, «между тем как основную массу беспризорных составляет мелкий уголовный элемент, рецидивисты, нуждающиеся в изоляции»³²⁵. В конце концов это привело к избранию репрессивных мер, в ходе которых изъятием беспризорных и их последующим распределением целенаправленно стали заниматься сотрудники правоохранительных органов.

В 1930-е гг., в соответствии с ужесточением государственной политики в отношении беспризорных, НКВД сосредоточил в своих руках широкие полномочия по работе с трудными подростками, каковых раньше не имел.

Первой радикальной мерой борьбы с преступностью среди несовершеннолетних стало снижение возрастного порога для привлечения к уголовной ответственности. В апреле 1935 г. ЦИК и СНК СССР приняли решение привлекать к суду достигших 12-летнего возраста подростков и применять к ним все меры уголовного наказания. Подобная участь ожидала уличённых в совершении краж, в причинении насилий, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытках к убийству³²⁶. Серьёзная ответственность предполагалась и для взрослых лиц, виновных в подстрекательстве или привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п. Им грозило тюремное заключение сроком не менее 5 лет.

---

³²⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1547. Л. 4.

³²⁶ Дети ГУЛАГа. С. 183.

Переломным моментом стало принятое 31 мая 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». В соответствии с документом, во многом именно на НКВД была возложена борьба с этими явлениями. «Борьба с беспризорностью и безнадзорностью неразрывно связана с охраной революционного порядка и государственной безопасности, – говорилось в приказе наркома внутренних дел Г. Ягоды от 7 июня 1935 г., разъясняющем основные моменты по организации предстоящей работы. – Беспризорность и безнадзорность <...> постоянно питают преступную среду, а зачастую и контрреволюционеров. Поэтому борьба с беспризорностью и безнадзорностью является важнейшей и повседневной задачей всего чекистского аппарата. <...> Мы должны добиться, чтобы на улицах не было ни одного беспризорного, чтобы они были размещены в трудколониях и приобщены к труду»³²⁷. Ставилась задача «перековки» людей, перевоспитания правонарушителей: «Мы должны так воспитать порученных нам детей, чтобы сделать из них общественно полезных людей, глубоко преданных социалистической родине, являющихся образцом нового, здорового, радостного человека»³²⁸. С этой целью в структуре административно-хозяйственного управления НКВД учредили отдел трудовых колоний, сетью которых предстояло покрыть территорию всей страны. В качестве «доказательства жизненности большевистских методов перевоспитания человека», опровергнувших «хвалёные буржуазные теории о том, что преступники – результат наследственности», приводился пример Болшевской трудовой коммуны ОГПУ, превратившейся за 10 лет своего существования из «небольшой опытной мастерской в огромную фабрику переделки человека»³²⁹. Данный успешный опыт чекистам предстояло перенести на новые трудовые колонии.

Что касается рабоче-крестьянской милиции, то она несла «в первую очередь ответственность за правильное и полное проведение в жизнь

---

³²⁷ Дети ГУЛАГа. С. 187.

³²⁸ Там же. С. 188.

³²⁹ Там же.

постановления Партии и Правительства»³³⁰. Милиционерам предстояло систематически изымать с улиц беспризорных, безнадзорных и заблудившихся детей, бороться с проявлениями уличного хулиганства с их стороны (драки, оскорбление прохожих, езда на трамвайных буферах и т. п.), а также привлекать к административной и уголовной ответственности родителей и опекунов за оставление несовершеннолетних без присмотра³³¹. Также сотрудникам милиции вменялось в обязанность «вскрывать бездеятельность, преступно-бездушное поведение школьной администрации, персонала детских домов, родителей и заставить эти органы бороться с безнадзорностью, порождающей детскую преступность».

Таким образом, сотрудники правоохранительной системы наделялись новыми функциями по искоренению детской беспризорности, а в ведении УНКВД по Воронежской области появились специальные учреждения, в которых осуществлялось выявление, распределение и содержание несовершеннолетних преступников. К их числу относились детская комната привода при милиции, приёмник-распределитель НКВД и размещившаяся в г. Усмань трудовая колония НКВД.

В «комнату привода детей» поступали задержанные за противоправные действия подростки. Часть из них в последующем препровождалась в приёмник НКВД. В течение 1937 г. через эту комнату прошли 1 500 человек. Оформление происходило путём заполнения на ребёнка специальной карточки в двух экземплярах, один из которых сдавался вместе с ним в приёмник, другой для учёта оставался в комнате привода. Комната была оборудована соответствующей мебелью, в частности, тремя столами с литературой, игрушками и под бильярд. Также имелись шкаф с детскими игрушками, диван, кушетка, стулья. В наличии были музыкальные

---

³³⁰ Там же. С. 191.

³³¹ К примеру, в марте 1936 г. воронежскими милиционерами в районах области за безнадзорность детей 25 человек были подвергнуты наказаниям в административном порядке, а 2 человека преданы суду. См.: ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 25. Л. 29.

инструменты: патефон, гитара и балалайка. Стены украшали портреты вождей, красочные плакаты³³².

Вместе с тем, в деятельности детской комнаты привода имелись существенные недочёты. Не были, например, определены часы её работы, неизвестными оставались причины и суммы взимаемых с родителей штрафов, сотрудники милиции использовали помещение в качестве предварительной комнаты для оформления фактов, связанных с оперативной работой (кражи, взрослое нищенство, пьянство). Так, в августе 1937 г. участковый инспектор принёс в комнату отобранных у детей живых и резанных уток. И в довершение ко всему, «заведующая комната до сих пор не знает непосредственного руководителя, а также на бюджете какой организации она находится»³³³.

Из детской комнаты привода подростки поступали в приёмник НКВД, расположенный в пригородной слободе Придача. Ещё одну группу поступающих в приёмник составляли снятые с поездов и подобранные на железных дорогах беспризорники. Летом 1935 г. развернулась широкая кампания по борьбе с их передвижением на железнодорожном транспорте, для чего государство выделило 1,5 млн руб. Обосновывалось это тем, что «установившееся терпимое отношение к беспризорникам привело к тому, что они беспрепятственно развозятся по всей стране и, становясь “неуловимыми”, затрудняют ликвидацию беспризорности на местах»³³⁴. На передовой этой деятельности находились сотрудники стрелковой охраны путей сообщения.

Согласно сводным данным о движении беспризорных детей по воронежскому вагону-приёмнику, с 1 августа по 16 сентября 1935 г. сотрудниками 2-го отряда стрелковой охраны ЮВЖД было задержано 279 человек (93 в поездах и 186 на станциях). Наибольший приток беспризорников (61) дали дорога Москва – Донбасс, а также Землянский и

---

³³² ГАВО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.

³³³ ГАВО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.

³³⁴ Дети ГУЛАГа. С. 193.

Нижнедевицкий районы. Встречались беглецы (2) из переполненного московского Даниловского детского приёмника. Количество повторных задержаний детей из Усманской трудовой колонии и приёмника-распределителя НКВД составило 74³³⁵.

Областное УНКВД имело приёмник-распределитель не только в Воронеже, но и в Борисоглебске, Ельце, Мичуринске, Острогожске, а также Тамбове – все они были переданы в ведение НКВД из системы ОбЛОНО. Пропускная способность всех шести приёмников оценивалась в 850 человек³³⁶. К примеру, в феврале 1936 г. со всей области в приёмники поступили 366 беспризорников, в марте – 507³³⁷. По состоянию на 26 января 1938 г. в воронежском приёмнике НКВД находилось 58 детей (46 мальчиков и 12 девочек), из них 12 дошкольного возраста. Оформление детей происходило путём заполнения карточки. Для этого проводился опрос и осуществлялось фотографирование. В дальнейшем, на основании этих документов и в зависимости от конкретной ситуации, детей отправляли к родителям либо по месту жительства, или в детские дома, где их отдавали под расписку.

В целом, за январь 1938 г. через воронежский приёмник прошли 245 человек. Некоторые из них по три и более раз возвращались из районов области. Кто-то бежал из детских домов ввиду плохого отношения к ним воспитателей и постоянных побоев, кто-то из привычных мест проживания, как, например, 10-летний Володя Подгоренский. 27 января 1938 г. в сопровождении эвакуатора он был отправлен в с. Орлово Рождественско-Хавского³³⁸ района, где проживала его больная мать, но уже на следующий день мальчишка вернулся в Воронеж в комнату привода. Аналогичные случаи имели место в Давыдовском, Берёзовском и Усманском районах области.

---

³³⁵ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 30. Л. 41.

³³⁶ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

³³⁷ Там же. Д. 25. Л. 28.

³³⁸ Административно-территориальная единица, существовавшая в 1928–1960 гг. в составе Центрально-Чернозёмной, позднее – Воронежской области.

Одна из причин крылась в том, что районные отделы народного образования «по принятии детей не определяют их по родственникам, и дети снова возвращаются в приёмник НКВД»³³⁹. В свою очередь, «приёмник НКВД, возвращая повторно бежавшего из района ребёнка, не привлекал к ответственности ни одного председателя сельсовета и колхоза за подстрекательство к беспризорности»³⁴⁰. Статистика беглецов пополнялась также за счёт патронатных детей, размещённые в различных районах области. Их положение при колхозах мало чем отличалось от состояния беспризорников: условия размещения носили «нетерпимый» характер (жили в конюшне, без еды и одежды), зачастую оказывались предоставлены сами себе. Имели место случаи, когда на одного и того же ребёнка в течение месяца приходилось по 3–4 побега.

К большому сожалению, воронежский приёмник, начальником которого в 1938 г. была т. Губенина, представлял собою удручающее зрелище. На царившие здесь антисанитарию, разгильдяйство и безразличное отношение к детям указывали материалы обследования этого учреждения представителями областной ДТК и секции горсовета по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Выяснилось, что дети недоедают, принимают пищу из грязной посуды и стоя, спят на полу (зачастую голом) без одеяла и т. д. Крайне слабо поставлена воспитательная работа, из-за чего в течение длительного времени дети были предоставлены сами себе. Не проводилась также и работа по изучению ребёнка, его характера, для дальнейшего определения в детские учреждения. Возможно, причина заключалась в недостаточной педагогической квалификации работавших в приёмнике воспитателей. Получили распространение побои. К примеру, вахтёр Карпов, выдавая обмундирование детям, ударил по щеке подростка Анисимова всего-навсего за просьбу выдать ему пальто по своему росту. Доставалось детям также от ночного сторожа, и даже от заместителя

---

³³⁹ ГАВО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

³⁴⁰ Там же.

начальника приёмника Ефремова. А ночью, 24 января 1938 г., взломав замок и выкрыв из кладовой по три пальто на каждого, из приёмника сбежали 5 подростков. Некоторые сотрудники (бухгалтер Глаголев) находились на рабочем месте в нетрезвом виде³⁴¹.

Многочисленные побеги подростков из приёмников-распределителей лучше всяких бюрократических отчётов говорили о тяжёлых условиях пребывания в них. Соответствующие сигналы поступали в Москву. 31 октября 1935 г. начальник административно-хозяйственного управления НКВД СССР И. М. Островский в директиве, разосланной в региональные и республиканские ведомства, отмечал крайне неудовлетворительную работу отделов трудовых колоний УНКВД, сетовал на невовлечённость несовершеннолетних в производство колоний, скверную охрану приёмников. «Результаты четырёхмесячного усиленного изъятия с улиц беспризорных детей показывает, что почти вся работа заключается в повторяющемся из месяца в месяц изъятии одних и тех же детей, бегущих не только из детских домов Наркомпроса, но даже из колоний НКВД и самих приёмников-распределителей»³⁴², – констатировал высокопоставленный сотрудник правоохранительных органов. Воронежская область вошла в число регионов с наибольшим количеством побегов беспризорников – 259 в месяц. По словам И. М. Островского, каждый побег «ярче всех докладов» говорит о неумении работать с детьми. Масштабность подобного явления привлекла внимание наркома внутренних дел Г. Ягоды, приказавшего «тщательно проверить постановку работы в каждом приёмнике и каждой колонии и принять самые решительные меры к полному пресечению побегов»³⁴³, в том числе с привлечением к ответственности виновных в этом работников колоний и приёмников-распределителей.

---

³⁴¹ ГАВО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 112.Л. 3 об.

³⁴² Дети ГУЛАГа. С. 199.

³⁴³ Там же.

В июне 1935 г. на территории бывшего Софийского женского монастыря в г. Усмань³⁴⁴ Воронежской области образовали трудовую колонию НКВД³⁴⁵. Здесь находилось общежитие воспитанников и размещались производственные корпуса. Наполняемость колонии составляла 350 человек. Контингент был смешанным: его составляли несовершеннолетние преступники в возрасте 12–16 лет, а также беспризорники 14–16 лет. Друг от друга они никак не отделялись. Сюда направляли наиболее трудных детей, не поддающихся воспитанию. К примеру, в январе 1938 г. областная ДТК просила разместить в колонии 6 воспитанников из Добринского детского дома – дезорганизаторов всей работы в этом учреждении, разлагающе действующих на других воспитанников³⁴⁶.

На трудовую колонию возлагалась задача путём школьного обучения, культурно-воспитательной работы, привития трудовых навыков и производственной дисциплины воспитать несовершеннолетних заключённых-правонарушителей в коммунистическом духе, вернуть их обществу достойными гражданами социалистической родины³⁴⁷. С этой целью было организовано производство, которое являлось базой трудового воспитания, а также материальной основой для покрытия связанной с деятельностью колонии расходов. Усманские воспитанники производили ручные тиски, плоскогубцы разного размера, дверные и оконные петли, а также другую продукцию из группы товаров народного потребления, столь необходимую стране в годы первых пятилеток.

Производственное обучение было поставлено таким образом, чтобы к моменту выхода из колонии каждый выпускник получил бы определённую

---

³⁴⁴ Ныне – центр одноимённого района Липецкой области.

³⁴⁵ ГАВО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 59. Л. 26. В 1934–1935 гг. здесь располагалось учреждение для беспризорных под патронажем ОблОНО, носившее название Закрытого Дома трудового воспитания. А ещё раньше, в 1921 г., на территории бывшего монастыря открыли детский дом, позднее – школу колхозной молодёжи, поэтому данное место имеет богатую историю. Усманская трудовая колония для несовершеннолетних существовала до начала 2010-х гг., после чего, в связи с сокращением численности осуждённых подростков, была перепрофилирована в женскую исправительную колонию общего режима.

³⁴⁶ ГАВО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

³⁴⁷ Дети ГУЛАГа. С. 333.

квалификацию-профессию. Выпуск из колонии производился ежегодно по окончании учебного года. Он был возможен на основании материала о члене колонии, собранного в течение всего периода его пребывания в колонии и характеризующего его как хорошего производственника и общественника, подготовленного к самостоятельной трудовой жизни вне колонии. Вместе с тем нахождение в колонии осуждённых несовершеннолетних не ограничивалось сроком судебных приговоров. Им предстояло быть здесь до тех пор, пока они не будут окончательно подготовлены к самостоятельной трудовой жизни³⁴⁸. После этого они могли получить направление на работу на предприятия или отправиться к родителям. Определение на предприятия происходило согласно заранее составленному плану Отдела трудовых колоний УНКВД на основании заключённых договоров с предприятиями и хозяйственными органами.

Бывшие воспитанники колонии впоследствии пополняли ряды рабочих коллективов воронежских заводов (Электросигнал, им. Ленина, им. Сталина, им. Калинина, им. Дзержинского и др.), будучи токарями, слесарями, фрезеровщиками, электромонтёрами. Многие из них получали достойную зарплату, являлись ударниками труда, были на хорошем счету у руководства.

Следует отметить, что сотрудники воронежских правоохранительных органов оказались не лучшими хозяйственниками. Производственная деятельность единственной в регионе трудовой колонии для несовершеннолетних была организована из рук вон плохо. Так, за восемь месяцев 1936 г. работа Усманской колонии НКВД, как и некоторых других подобных учреждений в разных уголках страны, была признана неудовлетворительной. Государственное задание по выпуску продукции на 135 млн руб. оказалось под угрозой срыва³⁴⁹.

Отчасти ситуация была вызвана аварией двигателя, из-за которой в феврале и марте 1936 г. производственная деятельность Усманской

---

³⁴⁸ Там же. С. 194–195.

³⁴⁹ Дети ГУЛАГа. С. 201–202.

трудколонии «проходила явно неудовлетворительно»: в феврале план удалось выполнить лишь на 25 %, в марте – на 50 %. Жаловались на отсутствие оборудования, в результате чего профиль производства в колонии не изменён. «Ведётся подготовка к переходу на производство ширпотреба»³⁵⁰, – информировали председателя воронежского облисполкома Орлова из местного УНКВД в апреле 1936 г.

Высшие чины НКВД обвиняли руководство колоний в «преступной бездеятельности», поскольку «срыв производства означает не только недодачу продукции, но и развал всей воспитательной работы и подрыв материальной базы существования самих колоний». При этом не допускали «никчёмные» и «лживые» оправдания о якобы отсутствии сырья и оборудования, ведь «производства трудколоний снабжаются лучше всех других производственных предприятий НКВД». На деле же выходило, что «трудколонии превращаются в худшего типа интернаты, бесполезно проедающие государственные средства и воспитывающие иждивенцев». Со времени организаций колонии «прошло уже больше года, организационный период давно прошёл и пора отчитаться делом в полученных сотнях тысяч и миллионов рублей»³⁵¹, – констатировали в Москве. Доводы из наркомата звучали вполне резонно, особенно учитывая тот факт, что ставилась масштабная задача освобождения государственного бюджета от расходов по содержанию колоний и последующего перевода их на самообеспечение.

Начальника УНКВД по Воронежской области старшего майора государственной безопасности С. С. Дукельского обязали в октябре 1936 г. выправить работу Усманской колонии к концу года, в противном случае грозились поставить в вину неспособность справиться с таким важнейшим участком работы НКВД, как борьба с беспризорностью, изъять трудколонию и передать в другое УНКВД.

---

³⁵⁰ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 25. Л. 28.

³⁵¹ Дети ГУЛАГа. С. 201–202.

В 1938 г. областная ДТК ходатайствовала о выделении 60 тыс. руб. на капитальный ремонт зданий, поскольку «ветхие помещения бывшего монастыря по своему состоянию не обеспечивают нормальных условий воспитания и содержания детей: помещения холодные, полы и рамы прогнили, требуется утепление потолков»³⁵². Требовались средства на приобретение оборудования для термического цеха и общего утепления цехов: достилка деревянных полов, ремонт зимних рам, частичная замена кровли.

В последующие годы Усманская трудколония продолжала приковывать к себе внимание. К примеру, накануне Великой Отечественной войны, в мае 1941 г., проверяющие из Управления ИТК при НКВД СССР обнаружили, что жилые помещения в колонии и столовая содержатся в антисанитарном состоянии, а на производстве имелись случаи травматизма³⁵³.

Но настоящие трудности возникали у правоохранителей, когда они сталкивались не с чужими беспризорниками, а со своими собственными. Такая драматичная история развернулась в семье начальника Вейделевского³⁵⁴ районного отдела милиции младшего лейтенанта Нестора Лукашина. 16 октября 1937 г. он написал письмо И. В. Сталину, в котором сообщал «о волнующих вопросах быта из жизни моей семьи и отношении районной партийной организации и районного исполкома к моим сигналам»³⁵⁵. Старший сын Лукашина от первого брака 15-летний Сергей, как и двое других детей, проживающих после развода с отцом и его второй женой, превратился в отъявленного хулигана. Подросток, по словам отца, склонен к воровству, общается с беспризорниками, родители которых осуждены за уголовные и политические преступления. В 1934 г. Лукашин-старший отнял у него два финских ножа и кинжал, с помощью которых тот

---

³⁵² ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.

³⁵³ Дети ГУЛАГа. С. 369.

³⁵⁴ До 1956 г. Вейделевский район входил в состав Воронежской области, в настоящее время – часть Белгородской.

³⁵⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 291.

предполагал вырезать всю семью; в 1936 г. обворовал пивную лавку, тогда же украл у отца бритву; в 1937 г., накануне юбилея Октябрьской революции, написал частушки контрреволюционного содержания и опустил в школьный ящик для заметок. В дополнение ко всему повыбивал стёкла в квартире.

«Действует он по подстрекательству враждебных нам элементов»³⁵⁶, – с уверенностью утверждал младший лейтенант милиции. «В своей повседневной работе я веду беспощадную работу с уголовными и политическими преступниками и нарушителями советских законов, не взирая на лица. <...> Своим поведением мой мальчик, – продолжал Лукашин, – явным образом дискредитирует меня как начальника райотдела милиции и члена партии ВКП (б), к тому же угрожает моей личной жизни и мешает работать»³⁵⁷. Безучастное отношение к проблеме со стороны местных властей заставило Лукашина обратиться к Сталину с просьбой дать указание райкому ВКП (б) и райисполкому «помочь мне исправить моего мальчика путём помещения его в специальную школу или же в колонию НКВД, а меня перевести в другой район для несения службы».

В ходе начатого разбирательства выяснилось, что в основе хулиганских действий подростка Сергея помимо дурного влияния окружающих лежит «злоба к отцу и неродной матери»³⁵⁸. Взаимоотношения в семье нездоровые: отец не даёт сыну деньги для покупки билета в кино, по целому месяцу может с ним не разговаривать, бьёт ремнём. Более того, у Сергея Лукашина уже был опыт нахождения в Усманской колонии НКВД, но прожив там 12 дней, он сбежал и вернулся домой. Областная тройка хотела его судить, однако не нашла в действиях подростка преступлений уголовного характера. Сам Лукашин категорически отказался от поездки в какую-либо колонию, заявляя, что всё равно оттуда сбежит.

В конце декабря 1937 г. заведующая областным отделом народного образования (ОНО) А. М. Захарова дала по этому делу своё заключение. По

---

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 291.

³⁵⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 292.

мнению чиновницы, мальчик «не является окончательно испорченным». Основной виновник – сам отец, который «не создал нормальных условий для воспитания ребёнка». В частности, неоднократные отправления к матери, первой жене милиционера, «вооружают» Сергея против второй жены Лукашина, платье которой он изрубил топором. Постоянные побои лишь озлобляют ребёнка, в то время как для него нет никаких развлечений (коньков, лыж, кино), отсутствуют забота и ласка. Как итог – ребёнок не любит свою семью. Нестору Лукашину рекомендовали изменить отношение к сыну, только в таком случае «мальчика можно исправить»³⁵⁹. На этом примере чётко прослеживается эволюция идеологических установок государства, имевшая место в середине 1930-х гг., когда одним из методов борьбы с детской безнадзорностью объявлялась административная ответственность родителей за проступки детей³⁶⁰. По данным за 1937 г., штрафу подверглись 72 воронежских родителя³⁶¹.

Несмотря на педагогическую назидательность в методах семейного воспитания, в январе 1938 г. перед начальником УНКВД по Воронежской области всё же возбудили ходатайство о переводе Н. Лукашина в другой район, где он мог бы определить сына в ФЗУ и, тем самым, отвлечь его от хулиганских поступков³⁶².

На протяжении 1920-х гг. борьба с беспризорностью не являлась для НКВД основным направлением деятельности. Обязанности милиционеров заключались, главным образом, в содействии органам ГубОНО. С самим явлением они, конечно, не боролись. «Интерес» к беспризорникам проявлялся в том случае, когда они переходили в категорию преступников. Тогда их задерживали, изымали с улицы и отправляли в приёмники-распределители. Однако переполненность специальных учреждений

---

³⁵⁹ Там же. Л. 292 об.

³⁶⁰ См.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности // Дети ГУЛАГа. С. 186–187.

³⁶¹ ГАВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.

³⁶² ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 307.

(приёмников и детских домов) вынуждала отпускать беспризорных правонарушителей на свободу, что порождало в их среде ощущение безнаказанности, вседозволенности и приводило к рецидивам преступности. В таких условиях труд милиционеров по своей бесполезности был сравним разве что с трудом античного Сизифа. Поэтому видятся вполне логичными звучавшие во второй половине 1920-х гг. призывы о необходимости более сурового наказания несовершеннолетних правонарушителей-рецидивистов (предания их суду) и о прекращении разного рода поблажек со ссылкой на их возраст. Опираясь на свой опыт и многочисленные наблюдения за жизнью беспризорных, милиционеры предлагали практические мероприятия по искоренению этого явления. Зачастую их слышали и принимали к сведению.

Сотрудники НКВД готовили для руководства региона аналитический материал, в котором речь шла об истоках беспризорности в тот или иной период времени, характеризовалось её текущее положение, содержалась статистика совершаемых неблагополучными подростками преступлений. Приводимые сведения позволяли чиновникам увидеть реальную картину дела, сделать определённые выводы и выработать меры для искоренения этих негативных и опасных социальных явлений.

К середине 1930-х гг. в деле борьбы с беспризорностью и искоренения преступности среди несовершеннолетних наступил «великий перелом» и были выбраны репрессивные методы. Как результат, расширился круг полномочий НКВД в работе с трудными подростками: в его ведение передаются приёмные пункты, детские дома и трудовые колонии, ранее находившиеся в компетенции других, гражданских, органов власти. Однако данная деятельность оказалась противоречивой: делая ставку на трудовое перевоспитание подростков с целью последующего их возвращения в русло повседневной жизни, правоохранители в массе своей оказались не подготовленными к выполнению этой миссии, а неумелыми действиями (бесхозяйственность, равнодушие, увлечённость администрированием) подчас лишь усугубляли ситуацию.

Значение правоохранительных органов в преодолении беспризорности и безнадзорности в Воронежской области отмечали в областной ДТК. «В результате большой работы, проведённой органами НКВД при значительной помощи со стороны облисполкома и облдеткомиссии, детская беспризорность по нашей области дала резкое снижение, – констатировали чиновники в 1936 г., – а по отдельным городам и районам она полностью ликвидирована (Тамбов, Задонск, Моршанск, Борисоглебск). Данное положение заставило НКВД свернуть три детприёмника, сконцентрировав всю свою работу по трём оставшимся точкам – Воронеж, Мичуринск, Елец»³⁶³.

Официальные заявления властей разных уровней, в которых победоносно провозглашалось об искоренении к середине 1930-х гг. беспризорности, не соответствовали реалиям советской повседневности. Желаемое выдавалось за действительное. Вместе с тем, несомненно, что сотрудники правоохранительных органов внесли свой посильный вклад в минимизацию беспризорности и оздоровление социокультурного пространства в городах Центрально-Чернозёмного региона.

---

³⁶³ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 59. Л. 107.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАКРЫТОГО ТИПА

3.1. Материальная база детских учреждений: финансовые сметы и реальное положение

На протяжении всего рассматриваемого периода ключевыми вопросами, напрямую влияющими на удовлетворённость ребёнка от пребывания в детском учреждении, являлись количество и качество предоставляемого питания, обеспеченность обмундированием (одеждой и обувью), предметами личной гигиены, школьными принадлежностями и учебными пособиями, бытовые условия (помещения, в стенах которого он находился, включая не только здание самого детского дома, но и столовую, баню, прачечную и т. д., их оснащённость и соответствие санитарным нормам), оказание своевременной медицинской помощи, а также система воспитания и обучения.

Функционирование детского дома во многом зависело от его финансирования. Забегая несколько вперёд, отметим, что хроническое недофинансирование детских учреждений в 1920–1930-е гг. стало обычным явлением не только в Воронежском регионе, но и в целом по стране.

Период рубежа 1910–1920-х гг., сопровождавшийся разрушительной Гражданской войной и последовавшим в 1921 г. голодом, выделяется на фоне других своим особым драматизмом. В это время десятки тысяч детей разных возрастов остались без родительской опеки, пополняя ряды беспризорных, части из которых удалось попасть в детские дома на иждивение государства. В начале 1920-х гг. детские учреждения Воронежской губернии испытывали острый дефицит всего чего только можно. Об их катастрофическом положении становилось известно из документальных отчётов губернских уполномоченных Деткомиссии ВЦИК.

Одной из проблем, заявившей о себе со всей серьёзностью, стал недостаток помещений для обустройства в них детских учреждений. Это вызывалось острым жилищным кризисом и экономической разрухой послевоенных лет. Неудивительно, что детей стали размещать в бывших монастырях и других зданиях. В 1921 г. только 50 % детских учреждений были обеспечены помещениями. Нехватка помещений приводила к их перегруженности, вследствие чего дети находились там в бесчеловечных условиях. Большинство отводившихся помещений оказывались малопригодными для проживания и требовали скорейшего капитального ремонта. Из-за топливного кризиса их просто-напросто нечем было отапливать (обеспеченность топливом составляла всего 10 %). Не было инвентаря, мебели, а также необходимого для ремонта детских домов стекла. Усилиями уполномоченного всё же удалось закупить два вагона стекла, но оно оказалось плохого качества. Отсутствовала мануфактура для пошива белья и детского платья (обеспеченность верхней одеждой составляла 30 %, постельными принадлежностями 20 %). Практически не было обуви (только 20 %), поскольку изготовление детской обуви в качестве отдельной отрасли производства в стране не существовало. Из-за этого многие дети ходили босиком. Детдома остро нуждались в соломе и пухе для тюфяков.

В 1921 г. воспитанники детских учреждений испытывали трудности с обеспеченностью предметами личной гигиены, например, мыла, ценившегося немногим менее хлеба. Подбирая с улиц грязных и обовшивевших беспризорников и размещая их в детдома, детей в первую очередь требовалось как следует отмыть. Норма $\frac{1}{4}$ фунта мыла на ребёнка в месяц «никуда не годится: ни сами не моются, ни бельё не стирают»³⁶⁴, – констатировал один из уездных уполномоченных. Как следствие, редкое мытьё приводило к возникновению и распространению инфекционных заболеваний и эпидемий. Согласно официальным данным, заболеваемость в

---

³⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 27. Л. 76.

детских учреждениях региона составляла 50–60 %³⁶⁵. Усугубляла ситуацию невозможность оказания своевременной квалифицированной помощи из-за практически полного отсутствия медицинского персонала (24 человека на 24 тыс. детей) и медико-санитарных средств (обеспеченность 10 %). С большой долей вероятности процент больных детей был выше, поскольку ничтожно малое количество врачей не имели возможности их регулярно осматривать. Более того, практически во всех детдомах отсутствовали изоляторы, из-за чего больные и здоровые дети находились в общих комнатах, часто спали на одной кровати, пользовались одними и теми же полотенцами и посудой³⁶⁶.

Вопросы продовольственного обеспечения детдомов и качество питания в них являлись одними из самых важных в рассматриваемый период. Вряд ли будет сильно преувеличенным суждение, что жизнь в детдоме ребёнок воспринимал в том числе через вкусовые ощущения.

Массовый голод 1921 г. больно ударил по детям, оставив в их памяти неизгладимые впечатления. Многие из них не смогли его пережить. Выжившие и впоследствии эмигрировавшие с ужасом вспоминали, как «там (в России. – *Авт.*) начали есть человеческое мясо и часто бывали случаи, что на улицах устраивали капканы... ловили людей... делали из них кушанья и продавали на базарах»³⁶⁷. Неудивительно, что некоторые потом признавались: «...а мне Россию было не жалко, потому что я не видел там ничего хорошего. Всё время война, а потом голод. Жизнь моя во время революции была похожа на жизнь животного, которому не было никакой заботы, кроме желудка»³⁶⁸. Голод толкал и на первые преступления. Кто-то из подростков воровал в трюме парохода муку, кто-то превратился в сознательного вора и «крал всюду, где это было можно, съестное, дрова, деньги...»³⁶⁹.

---

³⁶⁵ См.: *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов. С. 352.

³⁶⁶ *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов. С. 254.

³⁶⁷ Дети эмиграции. С. 41.

³⁶⁸ Там же. С. 121.

³⁶⁹ Там же. С. 191.

Те, кому в этот период посчастливилось оказаться в стенах детских учреждений, получили возможность выжить, а благодаря питанию – не умереть от голода. Хотя в целом питание в детских домах Воронежской губернии в 1921 г. носило скудный характер: кулеш из пшённой крупы, «щи с кусочком разнокачественного мяса или часто и без мяса и жиров», пшённая каша на сале «и чаще всего сухая» с куском хлеба³⁷⁰. При этом в фактическом суточном пайке отсутствовали жиры и белки, сухофрукты и сахар не выдавались по 2–3 месяца, пища была однообразной и зачастую недоброкачественной – например, в Задонском уезде 70 % получаемых яиц были тухлыми, из-за чего фиксировались случаи отравления со смертельным исходом. Вместо пшеничной муки – суррогаты (в Острогожском уезде 25 % муки – жмых)³⁷¹. В соседних губерниях питание было аналогичным.

В информационной сводке ГПУ Воронежской губернии в начале марта 1922 г. отмечалось, что к 1 января в губернский комитет помощи голодающим «хлебопродуктов поступило 7414 пудов, других продуктов – 2422 пуда. Все эти продукты переданы для детского питания»³⁷².

Во времена острых экономических кризисов, вызванных, как правило, войной и последующей экономической разрухой, власти прибегали к практике выделения земельных участков для детских учреждений с целью выращивания на них продовольствия. В других случаях детей организовано и группами переселяли из города «на землю», в так называемые колонии, где они также могли заниматься натуральным хозяйством. Это помогало спасти детей от голода и отчасти способствовало улучшению качества их питания.

Известно, например, о действовавшей в 1918 г. в течение непродолжительного времени колонии в слободе Анна Бобровского уезда. Она разместилась в бывшей усадьбе князя В. А. Барятинского, обширно простиравшейся на правом берегу р. Битюг. Поздней осенью 1918 г. дети

---

³⁷⁰ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 148.

³⁷¹ Там же. С. 351–352.

³⁷² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. С. 581–582.

были направлены в Москву для последующего распределения по детским домам³⁷³.

В 1921 г., чтобы прокормить легион беспризорных и голодающих детей, у губернского уполномоченного Деткомиссии ВЦИК Д. Я. Кандыбина появилась идея организации для них летних приютов-колоний. Инициатива нашла отклик и понимание у местных властей, однако помочь нуждающимся детям решили за счёт другой категории населения. В июле 1921 г. президиум горисполкома постановил выселить в трёхдневный срок 40 семей железнодорожников из посёлков Сосновка и Дубовка при станции Сомово для размещения в жилых помещениях дач детских домов и санаторий ГубОНО и Губздрава. В августе служащие ЮВЖД написали заявление во ВЦИК, в котором просили отменить решение местных властей.

Посёлки появились накануне Первой мировой войны в 1913 г. Необходимость переселения железнодорожников в них возникла в связи с продовольственным, топливным и жилищным кризисами, разразившимися в Российской империи во время войны. Своими силами, а также при содействии железной дороги, удалось построить «полутёмные помещения для круглогодичного проживания»³⁷⁴. В Гражданскую войну посёлки оказались в зоне военных действий. «Со стороны “белых” имущество и помещения подверглись расхищению», после чего их снова пришлось восстанавливать собственными силами и средствами. Железнодорожники ютились в маленьких домиках площадью 10–12 квадратных сажень без отеплённых входов, в большинстве с одинарными рамами. «С большим трудом многие из нас, – сетовали служащие, – приобрели коров, коз, птицу, развели огороды и путём личных покосов заготовили сено на предстоящую зиму, а также дрова для топлива личной разработкой леса. В настоящее время, когда наш железнодорожный продовольственный орган не может снабжать нас продовольствием в достаточной степени (в течение последних

---

³⁷³ См.: *Никитин С. А.* Как квакеры спасали Россию. М., 2020. С. 145–146.

³⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р–1235. Оп. 99. Д. 53. Л. 64.

двух лет выдача пайка не превышала 10–12 фунтов муки на едока в месяц, а за июль 1921 г. было дано 5 фунтов), мы можем существовать, – заключали они, – только в условиях полусельской жизни, налаженной нами с напряжением в течение нескольких лет»³⁷⁵. Переселение в город при отсутствии свободных квартир грозило служащим «полным разорением и нищетой», поскольку им пришлось бы ликвидировать хозяйства и к тому же лишит возможности «спокойно работать на пользу транспорта».

За железнодорожников вступился нарком путей сообщения Ф. Э. Дзержинский, ещё совсем недавно бывший председателем Деткомиссии при ВЦИК. Решение воронежского горисполкома признали «страдающим односторонностью и не считающимся с общим тягостным положением железнодорожных тружеников»³⁷⁶. Более того, по мнению наркома, решение горисполкома нарушало «неоднократные постановления центральной власти об ограничении железнодорожников от выселений»³⁷⁷. Отмечалось, что среди этих служащих были крайне ответственные агенты, которых в интересах сохранения транспорта надо было отстоять. Действительно, в условиях Гражданской войны и послевоенной разрухи железнодорожная отрасль переживала глубочайший кризис, поэтому кому именно в сложившейся ситуации протянуть руку помощи – голодающим детям или оказавшимся на грани нищеты агентам дороги с высоким риском их потери как ценных кадров, оказалось непростой задачей. В итоге было принято соломоново решение: 22 августа 1921 г. ВЦИК приостановил постановление воронежских властей о выселении железнодорожников, при этом рекомендовав уплотнить посёлки³⁷⁸.

За несколько лет ситуация кардинально не изменилась, и материальная база детских учреждений Воронежской губернии была по-прежнему крайне слаба. С переводом их всех с 1 октября 1923 г. на баланс местного бюджета

---

³⁷⁵ Там же. Л. 64 об.

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р–1235. Оп. 99. Д. 53. Л. 69.

³⁷⁷ Там же. Л. 71.

³⁷⁸ Там же. Л. 56.

она даже стала хуже. Например, обеспеченность одеждой и обувью в Воронеже составляла около 50 %, в то время как в уездах практически ничего не было («катастрофическое положение»). Фиксировалась острая нехватка постельного белья, даже пелёнки приходилось «употреблять без стирки с просушкой», что вызывало рост кожных заболеваний³⁷⁹. Как и раньше, на вес золота были врачи: по неполным данным, на 10 домов ребёнка их было всего 7 человек³⁸⁰.

В 1923 г. ситуация с питанием в детдомах по сравнению с 1921 г. стала ещё хуже, количество пайков было значительно меньше численности детей. По-прежнему фиксировалась острая нехватка жиров, сахара, молока. Постоянное недоедание и пребывание в антисанитарных условиях вызывало у детей многочисленные болезни, подрывало их психическое здоровье, вызывая умственную отсталость, способствуя развитию детской преступности и других форм девиантного поведения.

В 1923–1924 гг. вследствие очередного неурожая Воронежская губерния оказалась в тяжёлом экономическом положении. Снова обострилась ситуация с беспризорностью, потоки голодающих детей из сельской местности устремились на городские улицы. 31 функционировавший в губернском Воронеже детдом смог вместить лишь 2061 человека. В уездах количество беспризорных составляло 11 577 человек, из которых только 1762 ребёнка, принадлежавших к беднейшим слоям крестьянского населения, удалось разместить в 113 детдомах. Остальные 9185 оказались «в значительной своей массе на улице»³⁸¹. Между прочим, «детский вопрос» был очень важен для нашего региона. По статистическому учёту 1924 г. «количество народонаселения детского возраста до 18 лет» выражалось в 1 776 240 человек, что составляло 58 % от общего числа населения губернии³⁸². Местными властями признавалось более серьёзное по сравнению со

---

³⁷⁹ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 360.

³⁸⁰ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 360.

³⁸¹ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1213. Л. 1 об.

³⁸² Там же. Л. 2.

взрослыми положение детей, «не могущих в большей своей части добывать самостоятельно кусок хлеба». По этой причине в условиях дефицита собственных средств приходилось запрашивать помощь из Центра.

Весной 1925 г., «вследствие прогрессивного ухудшающегося материального положения населения», количество беспризорников в губернии увеличилось, составив 17 861 человек. Тогда же были установлены нормы детского питания, в соответствии с которыми помощь нуждающимся приобрела натуральный характер (в школах организовывали бесплатные горячие и холодные завтраки)³⁸³ или денежный в виде единовременного пособия-компенсации продовольственного пайка (3 руб. в месяц для беспризорных детей и 5 руб. для беспосевных)³⁸⁴. Источником финансирования послужил отпущенный из комиссии Рыкова кредит в сумме 900 тыс. руб.

В положении нуждающихся оказались в том числе размещённые в детдомах 5878 человек, из-за «критического состояния местных бюджетных средств» отнесённых к категории «недостаточно питаемых»³⁸⁵.

В отчётных документах второй половины 1920-х гг. утверждалось, что «сеть [дет]учреждений по губернии в целом и по уездам в отдельности создавалась и сокращалась стихийно», не учитывая действительного положения дел. Наличие в губернии значительного количества неучтённых беспризорных говорит о том, что существующая сеть «вообще далеко не охватывает всего количества детей, нуждающихся в помещении в детучреждения. Однако, несмотря на это, она, начиная с 1922 г., продолжает сокращаться вопреки ранее даваемым директивам правительства»³⁸⁶. В период с 1922 по 1927 гг. количество детучреждений сократилось почти в 7

---

³⁸³ Введение питания в школах имело огромное положительное значение, способствуя подъёму внимания населения к школе, а также росту авторитета школы и советской власти. В отдельных уездах (напр., Россошанском) посещаемость школ составила 95 % // Там же. Л. 80 об.

³⁸⁴ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1213. Л. 1.

³⁸⁵ Там же. Л. 80.

³⁸⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1886. Л. 27.

раз, что, как известно, было вызвано их переводом на баланс местного бюджета.

По-прежнему остро стоял жилищный вопрос. Важное значение имел не только выбор здания, но и район его размещения. Случалось, что детей загоняли в трущобы на городские окраины, дабы спрятать подальше от глаз обывателей. Иногда звучали голоса сторонников перевода детей ближе к центру, поскольку с психологической точки зрения это должно было подействовать на них положительно, позволяя почувствовать себя людьми, а не зверёнышами, которых скрывают в захолустных местах. Единого ответа на этот вопрос не существовало и в каждой отдельной ситуации выход искали индивидуально. Свой неизгладимый отпечаток накладывало и время, когда в условиях дефицита зданий как таковых выбирать было особо не из чего.

С осени 1924 г. по весну 1925 г. в Воронеже существовала ночлежка для беспризорных, разместившаяся недалеко от центральной части города. За непродолжительное время она успела сменить два адреса – сначала занимала дом № 10 по Проспекту Революции, а после произошедшего в декабре пожара переехала в дом № 8 по улице Ф. Энгельса, поблизости от железнодорожного вокзала. Как вскоре выяснилось, данный район для ночлежки, «первой ступени работы с детской беспризорностью и детской преступностью, момент выявления ребёнка, выживания его из улицы и направления в детское учреждение», был выбран совершенно неподходящий. Рядом находились глухая площадь и глухой большой сад, «кругом разрушенные сараи и дом бывшего дворянского собрания, в развалинах которого скрывается и прячет ворованные вещи шпана... Дети ночлежки, безусловно, имеют связь с этими взрослыми ворами, играют с ними в карты и ходят на ночные грабежи, ломают замки, выставляют стёкла в окнах». Отмечалось, что «взрослые воры самовольно вваливаются в детскую ночлежку в пьяном виде с женщинами, ругаются площадными словами, наносят побои детям и воспитателям, бьют стёкла, когда двери закрыты» и таким образом проникают в здание. При таких условиях вести какую бы то

ни было педагогическую работу среди детей было совершенно невозможно. «Принимаемые меры через угрозыск безрезультатны, т. к. аресты этих воров продолжаются несколько часов, после чего они обратно приходят в детскую ночлежку и угрожают заведующему и воспитателям за то, что о них сообщили»³⁸⁷. В преддверии летнего периода власти приняли решение «временно закрыть» ночлежку за неимением возможности её перевода «в другое более приспособленное помещение, не в глухом районе»³⁸⁸. В результате 56 детей оказались на улице, большинство из которых (44) определялись как социально-запущенные, побывавшие в исправительных домах, занимающиеся воровством несколько лет. С ними предполагалось вести работу через Комонес. Желающих работать в мастерских (4) направили в трудовую колонию имени Зиновьева, желающих поступить в детдом (8) – в приёмник № 1. Здание бывшей ночлежки передали губпроснабу.

В конце 1920-х гг. чиновники отдела народного образования Острогжского округа ЦЧО констатировали, что в большинстве случаев занимаемые детдомами здания по своей кубатуре и системе построения для них не приспособлены. С момента передачи детдомам они не видели капитального ремонта, поскольку бюджетом учитывался только текущий ремонт: вставка стёкол, ремонт печей, побелка. В итоге здания пришли в большую ветхость и оказались непригодными для проживания. «Как правило, во всех детдомах текут крыши, рушится штукатурка, страдают стены и потолки, полы не крашены, печи дымят, крыльца поломаны, – говорилось в отчёте 1929 г. – Некоторые детдома находятся в летних помещениях и требуют утепления»³⁸⁹. В Новооскольских детдомах для обогрева во всех комнатах стояли чугунки, которые не только загрязняли помещение, но и «весьма вредно» отражалось на здоровье детей. Новых зданий, более приспособленных для проживания в них детей, на местах не имелось, в свете

---

³⁸⁷ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1559. Л. 12–12 об.

³⁸⁸ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1559. Л. 26.

³⁸⁹ Там же. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 196. Л. 13.

чего требовались внушительные суммы на капитальный ремонт имеющегося жилищного фонда.

Также крайне неудовлетворительно в острогожских детских учреждениях обстояло дело с инвентарём. Он был почти весь ветхий, ещё дореволюционного периода, поэтому требовал замены или большего пополнения. Не хватало самого необходимого: кроватей, столов, скамеек, шкафов для хранения платья или посуды, а также кухонных и столовых принадлежностей³⁹⁰. Однако при имевшихся ассигнованиях 3 руб. на ребёнка, обновить инвентарный фонд было делом затруднительным.

Следует отметить, что содержание детдомовского ребёнка в 1929 г. обходилось бюджету в 155 руб., включая такие статьи расходов, как питание (92 руб.), обмундирование (35 руб.), на учебную часть (2 руб.), приобретение инвентаря (3 руб.), административно-хозяйственные расходы (23 руб.)³⁹¹

Любопытно также, что из 15 детских учреждений Острогожского округа 13 состояли на балансе местного бюджета, а два (приёмник в Острогожске и Писаревская исправительно-трудовая колония) финансировались из средств Деткомиссии ВЦИК³⁹².

К сожалению, местные чиновники, преследуя свои интересы, зачастую пренебрегали интересами государственных детей. В начале 1930-х гг. известны, например, случаи размещения в детдоме межрайонной ветеринарной лаборатории (Козлов) или занятие общежития детдома райисполкомом с последующим выселением детей в непригодное для этого помещение (Раненбург)³⁹³.

Алгоритм финансирования детских учреждений в начале 1920-х гг. выглядел следующим образом. До начала НЭПа оно осуществлялось государством. На первом этапе такие ведомства, как наркоматы

---

³⁹⁰ ГАВО. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 196. Л. 13 об.

³⁹¹ Там же. Л. 12 об.

³⁹² Там же. Общее содержание сети детских домов в округе обходилось острогожскому бюджету в 190 тыс. руб., Деткомиссия затрачивала на эти цели 45 тыс.

³⁹³ ГАВО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 26. Л. 7. Раненбург (до 1948 г.) – в настоящее время Чаплыгин Липецкой области.

продовольствия и здравоохранения, при участии Деткомиссии ВЦИК разрабатывали нормы питания. Далее Деткомиссия с учётом полученных в ходе опросов данных составляла заявки на выделение детским учреждениям необходимого количества продовольственных пайков. На основании этих заявок Наркомфин составлял проект смет. Другая смета включала средства, необходимые на отопление и ремонт помещений детских учреждений, на приобретение для воспитанников обмундирования, учебных пособий и т. д. На заключительном этапе все сметы утверждались ВЦИК и СНК³⁹⁴. Как правило, выходящая из Наркомфина итоговая смета предусматривала значительно меньшие расходы, чем изначальные заявки Деткомиссии и других заинтересованных ведомств. Так, в 1925–1926 гг. по утверждённой смете на материальное обеспечение одного воспитанника в год полагалось 21 руб. 30 коп., в то время, как по расчётам Наркомпроса было необходимым минимум 40 руб. На питание одного воспитанника детдома в среднем полагалось 85 руб. 20 коп. в год, тогда как по расчётам Наркомпроса – не менее 130 руб.³⁹⁵

Однако даже такие урезанные на треть или половину от необходимых средств сметы не отражали всей драматичности сложившейся в это время на местах ситуации. Первые годы существования губернских уполномоченных Деткомиссии ВЦИК и созданной вскоре Деткомиссии Воронежской губернии ушли преимущественно на спасение детей от голодной смерти (подробнее об этом говорилось в параграфах 1–2 второй главы).

В историографии приводятся также случаи завуалированных форм нецелевого использования средств или использование их не по назначению в силу халатности и нерадивости региональных госслужащих. В 1930-е гг., по утверждению Т. М. Смирновой, практиковался такой порядок: деньги детским домам перечислялись местными финотделами с сильным опозданием, а в конце года областные финансовые отделы все не

---

³⁹⁴ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 214.

³⁹⁵ Там же. С. 215.

перечисленные в срок деньги списывали со счетов райфинотделов, как «неиспользованные». Местные продкомы под разными предложениями затягивали поставку продовольствия, из-за чего часть перечисленных детдомам средств в конце года также списывались как «неиспользованные», но уже со счетов детских домов³⁹⁶.

Единые общегосударственные нормы продовольственного пайка отсутствовали. В каждой губернии устанавливались свои суточные нормы питания. В Воронежской губернии они были едины для всех воспитанников детских учреждений вне зависимости от возраста и статуса учреждения. В среднем по стране в начале 1920-х гг. каждому воспитаннику закрытого детского учреждения в сутки полагалось 200–300 грамм хлеба, около 100 грамм мяса или рыбы и столько же крупы, 300–400 грамм картофеля, по 12 грамм соли и сахара. Однако на практике питание детей зачастую состояло из пшённой каши на воде, гороховой похлёбки и практически не пригодного к употреблению суррогатного хлеба³⁹⁷. Сопутствующие недоеданию малокровие, истощение, случаи голодной смерти часто встречались среди воспитанников детских учреждений губернии в начале 1920-х гг.

В 1923–1924 гг. нормы детских продовольственных пайков практически не отличались от норм 1921–1922 гг., но даже эти минимальные пайки дети получали не полностью. Во многих детских учреждениях такие продукты, как мясо, молоко, масло, яйца и многие другие, по-прежнему выдавали крайне редко³⁹⁸. К примеру, в Воронежской губернии в домах ребёнка кормилицам прекратили выдавать молоко и сахар, а детям в лучшем случае давали по одному стакану молока и три золотника (12,78 граммов) сахара в день³⁹⁹. Как уже неоднократно говорилось, тяжёлое положение детей в этот период было вызвано переводом детских учреждений на баланс местного

---

³⁹⁶ Там же. С. 223.

³⁹⁷ *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов. С. 217.

³⁹⁸ Там же. С. 205.

³⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 191. Л. 15.

бюджета, что ожидаемо привело к сокращению сети детдомов в губернии и уменьшению числа воспитанников в них.

Некоторые улучшения в продовольственном обеспечении детских учреждений намечаются лишь в начале 1930-х гг. Примерные нормы пайка при этом практически не изменились, а вот уже во второй половине 1930-х гг. они подверглись существенной корректировке. Хлебная норма в нашей области была заметно увеличена уже в 1934 г., поднявшись до 600 граммов в детдомах школьного типа и до 400–500 граммов в дошкольных. Тогда же отмечалось, что в ряде детдомов ЦЧО дети питаются четыре раза в день⁴⁰⁰. Улучшение питания фиксировалась особенно там, где имелась своя подсобная база. Существенно расширился ассортимент и объём молочной продукции, а также круп с преобладанием гречки. «Пища стала разнообразней и по вкусовым качествам лучше»⁴⁰¹, – резонно отмечала в 1936 г. ОблДТК в своём докладе. С 1938 г. в обязательный паёк детских домов Наркомпроса вошли также печенье и конфеты монпансье⁴⁰².

В 1938 г. стоимость суточного питания в детдомах Воронежской области составляла 2 руб. 84 коп. на одного ребёнка. Вместе с тем, «качество приготовляемой пищи везде разное и разнится от дома к дому от удовлетворительного до неудовлетворительного, – отмечалось в подготовленной для обкома ВКП (б) докладной записке. – При составлении меню врачи почти не участвуют. В Писаревском детдоме на обед были приготовлены постный борщ и гречневая каша. Жиры детям не выдаются. Обильную пищу с наличием жиров имеет Коротоякский детдом, но повар неквалифицированный и пища приготавливается невкусно. В большинстве детдомов питание удовлетворительное, но однообразное»⁴⁰³.

Эту информацию подтверждали данные проверки детдомов области, осуществлённой в 1937 г.: «В большинстве детских домов питание

---

⁴⁰⁰ ГАВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

⁴⁰¹ Там же. Д. 67а. Л. 4.

⁴⁰² *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов. С. 217.

⁴⁰³ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 18.

однообразное и по качеству плохое (не достаёт жиров). В Россошанском детдоме в течение трёх месяцев утром и вечером кормили детей одной колбасой, в Добринском детдоме ежедневно кормили кулешом и перловой кашей, белый хлеб никогда не давался. В Павловском детдоме из 140 человек 75 признано малокровными». Также было установлено, что «уходя в школу, дети завтраками не обеспечиваются, а при выходе из столовой воспитанники подвергаются тщательному обыску», поскольку руководители детдомов запрещают им брать хлеб с собой, из-за чего «дети детского дома в школе просят хлеб у детей, имеющих родителей»⁴⁰⁴.

Проверяющие пришли к заключению, что, например, в Добринке «по существу дети переживают искусственно созданный голод», т. к. помимо выделяемых ежегодно на содержание каждого ребёнка ассигнований, детдом располагает большим подсобным хозяйством: 300 гектаров земли, 2,5 гектара сада, 40 лошадей, 20 коров, овцы, свиньи, имеется своя механическая мельница, электростанция, трактор, автомашины. Более того, «в этом году снят огромный урожай хлеба, в настоящее время имеются излишки пшеницы 120 центнеров и, несмотря на всё это, питание детей организовано из рук вон плохо»⁴⁰⁵. В Россоши наблюдались «случаи перебоя в продуктах... даже в хлебе, что вызывает сильное недовольство детей»⁴⁰⁶.

Неудовлетворительное питание воспитанников было вызвано также хищениями продуктов сотрудниками детских домов, которые без зазрения совести объедали детей и жили за их счёт. Откровенные воры встречались среди руководящего состава. Так, заведующий Рождественско-Хавским детдомом совместно с завхозом растратили около 6 тысяч руб. из средств детского учреждения⁴⁰⁷.

Циничными и бесчеловечными поступками по отношению к детям отмечались некоторые местные руководители, как, например, в Задонске, где

---

⁴⁰⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 48.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 55.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 61.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 50–51.

в 1930-е гг. председатель райисполкома и секретарь райкома пили молоко от коров детского дома, в то время как его воспитанники голодали⁴⁰⁸.

В октябре 1927 г. воронежская газета «Комсомолец» выступила с резкой критикой детдомов Россошанского уезда, образно назвав их гнойниками. «Грязь, сор в комнатах, разбросанные неубранные постели, невытая ржавая посуда, из которой едят дети», – таким нашли внутреннее состояние детдомов журналисты. Наихудшую запущенность «представляет дом им. Будённого, который имеет вид худшей казармы подённых рабочих. В чём же причины? – восклицали авторы заметки. – В недостатке средств? Нет! Потому что там же рядом детский дом им. Рыкова является образцом чистоты и опрятности. Дети одеты и имеют здоровый вид, в то время как в других детдомах воспитанники по внешнему виду мало чем отличаются от беспризорных. Во всём виноваты руководители и те, кто за ними должен смотреть»⁴⁰⁹.

Другой причиной плачевного состояния детских учреждений в исследуемый период являлось нецелевое расходование средств, отпущенных на их содержание. Зачастую региональные власти по тем или иным причинам саботировали распоряжения центральных ведомств касавшие улучшения положения детских домов, что ожидало вызывало многочисленные нарекания со стороны Деткомиссии при ВЦИК.

Встречались факты, «как загоняют детские деньги на нужды, никакого отношения к детям не имеющим». Они фиксировались в самых разных уголках страны. «Стало обычным правилом, – сетовал председатель ДТК Н. А. Семашко в апреле 1934 г., – что исполкомы и горсоветы средства, отпускаемые государством на содержание детских домов, расходуют не по назначению: на постройку мостов, на содержание домов отдыха, пожарной команды, колхозных рынков и т. д.; многие исполкомы и горсоветы снижают нормы содержания детей (на питание, обмундирование) <...> В результате дети остаются голодными, грязными, оборванными и наблюдается массовое

---

⁴⁰⁸ Дети Гулага. С. 163.

⁴⁰⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 174. Л. 47.

бегство ребят из детских домов и пополнение улиц «беспризорными»⁴¹⁰. К примеру, с июля по сентябрь 1935 г. с улиц городов Воронежской области было собрано 1844 беспризорных ребёнка⁴¹¹.

Между тем Н. А. Семашко был убеждён в отсутствии «достаточных объективных причин», оправдывавших сложившееся положение с воспитанием детей. Ни много ни мало на содержание детских домов в 1933 г. по линии ДТК было выделено более 20 млн руб. С 1934 г. правительство увеличило сумму выделяемых средств на питание воспитанников детдомов (с 300 до 400 руб. в год) и их обмундирование (с 70 до 100 руб.). Однако это не привело к сколь-нибудь кардинальным изменениям, поскольку по-прежнему «расходятся эти средства на местах безобразно». О грозившей опасности в деле воспитания детей («не замечается симптомов улучшения, а, наоборот, положение ухудшается») Н. А. Семашко сигнализировал властям. Он утверждал, что «невыносимое положение будет продолжаться и дальше, если ЦК ВКП (б) не заставит обернуться местные партийные и советские организации лицом к делу воспитания подрастающего поколения», поэтому в апреле 1934 г. просил председателя ВЦИК М. И. Калинина «поставить этот вопрос в Политбюро, избрать там авторитетную комиссию для проработки конкретных мероприятий, чтобы... мобилизовать внимание партии»⁴¹².

А ещё совсем недавно, готовясь к проведению XVII съезда ВКП (б) в январе 1934 г., «дни которого будут являться историческими не только по исключительности одержанных побед, но и потому, что они совпадают с Ленинскими днями», ДТК при ВЦИК просила региональные ДТК немедленно развернуть массовую работу, «при которой было бы обеспечено поднятие принципиальных вопросов охраны детства на уровне задач большой политической важности»⁴¹³. В ходе решения этих задач предстояло «добиться такого положения, чтобы в детдомах не было ни одного

---

⁴¹⁰ Дети ГУЛАГа. С. 162.

⁴¹¹ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 24. Л. 63 об.

⁴¹² Дети Гулага. С. 163.

⁴¹³ ГАВО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 78. Л. 62.

воспитанника, не обеспеченного минимально-необходимым количеством продуктов, предметов обмундирования и другими условиями для нормальной жизни и воспитания»⁴¹⁴. Как покажет время, это было во многом политической демагогией, в большинстве случаев не подкреплённой инициативой с мест. Архивные документы пестрят сообщениями об отсутствии со стороны райисполкомов должного внимания детдомам, постоянном задерживании средств на их содержание и т. д.

Председатель ДТК при ВЦИК Н. А. Семашко называл имевшие место в Воронежской области в 1935 г. факты недофинансирования детских домов «возмутительными» и призывал советские и партийные областные организации «положить этим безобразиям решительный предел»⁴¹⁵. Так, Рождественско-Хавский райисполком выполнил лишь 53 % полугодового плана, Усманский – 67 %; Пичаевская колония получила за полгода 59 % отпущенных для неё государством средств. Неподдельное возмущение вызывало обстоятельство, когда «партия и правительство выносят постановление *об улучшении положения детдомов*, а находятся районные руководители, которые *ухудшают* положение ребят, недодавая им тех средств, которые отпустило государство. Такие руководители, – был убеждён председатель ДТК, – заслуживают самого резкого взыскания и по советской, и по партийной линии»⁴¹⁶.

Таким образом, наблюдался конфликт интересов между партийными и советскими органами власти. Партия ставила задачу улучшения жизни воспитанников детских домов, местные власти решали её отчасти, перераспределяя финансовые потоки на хозяйственные нужды региона, с детьми никак не связанные.

Несмотря на в целом улучшившееся к середине 1930-х гг. финансирование детдомов, они по-прежнему сталкивались с трудностями. Например, проведение ремонта тормозилось дефицитом строительных

---

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 24. Л. 58.

⁴¹⁶ Там же.

материалов. В 1935 г. помимо 100 тыс. руб. денежных ассигнований на ремонт воронежских детдомов требовалось 127 ящиков оконного стекла, почти 2 т гвоздей, 173 кв. м древесины, 540 листов кровельного железа, 150 кг цемента и т. д.⁴¹⁷ О выделении стройматериалов облисполком ходатайствовал в докладной записке на имя председателя правительства В. М. Молотова, однако, как говорилось в отчёте, ответа так и не получил. Как следовало проводить ремонт без необходимых для него материалов, было непонятно. В распоряжении облисполкома собственного фонда строительных материалов не было. Основные же нужды детдомов в 1935 г. по оборудованию инвентарём, организации при них производственных мастерских и «в основном на выпуск воспитанников», остались неудовлетворёнными⁴¹⁸. Вследствие этого местные чиновники констатировали, что «в состоянии детдомов надлежащего перелома в сторону улучшения их материального положения пока нет»⁴¹⁹.

На выпуск достигших 14-летнего возраста 1500 воспитанников детдомов на патронат и различные производства требовалось чуть более 200 тыс. руб. (203 200 руб.). Выводимых детей необходимо было обеспечить обмундированием и постельными принадлежностями согласно нормам Наркомпроса. Однако облисполком смог выделить на эти цели лишь 50 тыс. руб. (т. е. примерно четверть от требуемых средств), вследствие чего «значительно снизилась материальная обеспеченность детских домов»⁴²⁰. На ходатайства из области о выделении денежных средств Совнарком отвечал привычным молчанием.

Перегруженность детских учреждений в изучаемый период стала нормой. Она вызывалась как общим сокращением сети учреждений, так и нахождением в их стенах откровенных переростков 16–22 лет, затруднявших пополнение детдомов новыми воспитанниками. «На улицах Воронежа ещё

---

⁴¹⁷ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 24. Л. 62.

⁴¹⁸ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 24. Л. 62.

⁴¹⁹ Там же. Д. 15. Л. 73.

⁴²⁰ Там же. Д. 24. Л. 62.

можно встретить десятки беспризорных ребят, – констатировал в июне 1935 г. председатель ДТК Н. А. Семашко. – Милиция, на обязанности которой лежит изъятие ребят, не справилась ещё с этой задачей. По-видимому, изъятие затрудняется загруженностью детских приёмников, а разгрузка последних – загруженностью детских домов. Получается старая история: цепь неправильно работает. Между тем, – был уверен Н. А. Семашко, – ликвидация беспризорности может идти успешно только тогда, когда работа идёт “по конвейеру”: ребята изымаются с улиц, размещаются тотчас по приёмникам и оттуда... размещаются по детским учреждениям»⁴²¹.

Нахождение в стенах детдомов переростков – в какой-то степени мера вынужденная. К примеру, в Острогжском округе ЦЧО по состоянию на март 1929 г. их насчитывалось до 100 человек – в возрасте от 16 лет до 21 года. Такая «задержка переростков в детских домах» объяснялась несколькими причинами. В частности, говорилось об отсутствии трудовой подготовки, как результате неимения в большинстве детдомов мастерских; около половины переростков обучались в школах повышенного типа⁴²², до окончания которых они не могли быть исключены из детдома по причине отсутствия общежитий и достаточного количества стипендий при них. Кроме того, невозможность выпуска взрослых ребят объяснялась отсутствием брони в колхозах и ученичества на предприятиях. Кто-то попадал в детдома во время проведения кампаний по борьбе с беспризорностью уже будучи 15–16-летними подростками. Кроме того, среди переростков встречались дети-инвалиды, которые по понятным причинам не могли жить своим трудом⁴²³. В 1931 г. ввиду отсутствия квартир также фиксировались сложности с трудоустройством воспитанников на производство; большинство ребят, устроенных на работу, вынуждены были жить в детдомах⁴²⁴.

---

⁴²¹ ГАВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 24. Л. 57.

⁴²² Общеобразовательные учебные заведения для обучения работающих без отрыва от производства в СССР в 1920–1930-е гг. Давали образование в объёме семилетки.

⁴²³ ГАВО. Ф. Р–831. Оп. 1. Д. 196. Л. 15 об.–16.

⁴²⁴ Там же. Ф. Р–1417. Оп. 1. Д. 12. Л. 45.

Вместе с тем скопление в детских учреждениях подростков и юношей имело негативные последствия, поскольку переростки относили себя к взрослым и не считались с администрацией детских учреждений, что приводило к напряжённым отношениям внутри коллектива, отражаясь в том числе на младших воспитанниках. Подростки пользовались авторитетом среди детей, имели на них силу воздействия, вербовали из их среды себе помощников.

Своего рода апогеем данного явления стало произошедшее в стенах Козловского детского дома-приёмника 5 июля 1931 г. убийство одного воспитанника другим⁴²⁵. Главным фигурантом дела стал обучавшийся в ФЗУ подросток Холин, а его жертвой – сверстник Ланин, работавший на паровозно-ремонтном заводе. По словам инспектора ОблОНО, убийству во многом способствовала ненормальная ситуация, когда воспитанники, получая на производстве недостаточный заработок для самостоятельной жизни, продолжали находиться в детдоме, оставаясь на полном государственном обеспечении. Вследствие появлявшихся свободных денег возникала необходимость их траты. В данном детдоме работающие воспитанники использовали деньги на карточную игру, за которой, судя по всему, и произошла трагедия.

Вообще, Козловский детдом-приёмник давно привлекал к себе внимание. За первую половину 1931 г. из 53 человек, прошедших через Комиссию о делах несовершеннолетних, 30 являлись его воспитанниками⁴²⁶. Отчасти это объяснялось неподходящими условиями для размещения детского учреждения в данном районе города. «Вокруг детского дома устраивается манеж, находится конная база и двор служит проезжей дорогой. Во дворе ходят разные толпы народа, пьяные и бесцельно шатающаяся публика. Во дворе много разных учреждений, куда тоже идёт народ»⁴²⁷, –

---

⁴²⁵ ГАВО. Ф. Р–1417. Оп. 1. Д. 26. Л. 22. Козлов (до 1932 г.) – нынешний Мичуринск Тамбовской области.

⁴²⁶ Там же. Л. 23.

⁴²⁷ Там же. Л. 22 об.

сетовал один из воспитателей. Более того, находившиеся по соседству полуразрушенные здания служили «притоном для взрослого преступного элемента, с которым у детей приёмника существовала связь», из-за чего приёмник «ни в какой мере не справлялся с поставленным перед ним задачами по ликвидации уличной беспризорности, превращаясь сам в рассадник»⁴²⁸.

Вывод достигших 14-летнего возраста воспитанников с последующим трудоустройством стал обязательным после принятия 31 мая 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) постановления «О ликвидации беспризорности и безнадзорности». Уже к августу 1935 г. из детдомов Воронежской области был выпущен 1301 подросток: 437 человек ушли на производственные предприятия либо в специализированные учебные заведения, 864 – на патронирование. Таким образом, отмечали в президиуме облисполкома, «приём в детдома беспризорных детей с улицы обеспечен»⁴²⁹.

В целом председатель ДТК был доволен ходом выполнения в Воронежской области постановления от 31 мая 1935 г. и принимаемыми для этого местными властями мерами. Он давал региону высокую оценку и возлагал большие надежды: «Воронежская область, которая в последнее время... заняла одно из первых мест в Союзе, должна показать образец того, как нужно выполнять важнейшие решения Партии и Правительства»⁴³⁰.

Нельзя не отметить, что постановление 31 мая 1935 г. способствовало улучшению санитарного контроля над детдомами и внесло перелом в вопрос оказания медицинской помощи воспитанникам. На баланс Облздравотдела из ОблОНО перешли два детских изолятора – Бобровский кожный и Новохопёрский венерологический, что впоследствии должно было улучшить их общее состояние и повысить качество работы. К весне 1936 г. удалось осуществить систематический врачебный осмотр всех воспитанников, в ходе которого 322 человека подлежали изоляции и были выведены в лечебные

---

⁴²⁸ ГАВО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 26. Л. 23.

⁴²⁹ Там же. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 15. Л. 71–71 об.

⁴³⁰ Там же. Д. 24. Л. 60.

учреждения. Самыми распространёнными среди детей оказались грибковые заболевания, а также туберкулёз и бронхит. В меньшей степени – гонорея и костный туберкулёз⁴³¹. В целях своевременной изоляции заразных детей во всех детдомах в 1935–1936 гг. выделялись специальные изоляторы, а к каждому детдому прикреплялся медицинский персонал. К весне 1936 г. Облздравотдел осуществил полную паспортизацию сети детдомов, заведя паспорта как на воспитанников, так и на сами детдома в целях более детального изучения всех положительных и отрицательных сторон их работы, жизни и быта⁴³². В дальнейшем предполагалось приступить к анализу собранных материалов и на его основании провести лечение больных и развёртывание летних оздоровительных мероприятий. Однако расчистить авгиевы конюшни за столь короткий срок оказалось невозможно, поэтому в документах конца 1930-х гг. всё ещё встречается масса жалоб на антисанитарное состояние детских учреждений. «Большинство детдомов не имеют прикреплённых врачей, обслуживаются средним медперсоналом (фельдшеры, медсёстры), квалификация которых не обеспечивают обслуживание детдомов. <...> Медико-санитарное обслуживание детей организовано крайне плохо»⁴³³, – вынуждены были констатировать областные власти в начале 1938 г.

К концу 1930-х гг., с началом масштабных репрессий, толерантность речи в официальных документах сошла на нет. Лопнувшее терпение от не прекращавшихся безобразий вылилось на страницы бумаг. Всё чаще звучали резкие высказывания, не оставлявшие шансов для двусмысленного толкования. Так, в январе 1938 г. Воронежский обком ВЛКСМ, высказываясь о состоянии детских домов, пришёл к выводу, что «враги народа, орудовавшие в ОблОНО и Областной детской комиссии умышленно срывали выполнение решений партии и правительства об улучшении положения в детских домах», насаждая «в детские дома области классово-чуждых и

---

⁴³¹ Там же. Д. 53. Л. 6.

⁴³² ГАВО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 53. Л. 7.

⁴³³ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 19.

враждебных людей, которыми своими действиями разваливали работу и вызывали озлобление у воспитанников». Также комсомольцы считали, что «отпускаемые государством огромные средства на содержание детских домов расходуются бесхозяйственно», из-за чего многие из них «вовремя не отремонтированы, не обеспечены топливом, дети ходят в рваной одежде и обуви, живут в антисанитарных условиях»⁴³⁴.

Основанием для подобных выводов стали результаты организованной в 1937 г. отделом пионеров обкома ВЛКСМ масштабной проверки детдомов. В её ходе было выявлено, что «несмотря на увеличившееся ассигнование на содержание ребёнка в детском доме, доходящее до 2,5 тысяч рублей в год, что позволяет вполне нормально проводить воспитательную работу и материально обеспечить каждого воспитанника, отдельные детские дома переживают большую нужду»⁴³⁵. В качестве примера приводился «совершенно не отапливаемый» до середины декабря 1937 г. Стадницкий детдом, в то время как предназначенное для него топливо оставалось не вывезенным со станции. Неудивительно, что «дети в комнатах, спальнях и столовой бывают одетыми. Спать ложатся в пальто и шапках». Вместо вывоза топлива заведующий Чиркин зачем-то распорядился «рубить деревья из фруктового сада».

Добринский детский дом из-за отсутствия топлива также отапливался нерегулярно, «спальни холодные, полы грязные, на очень многих койках не имеется подушек, простынь и даже одеял, большая часть детей спит кучками на полу у радиаторов парового отопления. Там же, где спят, ходят и в уборную <...> Воспитанники целые сутки находятся в одежде и обуви». Главная причина столь отвратительных условий – «абсолютное отсутствие заботы о детях и о хозяйстве детского дома»⁴³⁶.

«Ряд детских домов, – отмечали проверяющие, – не имеют в достаточном количестве белья, верхней одежды, простынь, обуви, варежек и

---

⁴³⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 44.

⁴³⁵ Там же. Л. 47.

⁴³⁶ Там же. Л. 55.

даже головных уборов (Добринка, Россошь, Бутурлиновка)». Воспитанники постоянно сталкивались с дефицитом одежды и обуви. Например, в Россоши 53 человека из 81 «совсем не имеют зимнего пальто, 30 человек не имеют ботинок и на каждого воспитанника приходится 1,5 смены белья. В таком состоянии находится большинство детских домов»⁴³⁷.

Обращал не себя внимание неряшливый вид детей: «ободранное пальто, худая и без шнурков обувь, рваные чулки, нет пуговиц». Крайне редко устраивается баня (один раз в 10–15 дней), из-за чего среди детей появилась чесотка (Усмань, Добринка, Павловск, Бутурлиновка). В Добринке у детей не было даже «отдельных полотенец, мыла, зубных щёток».

Ветхость помещений и царившая в них антисанитария, к сожалению, были присущи большинству воронежских детских домов. Для 1937 г. эти проблемы по-прежнему актуальны: «Несвоевременно произведён зимний ремонт помещений, отсутствуют тёплые уборные, умывальники, вешалки. Во многих детских домах в помещениях, где живут дети, полная антисанитария. В Стадницком детдоме двум девочкам во время сна крысы покусали носы. Из-за отсутствия условий старшие девочки моют головы и стирают бельё в спальнях. В Россошанском детдоме дети 12–14 лет спят на койках дошкольного возраста, причём постель на всех койках негодная. Это препятствует нормальному росту детей». В Бутурлиновке некоторые дети спали по двое на одной кровати.

Не хватало детским домам в достаточном объёме предметов мебели (столов, стульев), а также посуды, из-за чего «дети обедают стоя, пьют чай из тарелок».

Из-за отсутствия санитарного контроля за детскими домами фиксировалось много случаев заболеваний чесоткой, дизентерией, экземой. Дети нерегулярно умывались, не стригли ногти, пили не кипячёную воду. В Новохопёрске, например, во время купания детей в бане все 120 человек, среди которых имелись больные чесоткой, вытирались двумя-тремя

---

⁴³⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 61.

простынями (!) В Россоши болевшие ранее сифилисом дети не проходили в течение всего 1938 г. врачебный контроль, из-за чего у одного из таких воспитанников «вновь открылся процесс». В ряде детских домов области «постельное, нижнее и верхнее бельё не закреплено за воспитанниками и детям не привиты навыки личной гигиены»⁴³⁸.

Такому положению в детдомах, по мнению проверяющих, «в значительной мере способствовало неаккуратное финансирование детучреждений со стороны ОблОНО, а также отсутствие контроля за их хозяйственной деятельностью, в результате чего в большинстве детдомов наблюдается «полнейшая бесхозяйственность»⁴³⁹. В дальнейшем финансирование детдомов со стороны ОблОНО оставалось «совершенно неудовлетворительным»: в 1938 г. «недодано 0,5 млн рублей»⁴⁴⁰. Приводило это подчас к совсем неприглядным картинам. Когда в начале марта 1938 г. ОблОНО не перевело средств на содержание воспитанников Стадницкого детдома, заместитель заведующего по политической части был вынужден ходить по селу Нижней Ведуге и собирать деньги для приобретения 150 кг хлеба, пока дети сидели без него⁴⁴¹.

Антисанитария проникала в том числе в помещения, связанные с организацией питания детей. Так, в Добринском детдоме столовая не отапливалась, была грязной, «на столах изодрана вся клеёнка <...> Дети пьют чай из тех же тарелок, из которых едят кулеш, причём тарелки после кулеша не моются. 1 января [1938 г.] во время обеда из супа было вытащено до 20 штук тараканов. Увидев это, дети бросили обедать»⁴⁴².

Как следует из проведённого исследования, материальная база большинства детских учреждений Воронежской губернии / области на

---

⁴³⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 61.

⁴³⁹ Там же. Л. 48.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 62.

⁴⁴¹ Дети ГУЛАГА. С. 294.

⁴⁴² ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 54–55.

протяжении 1920–1930-х гг. была слабой. Это было вызвано целым комплексом факторов как объективного, так и субъективного характера.

Ахиллесовой пятой всех детских учреждений стало их хроническое недофинансирование. Даже в относительно благополучные годы ситуация не претерпевала серьёзных изменений. Но уже не столько из-за дефицита денег, сколько вследствие нецелевого использования средств на местном уровне. Выделяемые государством деньги для детских учреждений зачастую до них не доходили, поскольку региональные власти направляли эти средства на хозяйственные нужды, к детям отношения никакого не имеющего. Также имели место воровство, растраты, хищения на разных уровнях. В этом были замечены как персонал детских домов, так и чиновники отдела образования наряду с партийными работниками. Вместе с тем, следует сказать и об объективных трудностях, когда государство, поставив задачи, не подкрепляло их материально, что имело место, например, после принятия постановления 31 мая 1935 г., по которому все достигшие 14-летнего возраста подростки подлежали выводу из детдомов в обязательном порядке. По утверждённым Наркомпросом нормам их следовало обеспечить обмундированием и бельём, однако необходимые на это средства не выделялись или это делалось с большим опозданием, что приводило к подрыву материальной базы детдомов, поскольку обеспечивать выводимых предстояло за счёт остававшихся в детдоме воспитанников либо подростков приходилось выводить в самостоятельную жизнь без необходимого «багажа».

В первой половине 1920-х гг. материальная база воронежских детдомов находилась в плачевном, зачастую катастрофическом состоянии. В это время наблюдался тотальный дефицит всего необходимого. Несмотря на предпринимаемые меры, изменить положение к лучшему не удавалось. С середины 1920-х гг. стало наблюдаться постепенное улучшение, вызванное осуществлением губернской Деткомиссией коммерческой деятельности в период НЭПа. Однако в 1930-е гг. общая ситуация по-прежнему оставалась тяжёлой. Отсутствие в должном объёме финансирования парализовало

деятельность детских учреждений по укреплению их материальной базы. Существование на грани выживания вкупе со смешанным контингентом (по возрасту, состоянию здоровья, уровню морали) и применявшимся в отношении к детдомовцам насилию приводило к многочисленным побегам и, как следствие, рецидиву беспризорности, которую Н. А. Семашко называл «тёмным пятном на фоне детского воспитания». Очевидно, что это никоим образом не способствовало её искоренению в нашем регионе.

Существовавшая в 1920–1930-е гг. в Воронежском регионе сеть детских учреждений не удовлетворяла всей имеющейся потребности в размещении детей. Также обращает на себя внимание неоднородная, весьма пёстрая картина повседневной жизни воронежских детских учреждений, менявшаяся от дома к дому. Во многом это зависело от пресловутого человеческого фактора: профессионализма работников, их честности, порядочности, энергии, но самое главное – уважения и заботы к детям. Там, где это было поставлено на должном уровне, положение детдомов было хорошее, там, где отсутствовало – наблюдался полный развал, вследствие которого воспитанники испытывали сильную нужду. «Детдома ещё требуют и внимания, и помощи»⁴⁴³, – говорилось в отчётной документации 1936 г.

3.2. Кадровый состав детских домов: трудности подбора

В любом коллективе ключевую роль играют люди, составляющие его костяк. Воронежские детские учреждения не были исключением. Их кадровый состав состоял из руководящего, воспитательно-педагогического и технического персонала (прачки, сторожа, кухарки, уборщицы, истопники, дворники и пр.). Комплектованием педагогических кадров для детских домов занимался губернский (позднее – областной) отдел народного образования и входивший в его состав сектор детских домов.

---

⁴⁴³ ГАВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 67а. Л. 4.

Подбору кадров для детских учреждений придавалось первостепенное значение, однако с самого начала в этом вопросе возникли трудности. Катастрофическая ситуация начала 1920-х гг. привела к большой утечке кадров из данной сферы. Педагогам и воспитателям нерегулярно выплачивали заработную плату, часто они не имели нормального жилья, были уставшими и озлобленными. Это обрекало их на нищенство и полуголодное существование. Учитывая тяжёлый труд с неблагополучными детьми и высокую нагрузку, большинство из них покидали детдома в поисках лучшей материальной доли.

Анализируя данные за 1920-е гг., мы видим неуклонную динамику на сокращение педагогического состава в детских учреждениях. Как следует из таблицы 1, общее количество педагогов к 1927 г. по сравнению с 1921–1922 гг. сократилось в 4,5 раза. Эти данные коррелируются с сокращением как в целом сети детучреждений в губернии, так и размещавшихся в их стенах детей. Также обращает на себя внимание тот факт, что нагрузка педагога, выражающаяся в количестве приходящихся на него воспитанников, не претерпела за эти годы сколько-нибудь серьёзных изменений и даже имела склонность к некоторому её снижению.

Таблица 1. Количество воспитанников и педагогов в детских домах
Воронежской губернии

Годы	Число детдомов	Количество детей	Сокращение в % к предыдущему периоду	Количество педагогов	Детей на 1 педагога
1921–1922	465	26 111	–	2026	12,88
1922–1923	216	11 627	56	851	13,66
1923–1924	131	7728	34	661	11,69
1924–1925	104	7271	5	614	11,84
1926–	68	4993	32	446	11,19

1927					
<i>Источник: ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1886. Л. 27.</i>					

Однако в конце 1920-х гг. нагрузка воспитателя была существенно выше представленной в таблице. В частности, на каждого из 32 воспитателей в 15 детских учреждениях Острогожского округа ЦЧО, приходилось в среднем по 18–19 воспитанников. Ставка воспитателя, также как вожатых и учителей I ступени, составляла 55 руб., учителей II ступени – 77,5 руб., заведующих детдомами – 56 руб.⁴⁴⁴ Зарплату по повышенным ставкам получали сотрудники и заведующие детских колоний для трудных детей. Например, весь персонал Писаревской трудколониі получал по 77,5 руб., персональная ставка заведующего равнялась 115 руб.⁴⁴⁵

Педагогический персонал острогожских детучреждений в 1929 г. состоял из 70 человек, включая 15 заведующих, 32 воспитателя, 8 учителей I ступени, 6 учителей II ступени, а также вожатых и инструкторов по труду. Преимущественно это были женщины (45 чел.). В подавляющем большинстве педагогический состав был представлен беспартийными людьми – только 9 человек состояли в комсомоле и 8 являлись членами и кандидатами ВКП (б). По социальному происхождению они происходили в основном из служащих (28) и крестьян (25); существенно реже из рабочих (5) и прочих категорий населения (12).

По словам заведующего ОкрОНО Наседкина, «состав административно-хозяйственного и педагогического персонала полностью удовлетворительным назвать нельзя, хотя многие из них имеют стаж работы в детдомах или были на курсах, или на конференциях. <...> Можно сказать, что на 50 % от общего количества педперсонал не обладает достаточными административными и организационными» способностями, «работоспособностью, умением построить коллективную работу и дать

⁴⁴⁴ ГАВО. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 196. Л. 14.

⁴⁴⁵ Там же.

воспитанникам должно общественно-политическое воспитание»⁴⁴⁶. Педагогическая работа воспитателей «в большинстве не носит характера длительной, педагогически правильно поставленной работы по изучению детей и их перевоспитанию»⁴⁴⁷, – с горечью сетовал чиновник окружного отдела образования.

Во многом именно характером воспитательной работы, особенностями взаимоотношений с детьми определялся микроклимат детского учреждения. Несмотря на однотипность организации и устройства внутреннего быта детдомов, он у каждого был свой. Зачастую от микроклимата зависело отношение воспитанников к учреждению. «Постепенно я становился волчонком, готовым в любую минуту огрызнуться, защититься, напасть самому. Процесс этот долгий, но неуклонный, – вспоминал один из детдомовцев. – Коллектив? Дружба, товарищество, братство, о которых твердят у нас на каждом перекрёстке? Не знаю, не заметил. Мы были больше похожи на стайки волчат, сбившиеся на время для какого-нибудь дела, большей частью дурного. <...> Уровень жизни в детском доме для всех одинаковый, если не считать мелких поблажек, которые перепадают от воспитателей или обслуги на кухне. Но дети-то от рождения разные, аппарат генов у каждого особенный и именно он тянет одного делать одно, а другого – другое. А возможности такой нет совершенно. Ты должен делать всё, как все, ты должен быть, как все»⁴⁴⁸.

Замечено, что в детских учреждениях работали две категории сотрудников: энтузиасты своего дела и случайные люди, ряды которых пополнял в том числе уголовный элемент. Люди, которым просто надо было где-то работать, как-то обеспечивать себя и свои семьи, составляли подавляющую часть персонала детских домов того времени. Кто-то делал это добросовестно, другие просто «тянули лямку» от безысходности⁴⁴⁹.

---

⁴⁴⁶ Там же. Л. 14 об.

⁴⁴⁷ ГАВО. Ф. Р–831. Оп. 1. Д. 196. Л. 14 об.

⁴⁴⁸ Николаев М. И. Детдом // Дети ГУЛАГа. С. 218–219.

⁴⁴⁹ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 227.

Оборотной стороной высокой текучки кадров стало засорение детдомов случайными людьми, которые не умели, да и не хотели работать с детьми.

Имели место антипедагогические методы воспитания: побои детей со стороны воспитателей. Вообще, жестокое обращение с детьми в детдомах было неотъемлемой частью повседневной жизни и выражалось не только в применении к ребёнку физической силы, но и оказании на него психологического давления. Таким образом, воспитание прежде всего основывалось на насилии, а уж потом на каком-либо педагогическом воздействии⁴⁵⁰. Царившая в 1927 г. в Павловском детгородке палочная дисциплина привлекла внимание региональных журналистов. «Воспитательная работа с детьми, побывавшими до поступления в детдом в объятиях улицы и заразившихся всеми её прелестями, представляет нелёгкое дело», – справедливо замечали они. – Однако при всех трудностях воспитательной работы с этими детьми наша педагогика никогда не рекомендует проводить воспитание палкой. У павловских же “мудрецов” палка в воспитании играла доминирующую роль. Установлено, что битьё детей практикуется повседневно. Излюбленными формами были битьё линейкой, дёрганье за волосы, раздевание до гола зимой»⁴⁵¹. Очевидно, что подобные методы приводили к побегам воспитанников, предпочитавшим «лучше остаться беспризорным на улице». Воспитательный персонал «почти ничего не делал в части организации разумного отдыха и развлечений для детей. В результате неиспользованная детская резвость шла по линии шалостей, хулиганских выходок и прочее»⁴⁵².

Другим сомнительным с точки зрения педагогики приёмом воспитания, характерным больше для казарменных порядков, нежели для детского учреждения, стали наряды. Они применялись как мера наказания за

---

⁴⁵⁰ Бендина О. «Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить!» Дискурсы жестокого обращения с детьми в 1920–1930-е гг. (на материалах Саратовской губернии) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 394.

⁴⁵¹ ГАОПИ ВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 24. Л. 47.

⁴⁵² Там же.

различные провинности. Широкое распространение получили в Россоши, где по приказу директора детдома завели соответствующую книгу. В ней записывались совершённые детьми проступки и мера наказания. Так, 25 сентября 1938 г. за плохое поведение в тихий час воспитаннику Илютко дан наряд «три дня мыть уборную». 27 сентября ему же и ещё одному воспитаннику Иванову запретили на 15 дней покидать пределы детдома за «самовольное хождение на речку и знакомство с городскими девочками»⁴⁵³.

Другие наряды включали работу во дворе, дежурство на кухне и т. д.

В конце 1930-х гг. по причине высокой текучести кадров воспитательная работа в большинстве детских домов области была поставлена крайне слабо. В частности, в Новохопёрске в течение лета и осени 1938 г. дети оказались предоставлены сами себе, из-за чего отдельные воспитанники стали заниматься «воровством с базара и продажей своего обмундирования»⁴⁵⁴. Как следствие, очень скоро в детском доме не досчитались 28 зимних пальто и других вещей. В качестве меры пресечения подобных действий директор в базарные дни ставил у ворот детдома дежурных, препятствовавших свободному выходу из него детей.

Встречавшиеся в большом количестве правонарушения стали привычным явлением и в основном оставались без последствий. Наиболее распространёнными видами наказаний за них были отнюдь не уголовное преследование, а выговоры и взыскания по партийной линии. Но учитывая весьма низкий процент среди воспитательного состава коммунистов и комсомольцев, это не могло быть действенным рычагом в борьбе с халатностью и должностными преступлениями в системе детских учреждений закрытого типа⁴⁵⁵. Другие рычаги воздействия, даже по отношению к откровенным ворам и растратчикам не применялись – обычно это объяснялось острым дефицитом кадров. Снятие с должности, как правило, ничем не грозило, и они с лёгкостью находили себе работу в другом

---

⁴⁵³ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 59.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 50.

⁴⁵⁵ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 229–230.

детском учреждении. Более того, в 1930-е гг. учителей не хватало даже в обычных средних школах крупных городов, включая Москву и Ленинград⁴⁵⁶. В детских учреждениях кадровый голод ощущался ещё сильнее.

Среди воспитателей нередко встречались желающие жить за счёт детдома. Подобные типовые персонажи были хорошо известны как в 1920-е, так в 1930-е гг. Например, в 1938 г. в острогожской Писаревке местная воспитательница Аграфена Жданова подала жалобу на руководство детдома в невыдаче ей продуктов питания. Жданова работала в детдоме ночной воспитательницей и несла дежурство с 9 вечера до 7 утра. Несмотря на то, что правилами внутреннего распорядка отдых и сон в это время не предусмотрены, заведующий, тем не менее, предоставил ей такое право. При этом, однако, ни место для отдыха, ни койку не отвёл.

Обслуживающему персоналу выдавали продукты питания из кладовой детдома в счёт будущей зарплаты. Получив её, сотрудникам следовало расплатиться. Жданова этого не сделала, и из-за возникшей задолженности продукты ей выдавать перестали. Возможно, причина крылась в том, что Жданова перерабатывала, однако не получала за проведённые на работе лишние часы соответствующей выплаты, и решила, тем самым, «уравнять» задолженность детдома к ней со своей задолженностью к детдому. Жданова, по отзыву её коллег, «не пользуется авторитетом, неряшлива <...> Ночью не дежурит, а спит». Может быть поэтому воспитанники, неоднократно убегая, выбирали для этого именно ночное время суток. У Ждановой «есть настроения – жить за счёт детдома, чтобы ей выдавали бесплатное питание и мануфактуру»⁴⁵⁷. Подавая жалобу, она обозвала заведующего детдома жандармом, а коллектив, по своему составу преимущественно комсомольский, – липовыми ленинцами.

В ОблДТК, сотрудник которой для разбора жалобы выезжал на место, рекомендовали заведующему всё же заплатить Ждановой за переработку, а не

---

⁴⁵⁶ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 235.

⁴⁵⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 169.

заниматься бюрократизмом и ждать решения суда, а также создать условия для отдыха во время ночного дежурства. Не преминув, однако, намекнуть на возможность избавления от неудобного кадра: «Держать специального воспитателя для ночного дежурства нецелесообразно, лучше за эту ставку держать двух ночных нянь»⁴⁵⁸.

Воспитательный персонал детских домов Воронежской области в середине 1930-х гг. состоял из 240 человек. Более половины из них (161) являлись беспартийными, в рядах ВЛКСМ состояли 72 человека и 7 были членами ВКП (б). По социальному происхождению преобладали выходцы из крестьян (96), другие относились к рабочим (67) и служащим (77). Высшее образование имелось только у 8 человек, у остальных оно было средним или незаконченным средним, либо низшим. В 1935 г. ОблОНО планировало заменить 49 воспитателей, «на место которых направляются студенты, окончившие в текущем году пед[агогические] техникумы»⁴⁵⁹. Также для повышения квалификации педагогического персонала детдомов в октябре и ноябре организовывались две сессии курсов, рассчитанные на 80 человек, а пять пионерработников были отправлены на центральные курсы в Одессу.

К концу следующего, 1936 г., общее количество детских домов в области сократилось до 46. Они были рассчитаны на 4401 место, однако фактический контингент детей был меньше и составлял 3882 человека⁴⁶⁰. Вместе с тем незначительно увеличился штатный состав воспитателей: с 240 в 1935 г. до 260 в 1936 г. У каждого пятого из них (56 человек или 21,5 % от общего числа) отсутствовал опыт педагогической работы. Только 41 воспитатель (15,7 %) имел специальное образование, окончив педагогический институт или педагогический техникум. Условное большинство (71 человек или 27,3 %) обладали средним образованием. У

---

⁴⁵⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 170.

⁴⁵⁹ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 24. Л. Л. 13-13 об.

⁴⁶⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1532. Л. 3.

других оно было либо незаконченным средним (47 человек или 18,1 %), либо низшим в объёме начальной школы (45 человек или 17,3 %) ⁴⁶¹.

В декабре 1936 г. председатель ОблДТК М. Тюрин в докладной записке для обкома ВКП (б), анализируя состояние детских домов в регионе, сетовал на отсутствие во многих из них квалифицированных кадров, из-за чего «резко ухудшилось положение в воспитательной части: отсутствует организация внешкольной работы, помощь воспитанникам в подготовке уроков» ⁴⁶². Лучшая часть педагогов-воспитателей покинула детдома, главным образом, вследствие низкой заработной платы (105–125 руб. в месяц). По этой причине в детских учреждениях не доставало 53 воспитателя.

В 1938 г. воспитательный персонал 24 детдомов состоял из 169 человек вместо положенных по штату 182. Данные по ним не полные. Здесь преобладали беспартийные и комсомольцы-члены ВЛКСМ. У большинства из них было среднее либо незаконченное среднее образование. Мнение о воспитательном персонале у воронежских чиновников сложилось в целом плохое, поскольку по своему составу он «не обеспечивал работу в детских домах в своём большинстве и подлинное коммунистическое воспитание детей», в свете чего «намечается пересмотр всех работников» ⁴⁶³.

Большое значение имел подбор кадров для занятия руководящих должностей заведующих детскими домами. От их личностных и профессиональных качеств напрямую зависело функционирование детского дома, царивший в его стенах микроклимат, организация основных аспектов быта воспитанников, их обучение и воспитание. Заведующие были людьми очень разными. Работа в детском доме имела специфический характер, под силу далеко не каждому человеку. Вследствие этого наблюдалась регулярная текучка кадров, из-за чего кадровый вопрос сохранял свою остроту на протяжении всего изучаемого периода. «Кадры достаточно ещё не

---

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1532. Л. 2.

⁴⁶³ Там же. Д. 2447. Л. 23–24.

укомплектованы»⁴⁶⁴, – читаем в докладе о работе областной ДТК по итогам 1935 г. Как показал опыт функционирования детдомов, хорошие кадры были в большом дефиците, представляя собой «штучный экземпляр».

В 1931 г. отсутствие заведующего в Козловском приёмнике привело к трагедии: убийству воспитанника. Должность руководителя долгое время оставалась вакантной после того, как предыдущая заведующая Сидорова сбежала, растратив более 600 руб. государственных денег. Розыск её милицией к успеху не приводил. «На совершенно неопытного работника возложены большие обязанности, с которыми ему без руководства было не справиться. <...> Работа велась не в плановом порядке, ребята были предоставлены сами себе»,⁴⁶⁵ – говорилось в докладе инспектора ОблОНО о состоянии детского учреждения. Исполнявший обязанности заведующего Чекунов утверждал, что «он ещё работник с малым стажем и не считает себя особенно опытным на этой работе». С первого дня своей деятельности в приёмнике «ему пришлось вести двойную работу, неся дежурства как воспитатель и выполнять обязанности заведующего». Он просил снять с него обязанности заведующего, т. к. совмещать обязанности ему не по силам⁴⁶⁶. В отношении кандидата на должность заведующего Бакунина, отправленного на курсы, Чекунов высказывался скептически: считал его малограмотным и не отвечающим требованиям даже воспитателя, не то, что заведующего.

О творившихся в детдомах ЦЧО безобразиях и трудностях подбора кадрового состава было хорошо известно в Москве. Ещё в апреле 1931 г. в приказе наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова говорилось о необходимости «в течение двух декад... произвести пересмотр всех работников детдомов ЦЧО, непригодных немедленно снять с работы, на их место командировать вместе с Облпросом лучших просвещенцев с

---

⁴⁶⁴ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 67-а. Л. 4.

⁴⁶⁵ ГАВО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 26. Л. 22.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 23.

сохранением тех окладов содержания, которые они получали в момент их переброски в детдома»⁴⁶⁷.

Инспектор Козловского горсовета, признавая ненормальность сложившейся ситуации, со своей стороны сетовал на то, что «в отношении подыскания заведующего... не было дня, чтобы не затрагивался этот вопрос. Пересмотрен весь состав педагогический и рабочий, и всё-таки совершенно неизвестно, будет заведующий подыскан или нет. Имеющиеся подходящие кандидатуры наотрез отказываются»⁴⁶⁸.

Большинство из заведующих оставляли после себя недобрую память. К примеру, в 1929 г. отмечались факты грубого и некорректного отношения заведующей и некоторых воспитателей Коротоякского детдома им. Луначарского к воспитанникам и техническому персоналу. В частности, муж заведующей Носиковой «ругал похабными словами прислугу»⁴⁶⁹. В детдоме отсутствовала всякая хозяйственно-административная распорядительность, из-за чего детям приходилось самим рубить дрова, топить печи, чистить свои помещения.

В сентябре 1934 г. инспектировавшая Бутурлиновский детдом инспектор ОблДТК Тихонова пришла к заключению, что заведующая Ведовенко «бесхозяйственная, беззаботная, не проявляет твёрдости в намеченной цели» и до тех пор, пока она не будет заменена, «дело не улучшится и детдом не выйдет из того тяжёлого положения, в котором он сейчас находится»⁴⁷⁰.

Несмотря на высказанные во время первой проверки замечания, положение детдома спустя несколько месяцев нисколько не улучшилось. «Внутреннее состояние антисанитарное, полы моются безобразно грязно, по углам сор и грязь, дети грязные, бельё на них рваное. Умываются дети без мыла, зубного порошка и щёток. Умывальник не промывается несколько

---

⁴⁶⁷ Там же. Л. 7.

⁴⁶⁸ ГАВО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 26. Л. 22 об.

⁴⁶⁹ Там же. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 75. Л. 7.

⁴⁷⁰ Там же. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.

суток, в нём плавает застоявшаяся с тиной вода. В изоляторе сплошная грязь. Постельное бельё грязное, наволочки в гнойных пятнах. Чесоточная мазь стоит в миске, не накрытая, перемешанная с пылью и мухами. Посуда кухонная отвратительно грязная. Детям дают нечищеную, грязную рыбу. Белый хлеб не пропечён. Дети не пили чая уже две недели». И в дополнение ко всему воспитательная работа «слаба, дети предоставлены сами себе»⁴⁷¹.

«Туда нужен заведующий детским домом твёрдый, решительный, хозяйственник и организатор детей, а этих качеств, – резюмировала инспектор, – у Ведовенко не имеется»⁴⁷². В скором времени Бутурлиновский детский дом получил нового заведующего. Замена руководящего состава летом – осенью 1935 г. произошла также в пяти других детских домах региона, ещё в пяти заведующих предстояло заменить. Их предстояло подыскать на местах, в других случаях работников выделяли по линии ЦК ВКП (б).

Частая сменяемость заведующих с целью подбора оптимальной кандидатуры стала устойчивой тенденцией в изучаемый период. Так, в 1934 г. «в порядке пересмотра кадров заменено по детдомам 11 заведующих и намечено к замене 5 человек»⁴⁷³, – сообщалось в информационном докладе ОблДТК. Вместе с тем отмечалось, что на работу в детские дома были командированы 36 человек, из которых 26 являлись членами ВЛКСМ, 10 – членами и кандидатами в ВКП (б). Кроме того, направление в детдома от ОблОНО получили 24 человека, окончившие педтехникумы, и 1 человек, окончивший педвуз⁴⁷⁴.

По данным воронежского ОблОНО, на 1 сентября 1935 г. в регионе было 53 заведующих детскими домами, из которых 17 являлись членами ВКП (б), 7 – ВЛКСМ, 29 числились беспартийными. По социальному происхождению они относились к крестьянам (24), рабочим (16) и служащим

---

⁴⁷¹ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Там же. Д. 2. Л. 75.

⁴⁷⁴ Там же.

(13). Среди них 5 человек имели высшее образование, столько же – незаконченное высшее, 28 – среднее, 7 – незаконченное среднее и 8 – низшее. Что касается одного из главных критериев – опыта работы на должности заведующего, – 28 человек имели стаж более трёх лет, 13 – от года до трёх, 12 – менее года⁴⁷⁵. Таким образом, исходя из этих данных, мы можем составить коллективный портрет заведующего детского дома Воронежской области в середине 1930-х гг. Как правило, это беспартийный человек со средним образованием, выходец из крестьян и с опытом работы свыше трёх лет.

В августе 1935 г. «в целях глубокого изучения состава детдомов и принятия практических мер» облисполком провёл обследование каждого из них с заслушиванием докладов заведующих. Одновременно проходило и изучение самого состава заведующих, по результатам которого приняли решение «заменить 6 заведующих и 13 проверить на работе»⁴⁷⁶.

Отрадно, что среди руководителей и воспитателей детдомов встречались настоящие профессионалы своего дела и энтузиасты, равнодушие которых согревало сердца многих благодарных воспитанников при воспоминании о них. Одним из таких был 42-летний Я. К. Дерунец, заведующий детским домом в с. Красносвободское недалеко от Тамбова⁴⁷⁷. Сын белорусских беженцев-крестьян из Гродненской губернии, вместе с семьёй он в годы Первой мировой войны оказался в Черноземье, где поначалу работал учителем, а с 1921 г. – в системе детских домов. Бывшая воспитанница Красносвободского детдома Зинаида Иванова написала в 1936 г. адресованное своим педагогам трогательное письмо: «<...> Вы наверное думаете, что я о Вас забыла? Нет, память о Вас и вообще о жизни в детском доме у меня замрёт навсегда. Я сейчас часто вспоминаю, как во многом помогал мне детский дом, а Яков Клементьевич [Дерунец] и тётя Тося, если

---

⁴⁷⁵ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

⁴⁷⁶ Там же. Д. 15. Л. 72 об.

⁴⁷⁷ Из-за особенностей административно-территориального деления РСФСР Тамбовская область как самостоятельная единица появилась только в 1937 г. После упразднения Тамбовской губернии в 1928 г. её территория была включена в состав Центрально-Чернозёмной области, а с 1934 г. – Воронежской области.

бы не они, то жизнь моя была бы до настоящего времени и теперь не такая, а во много раз хуже. Вы мне тогда заменили родителей. <...> Я просто не знаю, как только Вас благодарить и чем отблагодарить, об этом я прошу Ваш совет, я могу сделать для Вас всё что только возможно. <...> Я конечно очень скучаю, мне очень хочется всех увидеть и поговорить, а пока до свидания, не обижайтесь, что плохо написала, я очень волновалась, поэтому так и вышло»⁴⁷⁸.

В 1936 г. «за долголетнюю и полезную деятельность по воспитанию государственных детей» Я. К. Дерунец был премирован грамотой ВЦИК и награждён месячной путёвкой в санаторий на берегу Чёрного моря в Одессе. В год пятидесятилетия ДТК ещё 5 заведующих различными детдомами Воронежской области были награждены путёвками в санатории, дома отдыха Сочи, Днепропетровска и других местностей (преимущественно Украинской ССР)⁴⁷⁹.

Вопросом поощрения персонала детдомов облисполком озаботился в апреле 1932 г., постановив на заседании секретариата «изжить обезличку и бесхозяйственность среди работников детдомов. <...> Для премирования работников за образцовую постановку работы в детдомах выделить специальный фонд»⁴⁸⁰, правда, не уточнив его размеры.

В 1934 г. президиум ВЦИК, озабоченный тяжёлым положением детдомов в ЦЧО, не только поручил президиуму Облисполкома пересмотреть в кратчайшие сроки состав руководителей всех детских домов, но и предложил Деткомиссии ВЦИК выделить для области специальный фонд премирования лучших детских домов и их работников⁴⁸¹. На премирование

---

⁴⁷⁸ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 59. Л. 9. Незадолго до начала Великой Отечественной войны, по злому стечению обстоятельств Я. К. Дерунец оказался на родине в Белорусской ССР. Брестская область, где он проживал, вскоре оказалась оккупирована. В 1944 г. он погиб при отступлении немецко-фашистскими войск. Его дочь, Тамара Дерунец, в годы войны была разведчицей и погибла в 1942 г. от рук венгерских карателей в Курской области.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 102.

⁴⁸⁰ Там же. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 24. Л. 49.

⁴⁸¹ Там же. Д. 78. Л. 52.

выдвигалась, в частности, заведующая Калачеевским дошкольным детдомом А. М. Шевцова, усилиями которой подведомственное ей детское учреждение стало образцовым во всей Центрально-Чернозёмной области. Хотя ещё до января 1934 г. детдом находился «в очень плохом состоянии – грязь, большая перегрузка, воровство предназначенных для детей продуктов, плохое обмундирование, отсутствие коек, большая смертность ребят»⁴⁸². В течение всего пяти месяцев А. М. Шевцова, благодаря «своей энергии, настойчивой большевистской заботе о государственных детях, сумела привлечь к детдому внимание всех общественных организаций, где имеются хорошие шефы и прикреплен лучший в районе врач»⁴⁸³. Дети стали питаться четыре раза в день, получая, например, обед из трёх блюд; в достаточном количестве было белья, постельных принадлежностей, обмундирования, спальных коек. Хорошо обрабатывался земельный участок площадью 8,5 га. Заведующая смогла подобрать себе хороших работников – как по части технического персонала, так и воспитателей, благодаря чему работа в детдоме была поставлена хорошо, а режим дня полностью выполнялся.

Особую сложность представляла работа в детских учреждениях для трудновоспитуемых, контингент в которых отличался особым характером. Подобрать персонал для работы с ними на регулярной основе было нелёгкой задачей. В силу специфики воспитанников упор делался на приобретение ими трудовых навыков. Общеобразовательную подготовку они получали в школах, размещённых на территории колонии. Заведующий такого учреждения должен был обладать в числе прочего хорошими организационными навыками, быть крепким хозяйственником. К примеру, первый заведующий и организатор трудовой сельскохозяйственной колонии для несовершеннолетних правонарушителей в Новохопёрском уезде Степан Дровников жаловался летом 1926 г. в ГубОНО, что штат колонии слаб и работа идёт туго. На что получил резонный ответ: «... но ведь мы колонию

---

⁴⁸² ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

⁴⁸³ Там же.

строим всего три месяца, подбор штата – одна из основных наших задач. Если бы можно было найти или выписать патентованных [так в тексте. – *Авт.*] людей, конечно, был бы другой разговор. А раз этого нельзя, то надо из имеющихся людей выковырять работников – и это ваша задача как заведующего колонией»⁴⁸⁴. Видимо, Дровникову такой ответ не понравился, возникло недопонимание и уже скоро его сняли с должности, признав «непригодным и неработоспособным», а также обвинив в постоянном невыполнении директив и указаний ГубОНО.

Отметим, что С. Н. Дровников, будучи агрономом по образованию, сам просил предоставить ему должность заведующего, уверяя, что не только «с работой и организацией сельскохозяйственной колонии он хорошо знаком», поскольку в 1921–1923 гг. работал в качестве лектора и организатора при трудовой колонии в Сызранском уезде Самарской губернии, а в 1923–1926 гг. заведовал трудовой колонией им. К. Маркса в Россошанском уезде Воронежской губернии, но и знает «детскую психологию при трудовых колониях»⁴⁸⁵.

В дальнейшем колонию возглавил выдвинутый местными общественными организациями Евсей Боев, но вскоре и он «не оправдал своего назначения, с порученной работой не справился» и был снят с занимаемой должности»⁴⁸⁶. Поиск оптимальной кандидатуры заведующего продолжался и с марта 1927 г. эту должность занял Александр Государев, закончивший Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена и командированный Наркоматом просвещения для работы в нашей губернии.

В Воронежской губернии, а затем области, было несколько учреждений для трудновоспитуемых детей. К их числу относились Писаревская исправительная детская трудовая колония, принимавшая социально-запущенных беспризорных с улицы в возрасте 7–13 лет. В 1929 г. констатировалось, что педагогический и административный персонал

---

⁴⁸⁴ ГАВО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 2074. Л. 169.

⁴⁸⁵ Там же. Д. 1873. Л. 7.

⁴⁸⁶ Там же. Д. 2074. Л. 48.

колонии не соответствует своему назначению и «потому педагогическая работа в колонии имеет ряд недостатков»⁴⁸⁷. В результате обследования и ревизии был снят почти весь административно-хозяйственный и педагогический штат колонии и заменён новым⁴⁸⁸. К слову, за два года – с 1928 по 1930 гг. – в колонии сменилось четыре заведующих.

Резкая критика звучала из уст сотрудников НКВД: «Кадров у нас нет. Во всей системе детучреждений у нас имеются лишь всякие отбросы, и этим отбросам по существу зачастую предлагается дело, которое может быть сделано только при энтузиазме, знании и силе, – говорилось на проходившем весной 1930 г. III Всероссийском съезде по охране детства. – Мы имеем формальное рвачество. <...> На детей тратятся значительные средства, а средства эти зачастую съедаются педагогами»⁴⁸⁹.

Ситуация в Писаревской колонии изменилась к лучшему с приходом в 1930 г. нового заведующего Поддубного. К 1934 г. им была укреплена материальная база, создано крепкое подсобное хозяйство, что значительно облегчило работу с трудными детьми. На территории колонии располагался земельный участок площадью 52 га, 30 из которых находились под распашкой, а 22 использовались под луга. Урожайность ежегодно превышала средние нормы по области. В 1933 г. собственными силами детколонию построила электростанцию и мельницу с просорушкой. Занимались колонисты и животноводством, имея в своём распоряжении 5 лошадей, 20 голов крупного рогатого скота, 25 овец, 2 свиноматки⁴⁹⁰. Думается, что в условиях голода 1932–1933 гг., поразившего многие регионы страны и забравшего миллионы жизней, усилия заведующего по созданию подсобного хозяйства позволили колонии относительно безбедно пережить это трудное время. Не испытывали дети нужду в одежде и обуви, будучи ею «вполне хорошо» обеспечены. Отмечалась успешная учёба воспитанников. В ОблДТК

---

⁴⁸⁷ Там же. Ф. Р–831. Оп. 1. Д. 75. Л. 20.

⁴⁸⁸ ГАВО. Ф. Р–831. Оп. 1. Д. 196. Л. 13.

⁴⁸⁹ Дети Гулага. С. 97.

⁴⁹⁰ ГАВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

справедливо отмечали, что «своими успехами детколония обязана энергии, хозяйственным способностям и любви к делу со стороны заведующего т. Поддубного, беспартийного, крестьянина по происхождению»⁴⁹¹. С уходом впоследствии этого человека колония потеряла ценного кадра и весьма скоро стала вновь привлекать внимание негативной информацией о себе.

Трудные подростки находились также в Добринском доме с особым режимом. Его работники в 1937 г. «видели в воспитанниках только трудновоспитуемых и никакой серьёзной воспитательной работы с ними не вели, дети были предоставлены сами себе: занимались хулиганством, картёжной игрой, пьянством и т. п.»⁴⁹² В этой связи неудивительно, что Добринский детдом им. Горького регулярно сотрясали беспорядки. Устроенному воспитанниками бунту 1936 г. персонал детучреждения и районные организации почему-то «не придали серьёзного значения и не извлекли для себя урока». Как следствие, 28 декабря 1937 г. случился новый бунт. Воспитанники «побили окна, разбросали постель, сорвали со стен портреты вождей, взломали замок с дверей кладовой с обмундированием и растащили его, выгнали воспитателей из детдома, пытались сжечь дом»⁴⁹³.

Причиной для бунта послужило, как отмечали проверяющие инстанции, «абсолютное отсутствие политико-воспитательной работы с детьми», когда они с утра до ночи предоставлены самим себе. Внутренний распорядок отсутствует: «Режим дня не выполняется и по существу не введён, а поэтому воспитанники ложатся спать, когда хотят, встают также. Столовая с завтраками и обедами систематически опаздывает», из-за чего дети изо дня в день по несколько часов не посещают школу, их успеваемостью и посещаемостью никто не интересуется, «часть детей совершенно не учится». По признанию учителей, будет успехом, если к концу учебного года в следующие классы перейдут хотя бы по пять человек. Вообще, образовательный процесс в школе был поставлен крайне плохо.

---

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 45.

⁴⁹³ Там же. Л. 52.

Вследствие её неукомплектованности преподавательским составом, приступить к началу занятий удалось только с 20 сентября. Подготовка уроков на дому «совершенно не организована», кружки не работают, настольных игр нет и поэтому воспитанники детского дома увлекаются картёжной игрой, курением, пьянкой и т. п. Библиотека не работает, газеты дети не читают, потому что до них они не доходят. Поступающая в детдом литература, как правило, остаётся в канцелярии.

Сложившиеся среди воспитанников взаимоотношения характеризовались антагонизмом, который был вызван неправильным распределением обмундирования и постельных принадлежностей. Старшие мальчики по причине своего хулиганского поведения наделялись худшим обмундированием. Озлобленные, они стали избивать младших и красть у них одежду. Работники детдома не нашли ничего лучшего, как закрывать младших детей на замок, держа их взаперти целый день.

Воспитатели среди воспитанников авторитетом «совершенно не пользуются, дети их обзывают нецензурными словами», присваивают клички, например, «воспитателя Локманова зовут “Москвичом”, Попова – “кумалиса”, фельдшера Плюхина – “смазчик”»⁴⁹⁴. Со стороны всех воспитателей и сотрудников детдома к ребятам «питается недоверие, они называют детей ворами, хулиганами и бандитами. Считают их трудновоспитуемыми, с которыми нельзя вообще поставить нормально воспитательную работу».

В ходе проверки было установлено, что состав работников Добринского детдома оказался «засорён классово чуждыми и разложившимися людьми». К ним, в частности, относился механик Прозуменский, бывший крупный кулак, владелец механической мельницы; главный бухгалтер Богуславский – кулак, «беспросыпно пьёт на глазах у детей»; завхоз Акиншин – пьяница, «вредительски попортил до 100 центнеров помидор и поморозил картофель. До этого он неоднократно снимался с хозяйственной работы, имеет несколько заведённых прокуратурой судебных дел». Воспитателем работает Заковский –

---

⁴⁹⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 53.

«судим, имел двухгодичное заключение, на работу прислан райОНО»; завшколой Крутских «прислан также из райОНО, исключён из комсомола г. Усмани за пособничество врагам в разложении студентов техникума». Он же на октябрьские торжества «в пьяном виде ворвался в клуб детского дома и стал избивать воспитанников. В ответ на эту выходку директор, воспитанники вступили в драку». Старший конюх Голанцев – «пьяница, в день бунта в детском доме у себя на квартире напоил детей пьяными и раздал им лошадей».

Пионерская организация развалена, пионервожатый Бабушкин не может организовать детей, а райком ВЛКСМ и воспитатели не оказывают ему никакой помощи. В детдоме имелась мастерская, на оборудование которой ОблДТК дополнительно к бюджетным ассигнованиям было выделено 30 тысяч руб., однако она до сих пор не работает.

После того, как в октябре 1937 г. бывшего директора Гичкина избрали вторым секретарём райкома партии и детучреждение осталось без заведующего, райком проявил абсолютное безразличие и «ничего не предпринял для очищения детдома от негодных людей и для подбора человека заведующим детдомом»⁴⁹⁵. Более того, районные организации за всё время ни разу «не ставили вопрос о положении в детдоме, несмотря на то, что почти ежедневно и райком ВКП (б), и райком ВЛКСМ, и райОНО получали сигналы и жалобы от самих детей о всех этих безобразиях», которые там творились.

Как следствие, бунт оказался единственно возможной формой протеста и отчаянной попыткой привлечь внимание к сложившейся ненормальной ситуации в детдоме и хотя бы отчасти её изменить.

Удивительно, но и после устроенного бунта ни одна из районных организаций «ничего не предприняла для выправления положения в детдоме», ограничившись лишь арестом двух воспитанников. Бывший директор Гичкин, узнав о случившемся, приехал и «начал ругаться

---

⁴⁹⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 54.

нецензурными словами по адресу воспитанников, а воспитатель Попов» в его присутствии «с охотничьим ружьём гонялся за детьми и стрелял вверх»⁴⁹⁶. Реакция местных властей после всего случившегося была вялой: райисполком «не сделал надлежащих выводов, ограничившись посылкой туда нового директора и выделением топлива».

Следует отметить, что именно на детские учреждения для трудновоспитуемых приходился наибольший процент побегов. В 1934 г. начальник УНКВД по Воронежской области С. С. Дукельский отмечал, что бегут дети, главным образом, из детприёмников и учреждений для трудновоспитуемых, «детдома обычного типа побегов почти не дают. Исключение составляют случаи, когда в них попадают трудновоспитуемые дети»⁴⁹⁷. В феврале 1936 г. в приёмники-распределители НКВД поступило 63 бежавших ребёнка, а в марте – уже 81. «В своём большинстве, – сетовал майор госбезопасности Андреев, – дети объясняют причины побегов антисанитарным состоянием детдомов, грубым обращением, плохим питанием»⁴⁹⁸. Проверкой состояния отдельных детских учреждений это целиком подтвердилось. Бежавшие целыми группами из Писаревской и Добринской трудовых колоний дети «категорически» отказывались возвращаться обратно и требовали направления в другие детские дома⁴⁹⁹.

Страшный своими масштабными репрессиями 1937 г. затронул в том числе персонал детских домов, среди руководящего и воспитательного персонала которых сотрудниками НКВД был «выявлен антисоветский и классово чуждый элемент»⁵⁰⁰. В их число попали три воспитательницы из Борисоглебского детдома, мужа которых оказались осуждены за контрреволюционную деятельность, а некоторые имели проживающих за границей родственников. У заведующей Богучарским детдомом мужа

---

⁴⁹⁶ Там же. Л. 56.

⁴⁹⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 430. Л. 23.

⁴⁹⁸ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 78. Л. 29.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 262.

расстреляли за контрреволюционную деятельность, а сама она восхваляла врага народа Троцкого. В Павловском детдоме к «чуждому элементу» были отнесены три воспитательницы и бухгалтер, родители которых подверглись раскулачиванию и высылке. «Всего выявлено только по 26 домам 30 человек, из коих завдетдомами 3 человека, воспитательниц 16 человек и прочего обслуживающего персонала 11 человек. Этот контингент через райкомы ВКП (б) с работы снят и заменён проверенными работниками»,⁵⁰¹ – говорилось в сводке НКВД в сентябре 1937 г. в адрес уполномоченного комиссии партийного контроля.

В 1937 г. отделом пионеров обкома ВЛКСМ была проведена масштабная проверка состояния детских домов и руководства ими со стороны ОблОНО. Её материалы отложились в одном из фондов местного архивохранилища. Проверяющие были уверены, что находившиеся в руководстве детских домов «сомнительные и классово чуждые люди» вели детские учреждения к развалу. Так, заведующий Бутурлиновским детдомом Каганович, ранее исключённый из партии в Ленинграде за антипартийные действия, «допустил заражение детей чесоткой. Дети не обеспечены бельём, одеждой, нет простынь и в то же время в кладовой детского дома лежит большое количество неиспользованной мануфактуры и обуви»⁵⁰². В том же детдоме летом 1937 г. выстроенное для выезда детей в лагерь помещение обрушилось ещё до приезда детей, что спасло их от неминуемой гибели. Или заведующая Усманским детским домом попадьё Владимирова, работая ранее в Новохопёрском детдоме, развалила его. Несмотря на поставленный районными организациями вопрос о снятии её с должности, сектор детских домов ОблОНО отозвал Владимирову из Новохопёрска и направил в Усманский детдом, в котором она «допустила поголовное заражение детей чесоткой», а также «разжигала склоки среди сотрудников». Решением

---

⁵⁰¹ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 262. Комиссия партийного контроля следила за выполнением постановления партии

⁵⁰² Там же. Л. 49.

специальной комиссии она была снята, тем не менее, сектор детдомов ОблОНО снова восстановил её на этой же должности в том же детдоме!

Другой вопиющий случай покровительства «враждебных» по отношению к детям действий имел место в Лебедяни, где заведующая детдомом Шумарович 1 мая 1937 г. под предлогом пропажи часов на целый день лишила детей пищи, а на следующий день по её поручению голодным детям приготовили солёную рыбу. Об этом в ОблОНО были хорошо извещены, тем не менее, Шумарович проработала в Лебедяни ещё несколько месяцев, пока по настоянию обкома союза дошкольных учреждений не была снята с должности. После этого ОблОНО направил её заведовать Моршанским детдомом.

Таким образом, в лице заведующей сектором детдомов ОблОНО Алфёровой широкое распространение получила практика «переброски снятых, как негодных, работников из одного детдома в другой»⁵⁰³. Чем она была обусловлена: дефицитом кадров, безразличием или какими-то иными соображениями, – остаётся лишь догадываться.

«ОблОНО несерьёзно и безответственно подходит к подбору заведующих детских домов, посылает непроверенных людей»⁵⁰⁴, – звучала в декабре 1936 г. критика из ОблДТК. В качестве примера приводилась ситуация с Новохопёрским детдомом, в котором заведующий проработал всего один месяц, успев при этом обокрасть кладовую и уехать, а также Павловским детдомом, где заведующего сняли за развал и растрату. «ОблОНО не реагирует на многочисленные сигналы о плохом положении ряда детдомов»⁵⁰⁵, вследствие чего случаются побег, избиения воспитанников и прочее. К тому же, располагая скромным штатом (всего четыре человека), сектор детдомов «не может обеспечить работу», не в состоянии руководить деятельностью детдомов «ни в хозяйственном

---

⁵⁰³ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 50.

⁵⁰⁴ Там же. Д. 1532. Л. 3.

⁵⁰⁵ Там же.

отношении, ни в деле методического руководства»⁵⁰⁶. Сектор детдомов «оторвался от руководства детскими домами и занимает странную позицию в вопросе борьбы со всеми безобразиями, творящимися в детских домах и в отношении к чуждым людям, находящимся у руководства детдомов и по сей день»⁵⁰⁷.

Возможно, это объяснялось непростой ситуацией в курировавшем детские учреждения отделе народного образования, кадры которого были явно не на высоте. Так, осуществлённое в декабре 1936 г. обследование работы Воронежского ОблОНО выявило профессиональную непригодность большинства инспекторов народного образования: «Из личного ознакомления и длительного собеседования с ними о методах их работы, а также по культурному уровню их, можно с полным основанием сделать вывод о неспособности их выполнять функции инспекторов ОблОНО»⁵⁰⁸, – резюмировал заместитель председателя Деткомиссии Аранович.

Во второй половине 1930-х гг. отчётливо прослеживается тенденция на объяснение причин неудовлетворительного состояния детдомов области кознями врагов народа. «Враги народа, пробравшиеся в органы народного образования, пользуясь беспечностью наших людей, приложили свою преступную руку и к детским домам», которые «засорялись случайным, непроверенным и враждебным элементом. В результате вместо укрепления детских домов имели место факты развала их, вместо правильного использования государственных средств – растраты»⁵⁰⁹, – резонно замечали во властных коридорах. Отныне важнейшей задачей всех работников детских домов объявлялась «ликвидация последствий вредительской деятельности врагов народа», а также «разоблачение и разгром притаившихся ещё недобитых врагов».

---

⁵⁰⁶ Там же. Л. 4.

⁵⁰⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 57.

⁵⁰⁸ Смирнова Т. М. Дети страны Советов. С. 236–237.

⁵⁰⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 223.

Встречались заведующие, в силу разных причин не находившие общего языка с педагогическим составом, что сильно осложняло их взаимоотношения. Так случилось в Новохопёрском детдоме, заведующий которого Ковалевский, чрезвычайно болезненно воспринимавший критику в свой адрес, «дважды на собраниях устраивал истерику, рвал на себе рубашку, бил стёкла, посуду»⁵¹⁰.

Чистка персонала детдомов конца 1930-х гг. и естественная смена поколений привели к значительному омоложению кадрового состава. К примеру, в 1938 г. отмечалось, что состав работников Писаревского детдома Острогожского района по стажу работы практически полностью «молодой, но все хотят работать»⁵¹¹. Исключение составлял лишь заместитель по воспитательной части Воронин, работающий плохо и заявивший на комсомольском собрании, что «он опустил руки и не хочет работать», в связи с чем «просит РК ВЛКСМ освободить его от работы»⁵¹². Заведующий детским домом Пономарёв работает в учреждении два года, «работать хочет, но вследствие его неопытности в детдоме имеются отдельные недочёты. О заведующем хорошо отзываются, грубости с его стороны не наблюдается»⁵¹³.

Согласно сведениям, актуальным на август 1937 г., у 8 (почти каждого третьего) из 25 заведующих детскими домами возраст не превышал 30 лет и составлял 25–27 лет. Как видно, молодым кадрам не боялись доверять такую ответственную работу. Но всё же основной костяк руководителей приходился на представителей среднего возраста: у 10 человек он не превышал 39 лет и у 7 – 49 лет⁵¹⁴.

---

⁵¹⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 50–51.

⁵¹¹ Там же. Л. 169.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Там же. Л. 97–98.

Активное обновление руководящих кадров в детских домах пришлось на 1930-е гг., особенно вторую половину десятилетия. Так, в 1935 г. новых заведующих получили 5 детских учреждений, в 1936 г. – 3, в 1937 г. – 10⁵¹⁵.

К сентябрю 1937 г. на территории Воронежской области находилось 53 детских дома с контингентом 4589 человек. Тогда же по решению ЦИК СССР регион был административно-территориально разделён на две области: Воронежскую и Тамбовскую. В ходе последовавшего изменения границ в Воронежской области, включавшей 84 района, осталось 24 детских дома, рассчитанных на 2099 воспитанников: 12 школьных (на 1279 человек), 11 дошкольных (на 700 человек) и один с особым режимом в Добринке (на 120 человек)⁵¹⁶. Фактически к началу 1938 г. детей было на два человека больше положенного: 2101. В дополнение ОблОНО организовало два новых дома в Землянском и Верхнехавском районах на 50 детей каждый. Однако существовавшая сеть детдомов по-прежнему «не удовлетворяет всей имеющейся потребности в размещении детей»⁵¹⁷, – информировали обком ВКП (б) в феврале 1938 г. Как и раньше, отмечались ветхость помещений и неподготовленность к зимнему сезону.

В 1938 г. «по своей подготовке кадры в детских домах чрезвычайно слабы»⁵¹⁸, к тому же, не до конца укомплектованы: не хватало одного заведующего и 13 воспитателей. К сожалению, выборка по кадрам 1938 г. носит избирательный характер и не включает такие важные характеристики, как социальное происхождение и стаж работы. При её составлении учитывались лишь те критерии, которые больше всего интересовали чиновников того времени: партийная принадлежность и уровень образования. Среди 23 заведующих преобладали члены ВКП (б) – их насчитывалось 11, были также члены ВЛКСМ (7) и беспартийные (5). Высшего образования ни у кого из них не было. Лишь два человека могли похвастаться незаконченным

---

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 13.

⁵¹⁷ Там же.

⁵¹⁸ Там же. Л. 23.

высшим, в арсенале остальных было среднее (6), незаконченное среднее (11) и низшее (4). Таким образом, в результате обновления кадров заведующих значительный их процент был представлен членами партии либо комсомола, к минимуму удалось свести состав беспартийных. Что же касается уровня образования, то здесь переломить ситуацию коренным образом не удалось – костяк составляли имеющие среднее либо незаконченное среднее образование.

По-прежнему, имела место засорённость кадров. Так, в Богучаре заведующая Шаранцева была посажена органами НКВД, в Павловске Ноздрину за связь с врагами народа исключили из партии. Следует отметить, что заведующий детдомом-партиец – вовсе не панацея. К примеру, в течение десяти лет Добринским детдомом с особым режимом руководил один директор. Местным райкомом на эту должность был предложен член партии Гичкин. Однако он не смог справиться с возложенными на него обязанностями и вследствие преступной халатности развалил всю работу в подведомственном ему учреждении. В частности, не вёлся учёт посещаемости и успеваемости в школе, из-за отсутствия дров, овощей, обмундирования детский дом оказался не готов к зимнему сезону. Крайне плохо была поставлена воспитательная работа, в которой применялся карцер и избиение детей, что привело к большому хулиганству среди воспитанников: битьё стёкол, картёжная игра, пьянка, курение – стали привычными явлениями. Райкомом партии Гичкин был отозван на работу в областной Осоавиахим. О своём уходе заведующий детдомом даже не счёл нужным своевременно сообщить в ОблОНО⁵¹⁹.

Более того, дети из Добринки устроили бунт, о факте которого Гичкин умолчал перед райкомом партии, вероятно, опасаясь могущих возникнуть неприятностей. А ведь Добринский детдом располагал крупным подсобным хозяйством, включавшим 300 гектаров посевной площади, 40 лошадей, трактор и грузовую машину. И при наличии больших материальных ресурсов

---

⁵¹⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 15.

учреждение оказалось не обеспеченным! Приходится лишь удивляться, как подобным персонажам удавалось избегать ответственности.

Побеги детдомовцев словно лакмусовая бумага со всей наглядностью отражали катастрофическую ситуацию, сложившуюся с детскими учреждениями области. Отмечалось, что «вследствие неудовлетворительной постановки воспитательной работы в детских домах за 1938 г. возросло хулиганство среди детей. По области имеется 81 побег из детских домов, из них 10 человек до сих пор не найдены»⁵²⁰. Имели место также кражи и воровство у населения, вследствие чего «привод воспитанников детских домов в отделения милиции в последнее время увеличился».

По архивным документам отчётливо видно, что ключевую роль в повседневной жизни детских учреждений играл человеческий фактор, во многом определявший положение их воспитанников. Не прекращавшиеся побеги детей и даже случаи бунта в целом следует рассматривать как форму протеста против сложившегося в детских домах уклада жизни и методов воспитания. События 1936–1937 гг. в Добринке, к большому сожалению, показали, что власти не были заинтересованы в детальном разборе ситуации, установлении и наказании ответственных лиц, не извлекали соответствующих уроков, видя лишь случаи проявления хулиганства со стороны трудновоспитуемых детей. Так, конечно, было проще и удобнее.

В массе своей руководящие кадры детдомов по уровню подготовки и образования были достаточно слабыми. Многие из них не справились с возложенной на них задачей, развалив всю организационную и воспитательную работу, пользовались ресурсами детдомов в личных целях и т. д. За это их снимали с должности, делали выговоры по партийной линии, привлекали к ответственности. Как говорилось в отчётах второй половины 1930-х гг., «имела место засорённость кадров в детдомах»⁵²¹.

---

⁵²⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 62.

⁵²¹ Там же. Л. 23.

В детских учреждениях Воронежского региона наблюдалась высокая текучка кадров из-за слабой материальной базы, низкой зарплаты, высокой нагрузки, в конце концов, из-за банальной опасности за свою жизнь от повидавших виды трудных подростков. Испытывая на этом участке работы кадровый голод, отделу народного образования зачастую приходилось посылать в детские учреждения непроверенных людей, как правило, мало подходящих для этого. Многие кадровые решения вызвали вопросы, зачастую недоумения. Помимо присущего большинству сотрудников непрофессионализма, вызванного отсутствием должной квалификации, спутниками воспитательного процесса стали грубое обращение с детьми, физическое на них воздействие, а также отсутствие действенной помощи в постановке и методическом сопровождении воспитательной работы со стороны райисполкомов, горсоветов, комсомола, отделов образования.

Проводимую в разные годы Губ- и ОблОНО кадровую политику в отношении персонала детских учреждений нельзя признать успешной. Вместе с тем чиновники образования в условиях острой нехватки руководящих и педагогических кадров продолжали искать пути выхода из ситуации, осуществляя их постоянную ротацию, замену, желая найти оптимальную кандидатуру, проводили курсы повышения квалификации. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин изменить ситуацию в корне не удалось. К концу 1930-х гг. положение с кадрами в воронежских детских учреждениях по-прежнему носило неблагоприятный характер.

Происходившие в стране изменения находили своё отражение в деятельности региональных детских учреждений. Во второй половине 1930-х гг. стала очевидной «засорённость» кадров детдомов Воронежской области классово чуждыми элементами. К концу 1930-х гг., с проведением в стране масштабных репрессий, началась охота не ведьм, когда ответственность за развал работы детских учреждений возлагалась на врагов народа, якобы осуществлявших подрывную деятельность. К их числу относились педагоги-воспитатели, заведующие. Вследствие проведённой чистки произошло

обновление руководящего и воспитательно-педагогического состава. Привлечение новых людей должно было способствовать улучшению положения детдомов, однако из-за отсутствия соответствующего опыта у молодых кадров в их деятельности встречались недочёты. Но главным было желание работать, поэтому среди чиновников ОблОНО сложилась практика терпимого отношения к имевшимся изъянам в деятельности.

Отмечая в 1938 г. третью годовщину принятия постановления партии и правительства о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, воронежские власти гордо заявляли: «Состояние детских домов улучшено. Тысячи бывших беспризорных детей, получив воспитание в детских домах, стали активными и сознательными участниками социалистического строительства»⁵²². Вместе с тем с сожалением отмечалось, что основные положения этого постановления «не везде и не всеми работниками детских домов энергично и успешно приводятся в жизнь. <...> В распоряжении детских домов имеется всё нужное для того, чтобы детские дома – один из участков культурного фронта – стали по-настоящему образцовыми. Необходима только организация работы, мобилизация внимания и участия всех работников детских домов на ликвидацию недостатков».

Осознавая провалы в кадровой политике, в ОблДТК призывали заведующих «окружить вниманием каждого работника детского дома, который сумеет быстро стать в ряды передовиков» и обеспечить ему «возможность организовать вокруг себя других работников на выполнение постановления партии и правительства от 31 мая 1935 г.»⁵²³

3.3. Социализация воспитанников детских учреждений: намеченные цели и достигнутые результаты

---

⁵²² ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 211.

⁵²³ Там же. Л. 212.

К началу 1930-х гг. в проводимой властями политике по отношению к государственным детям меняются ориентиры: покончив на бумаге с уличной беспризорностью, отныне ставка делается на социализацию уже находившихся в детских учреждениях воспитанников. В апреле 1932 г. секретариат Облисполкома констатировал, что «в основном в ЦЧО ликвидирована детская уличная беспризорность», признавая, однако, при этом, что «имеющиеся остатки детской беспризорности есть результаты, главным образом, побегов из детских домов, положение которых тяжёлое»⁵²⁴. Тем не менее принципиально изменить ситуацию за несколько лет не удалось, и в канун XVII съезда ВКП (б), проведение которого была намечено на январь 1934 г., перед Деткомиссиями страны ставится практическая задача «повсеместного очищения к 17 партийному съезду улиц, вокзалов и других мест полностью от беспризорных детей»⁵²⁵. Как бы ни хотелось желаемое выдать за действительное, реальная картина была совсем иной: «Во многих пунктах области в настоящее время имеется много беспризорных детей»⁵²⁶, – сообщал Облисполком в марте 1934 г.

Несмотря на сохранявшую свою актуальность беспризорность, государство всё же твёрдо следовало выбранному курсу на социализацию детдомовцев, включавшую профессиональное обучение в подсобных хозяйствах и производственных мастерских, учебную и внешкольную работу, а также культурно-массовую деятельность.

Важной составляющей в деятельности любого детского учреждения было привитие ребёнку трудовых навыков. В 1927 г., принимая трёхлетний план борьбы с беспризорностью, по-прежнему продолжавшей носить в Воронежской губернии «острый характер», воронежские власти предлагали уделить «исключительное внимание» практическим мероприятиям по её предотвращению. Среди них значилось в числе прочих «улучшение дела обеспечения выпускников из детдомов необходимыми трудовыми навыками

---

⁵²⁴ ГАВО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 24. Л. 49.

⁵²⁵ ГАВО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 78. Л. 63.

⁵²⁶ Там же. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

и устройством их на соответствующие отрасли работ»⁵²⁷. Таким образом, профессиональное образование играло ключевую роль в последующей социализации воспитанников детских учреждений.

Первый опыт создания сельскохозяйственных колоний относится к началу 1920-х гг. Так, летом 1923 г. постановлением президиума Губисполкома в с. Анна Бобровского уезда организовывался детский городок им. Ленина на 100 человек. Идея возникла ещё в апреле 1923 г., когда во время доклада заведующего ГубОНО Г. Чуича президиуму Губисполкома выяснилось, что «в г. Воронеже около 2000 человек детей в детских домах лишены возможности получить надлежащее трудовое воспитание в тех условиях, в каких они в настоящее время живут и воспитываются. Подростки, выходящие из городских детдомов, с сравнительно низким общеобразовательным уровнем, оказываются при выпуске совершенно неподготовленными к трудовой самостоятельной жизни, вследствие чего невольно вкрадывается опасение... о их незавидной участи»⁵²⁸.

В данных обстоятельствах местные власти посчитали «вполне целесообразным организацию детского городка с сельскохозяйственным уклоном..., для каковой цели было передано большое имение б[ывшего] кн[язя] Барятинского, с необходимыми земельными и лесными угодьями, постройками, садом, нужным инвентарём»⁵²⁹.

На нужды городка из ЦИКа выделили 200 пар сандалий, 2 тыс. аршин мануфактуры и 200 тыс. руб. На призыв помочь ГубОНО в устройстве городка откликнулись также многие хозяйственные, советские и общественные организации. Ни много ни мало расходы на ремонт и оборудование городка сметой были определены в 4 млн руб. Самыми крупными пожертвованиями стали отпущенные Губкомпоследголом 10 тыс. пудов ржи и безвозвратная ссуда Губсовнархоза в размере 1 тыс. вёдер спирта

---

⁵²⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 598. Л. 2 об.

⁵²⁸ *Гладыш С. Д.* Дети большой беды. М., 2004. С. 18–19. Данный документ был рассекречен 1.06.2000 г.

⁵²⁹ Там же. С. 19.

с правом широкой реализации непосредственно со склада воронежского Госспирта. До 5 июня 1923 г. удалось реализовать 160 ½ вёдер. Более того, Губсовнархозу планировали передать 10 тыс. пудов ржи взамен на ещё одну тысячу вёдер спирта.

Однако в начале июня в Воронеж приехали ревизоры из Госспирта, которые признали незаконность наряда на передачу спирта, аннулировали его и запретили дальнейшую реализацию оставшихся 839 ½ вёдер. Никакие разъяснения и доводы о целях осуществляемых действий на ревизоров не подействовали. «Таким образом, важнейший и крупнейший источник средств на организацию детского городка... и постановки подлинно трудового воспитания и образования детей нескольких детских домов г. Воронежа закрыт»⁵³⁰, – с горечью констатировал губуполномоченный ДТК ВЦИК Д. Я. Кандыбин. Не оставляя надежды на создание городка, Д. Я. Кандыбин обратился в Москву за содействием Деткомиссии, вместе с тем предупреждая, что если детский городок не удастся создать, то «несколько сот детей из детских домов будут по-прежнему влачить своё праздное существование в условиях городской обстановки Воронежа, пополняя по выходе из детских домов кадры малолетних преступников и преступниц»⁵³¹. По всей вероятности, заручиться поддержкой в столичных коридорах не удалось, поэтому совсем скоро от идеи создать здесь «показательное учреждение с сельскохозяйственным уклоном» местные власти отказались, объяснив это отсутствием средств⁵³².

Несмотря на неудачный опыт создания Аннинского детгородка, тем не менее, в 1920-е гг. известно о сельскохозяйственных детских трудовых колониях в Чертовицах, Россоши, Новохопёрском уезде (позднее – районе), Колыбелке Лискинского района, Солотях Валуйского района. В них направляли подростков, «по своему возрасту и развитию не могущих

---

⁵³⁰ *Гладыш С. Д.* Дети большой беды. С. 20.

⁵³¹ Там же.

⁵³² ГА РФ. Ф. Р–5207. Оп. 1. Д. 191. Л. 10.

проходить нормальную школу»⁵³³. Подобные колонии предназначались для трудновоспитуемых детей и подростков, имевших, как правило, за плечами солидный стаж беспризорности и совершивших неоднократные правонарушения. Размещение подобного контингента в детдомах обычного типа деморализовало обстановку в них, в свете чего правильным оказалось создание специализированных детских учреждений трудового характера.

Учитывая природно-климатические особенности средней полосы Русской равнины, а также издавна присущий Воронежской губернии аграрный характер, регион как нельзя лучше подходил для обучения сельскохозяйственному делу. В некоторых учреждениях к нему подходили весьма серьёзно. К примеру, в 1929 г. школа Пятницкого детгородка в Острогожском округе имела годовой производственный план. В его задачи входило «ведение правильного севооборота и организация плодового питомника», для чего при школе располагался земельный участок (две десятины) и плодовый сад (три десятины)⁵³⁴.

В осенне-зимний период воспитанники детских учреждений, высвобождаясь от сельскохозяйственных работ, могли заниматься в производственных мастерских, будучи, тем самым, всегда заняты делом и получая универсальные трудовые навыки. Так, по данным на 1929 г., при Солотнянской колонии имелась оборудованная корзиночная мастерская с оплачиваемым мастером при ней.

Интересен опыт учреждения в 1926 г. трудовой сельскохозяйственной колонии для несовершеннолетних правонарушителей на хуторе Калиново в Новохопёрском уезде. Она была рассчитана на 150 воспитанников в возрасте от 12 до 16 лет. Изначально комплектовать колонию планировали на условиях добровольного прихода детей, для чего предполагалось вести пропаганду и агитацию за жизнь в колонии в местах пребывания беспризорных правонарушителей. Целью колонии объявлялось «перевоспитание на

---

⁵³³ ГАВО. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 196. Л. 11 об.

⁵³⁴ ГАВО. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 75. Л. 6.

трудовых и коллективистских началах той категории беспризорных, которые в одних случаях, в результате длительного пребывания на улице, в других – в силу индивидуальных особенностей, приобрели ряд антисоциальных навыков, почему не могут быть помещены в детские учреждения обычного типа»⁵³⁵.

Предполагалось, что наличие земельного участка площадью 200 десятин позволит «обеспечить» такие виды сельского хозяйства, как полеводство, огородничество, луговоеводство, садоводство и животноводство. Набирать воспитанников в колонию планировали постепенно. Первоначальный набор был небольшим – всего 50 человек, которые трудились по 6 часов в день. При организации труда главное внимание, с точки зрения организаторов колонии, должно быть «сосредоточено не на самообслуживании, а на производительном труде с допущением коллективной заинтересованности воспитанников в его результатах»⁵³⁶.

Несмотря на аграрный уклон, на территории колонии предполагалось возведение зданий, предназначенных для размещения в них мастерских: пошивочной, сапожной и столярной. Они были необходимы подросткам для самообеспечения, поскольку в них могли производить нужные им предметы интерьера, одежду, обувь. К тому же наличие собственного производства позволяло проводить трудовые занятия круглогодично, вне зависимости от времени года. Мастерские были «пущены в ход» с 1 октября 1926 г., когда основная часть сельскохозяйственных работ осталась позади⁵³⁷.

Касаемо объёма образовательной работы, он устанавливался индивидуально, «в зависимости от особенностей воспитанников». Как минимум, преследовалась задача ликвидации общей и политической неграмотности, как максимум – дополнительное образование за курс школы первой ступени (для воспитанников в возрасте 10–14 лет) и подготовка с

---

⁵³⁵ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1873. Л. 10–11.

⁵³⁶ ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1873. Л. 12.

⁵³⁷ Там же. Д. 2074. Л. 5, 10.

целью обеспечения возможности продолжить образование в профтехнических учебных заведениях (14 и старше)⁵³⁸.

В апреле 1932 г. Облисполком обязал ОблДТК «всемерно помочь организовать при каждом детдоме подсобное хозяйство, выделив на это дело из доходов ДТК 45 тыс. руб.»⁵³⁹ Однако претворить благое начинание в жизнь не удалось. В скором времени «чрезвычайно тяжёлое положение» значительной части детдомов ЦЧО было вскрыто в ходе их проверки правительственной комиссией. Её результаты привлекли внимание ВЦИК, президиум которого в мае 1934 г. постановил «в течение текущей посевной кампании обеспечить каждый детский дом земельным участком с семенами, в первую очередь таких огородных культур, как картофель, огурцы, лук, свёкла, капуста»⁵⁴⁰. Отдельно оговаривалась ситуация с городскими детдомами. Там, где не было возможности выделить земельный участок для каждого дома предлагалось «отвести объединённый участок для ряда детских домов на тех же основаниях, как и для сельских детских домов»⁵⁴¹. Учитывая, что в апреле с мест поступали тревожные сведения о «крайне неудовлетворительной подготовке детдомов к весеннему севу», ВЦИК предложил председателю Облисполкома Рябинину «установить личную ответственность председателей райкомов, горсоветов и сельсоветов за развитие и укрепление подсобных хозяйств детских домов (выделение и отвод земли, снабжение семенами, тягловой силой, сельскохозяйственным инвентарём и т. д.)»⁵⁴²

Выборочная проверка детдомов, осуществлённая в первых числах августа 1934 г., показала расширение их подсобной базы по сравнению с предыдущим, 1933 г. В частности, по земельным участкам – с 1255,6 до 1706,14 га, рабочего скота – со 131 до 155 голов, рогатого скота – с 176 до 365 голов, свиней – со 162 до 313 голов, овец – с 357 до 520 голов. Помимо цифр

---

⁵³⁸ Там же. Д. 1873. Л. 12–13.

⁵³⁹ Там же. Ф. Р–1417. Оп. 1. Д. 24. Л. 49.

⁵⁴⁰ ГАВО. Ф. Р–1417. Оп. 1. Д. 78. Л. 52.

⁵⁴¹ Там же.

⁵⁴² Там же. Л. 52, 77.

статистики, отмечалось, что по ряду детдомов «хозяйства поставлены вполне удовлетворительно» (Инжавино, Пичаево, Добринка, Острогожск)⁵⁴³. К числу недостатков было отнесено отсутствие в большинстве районов помощи со стороны МТС в обработке земельных участков⁵⁴⁴.

Основные огородные культуры (картофель, капуста, свёкла) в большинстве детдомов были успешно освоены. Состояние посевов, как показала проверка, «вполне удовлетворительное»⁵⁴⁵. Развёртывание подсобной сельскохозяйственной базы при детдомах требовало значительных финансовых вливаний. Поскольку собственными средствами воронежские власти справиться с этой задачей не могли, им пришлось запросить дотацию соцстраха на предстоящий 1935 г. в размере 190 тыс. руб. На эти деньги предполагалось купить 40 коров (цена одной составляла 1500 руб.), 50 лошадей (2000 руб.), 100 овец (100 руб.), 40 свиноматок (500 руб.)⁵⁴⁶.

«Вопросу развёртывания при детских домах подсобной сельскохозяйственной базы в течение последних 3-х лет уделялось большое внимание»⁵⁴⁷, – говорилось в одном из отчётов воронежского ОблОНО в 1935 г. Отмечалось, что за исключением небольшого числа детских домов (трёх в Тамбове, по одному в Мичуринске и Моршанске) «все детские дома области имеют подсобную сельскохозяйственную базу, начиная с 3-х и [заканчивая] 300 га. Дальнейшее расширение земельных участков не требуется. До настоящего времени подсобная сельскохозяйственная база при детских домах служила целям материального укрепления их и привития детям трудовых навыков»⁵⁴⁸.

Следует отметить, что сами подростки были склонны к труду, проявляя неподдельный интерес к приобретению профессии. В апреле 1928 г. 14-летний ученик Уваровской школы Михаил Рачук написал письмо в

---

⁵⁴³ Там же. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 37.

⁵⁴⁵ Там же. Л. 75.

⁵⁴⁶ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 2. Л. 72.

⁵⁴⁷ Там же. Д. 24. Л. 62 об.

⁵⁴⁸ Там же.

Борисоглебский УНО: «Очень давно я лишился отца и матери. Ни родных, ни близких никого не осталось. Я рос безродным круглым сиротой. Чужие люди дали мне приют, и я последнюю зиму учусь в школе. Школа дала мне только грамоту, а больше я ничему в ней не научился, нас больше не учили ничему. <...> А я хочу ещё поучиться и выучиться что-нибудь делать... машины какие-нибудь или строить что-нибудь. Без дела мне скучно. Я прошу выучить меня работать»⁵⁴⁹.

Вопрос трудовой подготовки воспитанников детдомов был открытым на протяжении всего изучаемого периода. Его разрешение напрямую увязывалось с работой по преодолению беспризорности и являлось неотъемлемой частью по её профилактике. Однако отсутствие необходимых финансовых средств в местных бюджетах в 1920-е – первой половине 1930-х гг. не позволило приступить к его полноценной реализации. Трудовая подготовка воспитанников проводилась эпизодически и то лишь в некоторых детских учреждениях. Например, в Острогжском округе в 1929 г. только ставилась задача организации «трудовых комнат при детдомах», наряду с предоставлением «каждому детдому хотя бы небольшого земельного участка»⁵⁵⁰. Между тем, в ходе обследования ряда детдомов отрядами «лёгкой кавалерии», отмечалось, что дети имеют влечение к ремеслу (Уразово), где-то имеется кружок рукоделия (Валуйки).

Создание мастерских при детских домах (в основном кустарного характера) относится к периоду 1928–1929 гг., совпавшего с началом осуществления в стране форсированной индустриализации. Темпы создания мастерских, а также профиль их деятельности явно не соответствовали запросам времени. Ликвидация безработицы и растущая потребность промышленности в кадрах квалифицированных рабочих, особенно остро

---

⁵⁴⁹ Там же. Ф. Р–577. Оп. 1. Д. 528. Л. 171–172. Сын белорусских беженцев из Гродненской губернии Миша Рачук был мальчиком крепкого сложения, здоровым, проявлявшим большую склонность к ремеслу. Отец подростка был плотником-столяром и умер в Уварово в Гражданскую войну в 1919 г., здесь же умерла и мать в голод 1921 г., когда мальчику было семь лет.

⁵⁵⁰ ГАВО. Ф. Р–831. Оп. 1. Д. 75. Л. 19.

вставшая в 1930 г., заставила смотреть на детдомовцев как на потенциал решения кадрового вопроса в промышленности и сельском хозяйстве.

Весной 1934 г. президиум ВЦИК признал «совершенно неудовлетворительной» работу ОблОНО по организации мастерских при детдомах для подростков. Местным чиновникам отдела образования было предложено «разработать не позднее 10 июня 1934 г. и провести в жизнь план организации в каждом детдоме мастерских и добиться того, чтобы каждый подросток, выходящий из детского дома, имел определённую профессиональную выучку»⁵⁵¹.

По сведениям региональных властей, «мастерские учебно-производственного характера» были развёрнуты только в учреждениях для трудновоспитуемых. Например, воспитанниками слесарной мастерской в Тамбове «освоен выпуск шестисильных двигателей внутреннего сгорания, имеющих большой сбыт в колхозах»⁵⁵². В ряде других детдомов «по внедрению трудовых навыков детям помимо сельского хозяйства» имелись лишь примитивные мастерские по самообслуживанию. Оборудование мастерских при всех 29 школьных детдомах оценивалось в 145 тыс. руб. (из расчёта 5 тыс. руб. на одну мастерскую)⁵⁵³.

Летом 1935 г. воронежский Облисполком, отчитываясь перед СНК РСФСР о ходе выполнения постановления о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности⁵⁵⁴ в нашем регионе, утверждал, что «для организации трудовой подготовки воспитанников детдомов по каждому детдому определены виды труда и профессий, к которым должны готовиться воспитанники»⁵⁵⁵. Планом предусматривалась организация 25 мастерских (15 столярных, 3 слесарных, 5 пошивочных, 2 сапожных) с общим охватом 692 человека и 5 рабочих комнат на 134 человека. На эти цели требовалась

---

⁵⁵¹ Там же. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 78. Л. 52.

⁵⁵² ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 2. Л. 75.

⁵⁵³ Там же. Л. 72.

⁵⁵⁴ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 31 мая 1935 г. было продублировано на республиканском уровне – 14 июня вышло аналогичное постановление СНК РСФСР.

⁵⁵⁵ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 15. Л. 71 об.

внушительная сумма – 298 079 руб. Кроме того, ещё в шести вести детдомах профессиональное обучение предполагалось вести по линии сельского хозяйства. Однако «ввиду отсутствия денежных средств к организации мастерских не преступлено»⁵⁵⁶, – резюмировали местные чиновники. К концу года из-за недостаточного финансирования удалось открыть лишь 12 мастерских с охватом 400 беспризорников. В ряде детдомов (Тамбов, Добринка) воспитанники успешно освоили программу по столярному и слесарному производству, научившись выпускать хорошую мебель, двигатели и моторы⁵⁵⁷.

В 1936 г. ситуация значительно улучшилась, вследствие чего в 23 школьных детдомах открылись мастерские, позволившие начать трудовое воспитание 664 человек. Вместе с тем, отмечалось, что значительной части мастерских требуется дополнительное оборудование и механизация. При наличии к этому материальных возможностей «недостаточную практическую помощь в развёртывании мастерских» оказывает ОблОНО⁵⁵⁸.

Тем не менее в 1936 г. председатель ОблДТК М. Н. Тюрин сетовал на «слишком слабо» развёрнутое трудовое обучение воспитанников детдомов: мастерскими охвачены лишь 68 % подростков. В большинстве случаев мастерские недостаточно оборудованы, не механизированы, испытывают дефицит сырья, выделяемые же ОблДТК дотационные средства на дополнительное оборудование мастерских отдельные дома (Раненбург) не осваивают (10 тыс. руб.), в некоторых (Новохопёрск) мастерские отсутствуют вовсе⁵⁵⁹.

Дефицит необходимого сырья стал серьёзной проблемой для мастерских при детдомах. С ней же в 1930-е гг. сталкивались и производственные мастерские ОблДТК, которые в соответствии с директивами президиума ВЦИК, «ставят на трудовой путь беспризорных

---

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 39. Л. 12–13.

⁵⁵⁸ Там же. Д. 67а. Л. 3.

⁵⁵⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1532. Л. 3–4.

ребят и дают [им] значительную материальную помощь». Ситуация серьёзно тревожила Н. А. Семашко: «Вопреки прямому постановлению ВЦИК, возлагающему на местные органы задачу о снабжении этих предприятий сырьём, они до сих пор работают с перебоем именно вследствие недостатка сырья. А перебои в таких предприятиях означают не только угрозу срыва промфинплана, как на других предприятиях, но и деморализацию ребят, работающих на них, разложение их дисциплины»⁵⁶⁰. Между тем, на предприятиях ОблДТК трудилось 219 беспризорников, что составляло 82,7 % по отношению к взрослой рабочей силе. За первый квартал 1935 г. они дали 118 тыс. руб. чистой прибыли «на дело воспитания ребят».

В 1935 г. наркомат просвещения разработал типовую программу для производственных мастерских при детдомах и выпустил к ней объяснительную записку. На её основе каждому детскому учреждению предстояло разработать свою программу, учитывая утверждённые для детдома профессии и экономические особенности района его расположения. Весь курс производственного обучения был рассчитан на два года. В течение этого времени воспитанники в возрасте 12–14 лет, в соответствии с постановлением от 31 мая 1935 г., должны были ко времени своего выпуска из стен детдома овладеть определённой профессией.

Вся программа подготовки строилась в порядке постепенно возрастающей технологической сложности отдельных операций с учётом возрастных особенностей детей⁵⁶¹. Обучение предстояло начинать с тренировки отдельных приёмов, затем процесс усложнялся усвоением отдельных производственных операций. Далее обучаемый переходит к комплексным операциям, при помощи которых изготавливает несложные изделия или отдельные детали этого изделия. Заканчивать обучение следовало периодом самостоятельных работ, когда воспитанники должны самостоятельно выполнять отдельные изделия без помощи инструктора.

---

⁵⁶⁰ ГАВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 24. Л. 59. Н. А. Семашко имел в виду постановление президиума ВЦИК от 10 мая 1934 г. «О состоянии детских домов в ЦЧО».

⁵⁶¹ Там же. Л. 86.

Процесс производственного обучения делился на два этапа: учебный и производственный. Во время первого, ученического периода, ребёнок не покидал пределы мастерской, получая необходимые знания и навыки на месте. Работа в мастерских проходила по урочной системе – ежедневно по три урока длительностью 45 минут каждый, с двумя переменами по 10 и 15 минут. Для проверки усвоения материала предполагались разные виды работ: контрольные в конце каждого квартала и зачётные в конце каждого полугодия, опираясь на которые инструкторы выставляли соответствующие оценки. В дальнейшем, учитывая успеваемость и зачётные работы, квалификационная комиссия детдома устанавливала для каждого ученика разряд ученической и производственной сетки⁵⁶².

Второй, производственный, этап обучения подразумевал специализацию, когда учащиеся применяли и закрепляли полученные в ходе обучения навыки, умения, знания на различных работах производства, тем самым специализируясь на объектах производственной продукции, составленной на основе производственного профиля.

И, наконец, в завершении всего курса производственного обучения детдомовцам предстояло пройти практику на предприятиях (заводах, фабриках, МТС и т. д.), в ходе которой они смогли бы расширить, углубить и закрепить полученные ранее знания и навыки. «Кроме этого, – пояснялось в записке, – работая в стенах предприятий, воспитанники детдомов получают возможность сблизиться с рабочими, колхозниками, понять единую общую задачу, стоящую перед рабочим классом и колхозниками Советского Союза в строительстве бесклассового социалистического общества»⁵⁶³.

В конце 1930-х гг. констатировалось плохое состояние трудового обучения в детдомах. «Трудовое обучение детей – особо отстающий участок в работе детдомов и должного внимания ему со стороны ОблОНО не было

---

⁵⁶² ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 24. Л. 87.

⁵⁶³ Там же.

уделено»⁵⁶⁴, – сетовали власти в феврале 1938 г. Отдел пионеров, на основании проведённой проверки заявлял, что утверждённая Наркомпросом программа не выполняется, «учёта получаемых детьми знаний в большинстве детдомов не ведётся, квалификационные комиссии не созданы, инструкторы по труду в большинстве своём не имеют технического образования и почти не имеют педагогических навыков. В ряде детдомов мастерские не оборудованы, материалов недостаёт, а ассигнованные средства лежат неиспользованными»⁵⁶⁵. Неудивительно, что ряд воронежских заводов, несмотря на утверждённый облисполкомом план, отказывался от приёма детдомовцев, «в связи с чем трудоустройство проходило по отдельной договорённости с предприятием»⁵⁶⁶.

Давно было подмечено, что наступление весны и приносимая ею перемена настроения среди воспитанников требовали отступления от привычного уклада повседневной жизни детдомов. Необходимо было дать выход естественному стремлению детей погреться на солнце и вообще как можно больше времени проводить на свежем воздухе. Вследствие этого возникла острая необходимость в организации летнего оздоровительного отдыха, прогулок-экскурсий и т. д. В полной мере приступить к реализации этой идеи смогли лишь в 1930-е гг. На первых порах главными препятствиями ожидаемо стали недостаток материальных средств, а также несогласованность действий между отдельными организациями, участвовавшими в оздоровительной детской кампании, из-за чего, например, кампания 1934 г. «не принесла тех результатов, какие она должна была иметь»⁵⁶⁷. В дополнение ко всему, в оздоровительных учреждениях встречались случаи массовых заболеваний среди детей.

К слову, летняя оздоровительная кампания среди воспитанников детдомов, план которой президиум Облисполкома утвердил в июне 1934 г.,

---

⁵⁶⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 22.

⁵⁶⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 51.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 22.

⁵⁶⁷ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 30. Л. 33.

включала курортно-санаторную помощь 164 детям (преимущественно на территории ЦЧО; 4 человека отправились на южный берег Крыма), пребывание 310 детей в областных пионерлагерях и 950 детей в местных школьных. Расходы по проведению всех этих мероприятий ложились на плечи областных организаций: здравотдела, ОДД, профсовета, Деткомиссии, – составив в общей сложности 51 400 руб. В дополнение областной отдел народного образования, а также райисполкомы и горсоветы обязали организовать при всех детдомах летние оздоровительные площадки, обеспечив их необходимым спортивным оборудованием⁵⁶⁸.

Вопросы организации и проведения детского досуга в летнее время обсуждались на общегосударственном уровне. Особое внимание детским оздоровительным учреждениям и мероприятиям уделил проходивший в январе 1935 г. XVI Всероссийский съезд советов. «Ни одного детского учреждения (школы, детсада, детдома) не должно остаться без оздоровительной площадки»⁵⁶⁹, – вторили его делегатам в народном комиссариате здравоохранения РСФСР в марте 1935 г. В сельских районах предполагалось снабдить все детдома благоустроенным земельным участком, на котором разместились бы навес, душ, солярий, цветники, площадки для игр и многое другое. Учитывая дефекты прошлого года, предполагалось в основу всей предстоящей оздоровительной кампании положить «принцип борьбы за качество как медицинского обслуживания, воспитательно-педагогической работы, так и укрепления материальной базы»⁵⁷⁰.

Председатель ВЦИК М. И. Калинин также предлагал обратить особое внимание «на охват оздоровительными мероприятиями неорганизованных ребят, в том числе безнадзорных, через массовые формы оздоровительной работы», среди которых фигурировали вывоз ребят на дачи, организация

---

⁵⁶⁸ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

⁵⁶⁹ Там же. Д. 30. Л. 33.

⁵⁷⁰ Там же.

загородных экскурсий, туристические походы, устройство оздоровительных площадок при школах, скверах, парках культуры⁵⁷¹.

Важным элементом проводимой в детских учреждениях воспитательной работы являлось правильная организация внутренней нагрузки и режима воспитанников. Типовой распорядок дня в детдоме обычного типа конца 1920-х гг. выглядел следующим образом. От двух до пяти часов отводилось на школьную учебную работу и от одного до двух часов – на выполнение школьных заданий; от двух до трёх часов занимали работы в мастерских, если таковые были, и столько же отводилось на клубно-кружковую работу (пение, игры, беседы, громкие читки, выпуск стенгазет). Остальное время шло на самообслуживание и сон. Подъём воспитанников осуществлялся в 6–7 часов утра, далее следовала уборка помещения (с 7 до 8), после чего они завтракали (с 8 до 9), занимались в школе или мастерских (до 13–14 часов дня). Затем обедали (до 15), отдыхали (до 16) и приступали к выполнению внешкольных заданий (с 16 до 18). Потом ужинали (до 19), осуществляли клубно-кружковую деятельность (до 21) и, наконец, в 22 часа ложились спать (воспитанники младшего возраста делали это в 21)⁵⁷².

Определённая роль в воспитании государственных детей отводилась комсомолу. Отметим, что со своей миссией ВЛКСМ, в основном, не справился. В 1929 г. местные чиновники образования сетовали, что «со стороны комсомола до сего времени мало уделялось внимания на пионер работу в детдомах», в частности, в отношении подбора работников, частая смена которых и их неподготовленность срывают всю пионерскую работу и «зачастую она возникает не по инициативе комсомола, а по инициативе персонала, что отражается на организационной стороне работы»⁵⁷³. В 1931 г. воронежскими властями отмечалось слабое участие комсомола в поднятии

---

⁵⁷¹ Там же. Л. 32.

⁵⁷² ГАВО. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 196. Л. 15–15 об.

⁵⁷³ Там же. Л. 15.

общественно-политического воспитания в детских учреждениях и налаживании их внутренней жизни⁵⁷⁴.

Тем не менее, к концу 1930-х гг. при каждом детском доме имелась пионерская организация. Однако количество так и не переросло в качество. В начале 1938 г. в бюро обкома ВЛКСМ с сожалением отмечали, что «пионерские форпосты» в абсолютном большинстве детских домов не являются организаторами их внутренней жизни, зачастую «сами пионеры вместо примерности в поведении являются недисциплинированными. Политико-воспитательная работа в детских домах поставлена совершенно неудовлетворительно»⁵⁷⁵. Справедливую критику вызывало преступное равнодушие комсомольских ячеек на местах: «Райкомы ВЛКСМ проходят мимо вопиющих безобразий, творящихся в детских домах, не проявляют повседневной заботы об улучшении жизни детей, забывают, что они вместе с райОНО несут полную ответственность за состояние детских домов и постановку воспитательной работы в них»⁵⁷⁶. В вину ставилось также и то, что «комсомольские организации на местах не интересуются существом воспитательной работы в детдомах, кадрами руководителей в них и не оказывают практической помощи в работе детских домов»⁵⁷⁷.

Возможно, одной из причин сложившейся ситуации стала пресловутая низкая оплата труда, слабо мотивировавшая пионеров на активную деятельность в стенах детучреждений. В ОблОНО считали, что размер зарплаты пионервожатых детских домов должен быть ниже зарплаты школьных пионервожатых и неуклонно придерживались этого принципа. По актуальным на 1938 г. данным, в семи детских домах из-за отсутствия пионервожатых никакой работы не ведётся по несколько месяцев⁵⁷⁸. Отмечалось также, что «пионервожатые при детдомах по своей подготовке

---

⁵⁷⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1547. Л. 11.

⁵⁷⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 44.

⁵⁷⁶ Там же.

⁵⁷⁷ Там же. Л. 57.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 59.

очень слабые. Практической помощи со стороны ВЛКСМ они не имеют. Не во всех детдомах оборудованы и приспособлены пионерские комнаты»⁵⁷⁹.

Предполагалось в течение летней кампании 1938 г. «пропустить всех воспитанников детдомов через пионерские лагеря», для чего при каждом детском доме было необходимо организовать самостоятельный пионерский лагерь⁵⁸⁰. Обком ВЛКСМ обязывал работающих в детских домах комсомольцев «в первую очередь своим личным примером учить детей культурности, аккуратности и дисциплине, решительно искореняя безразличное и формальное отношение к детям», а также «своим поведением и настойчивой работой добиваться хороших взаимоотношений между воспитанниками и воспитателями в детском доме, прививать детям чувство ответственности перед коллективом за сохранение общественного имущества, за свои проступки и поведение»⁵⁸¹.

В 1930-е гг. в детдомах стали уделять большее внимание политическому воспитанию. Особо подчёркивалось, что «детские дома являются государственными учреждениями, на которые партией и правительством возложена задача воспитания детей, не имеющих семьи, в коммунистическом духе»⁵⁸². Коммунистическое воспитание предполагало проведение бесед о жизни и борьбе рабочего класса и трудящихся за рубежом, о социалистическом строительстве в СССР, о героизме советских людей, о партии большевиков и её вождях, о Красной армии и военно-морском флоте. Для проведения бесед с детьми следовало привлекать участников Гражданской войны, старых большевиков, стахановцев, орденосцев и командиров Красной армии⁵⁸³.

---

⁵⁷⁹ Там же. Л. 20.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 45.

⁵⁸¹ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 45.

⁵⁸² Там же. Л. 222.

⁵⁸³ Там же. Л. 103. Элементы взяты из постановления бюро воронежского обкома ВКП (б) от 9 мая 1938 г. «О проведении оздоровительной и культурно-массовой работы с детьми в летний период 1938 г.». Предполагалось, что в пионерских лагерях оздоровительная работа будет сочетаться с коммунистическим воспитанием. Осмелимся предположить, что

Для усиления политического воспитания в детучреждениях была введена должность заместителя заведующего по воспитательной части. Также вести работу по политическому воспитанию детей предстояло пионерской организации. В документах часто отмечалось, мягко говоря, невысокое качество работы пионервожатых. Обращаясь в 1938 г. к руководящему составу детдомов и школ, ОблОНО придавало важнейшее значение вопросу «о воспитании патриотизма у детей, любви к нашей родине, любви и преданности к партии большевиков и т. Сталину. Этой задаче должна быть подчинена вся учебно-воспитательная работа. С этой целью необходимо использовать такие события, как подвиг папанинцев, лётчиков Чкалова, Громова и других героев Советского Союза»⁵⁸⁴. Вместе с тем следовало «держат детей в курсе текущих событий, разъясняя им вопросы международного положения, о шпионской и вредительской деятельности троцкистско-бухаринской банды, воспитывая у детей ненависть к врагам народа и готовность любой ценой защищать свою родину», беспощадно бороться со всеми её врагами.

Однако подобная «программа» требовала соответствующей подготовки, которой у педагогического персонала воронежских детдомов не оказалось. Причём ни в конце 1920-х, ни в конце 1930-х гг. «Весьма слабо поставлено общественно-политическое воспитание детей, – отмечали чиновники Острогожского ОкрОНО в 1929 г. – Воспитанники детдомов мало или почти не знакомы с очередными задачами и кампаниями, проводимыми правительством и партией, а если и знакомы, то не принимают участия в их проведении. Интернациональное воспитание и общественно-полезная работа отсутствует»⁵⁸⁵. В 1938 г. отмечалось, что в целом ряде детских домов области «недостаточно проводились беседы на политические темы и в планах воспитателей совершенно отсутствуют элементы коммунистического

с высокой долей вероятности эти же элементы или схожие с ними закладывались в основу политического воспитания в детских домах региона.

⁵⁸⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 231.

⁵⁸⁵ ГАВО. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 196. Л. 14 об.

воспитания, вследствие чего среди воспитанников имеются нездоровые политические настроения: рассказывание антисоветских анекдотов, неправильное отношение к портретам вождей, рисование врагов народа»⁵⁸⁶. Особенно «нездоровое настроение» отмечалось среди детей репрессированных родителей.

Для организации в стенах детдомов кружковой, культмассовой работы от воспитателя требовалось овладение каким-либо видом внешкольной работы либо привлечение специалиста со стороны (напр., по хоровому пению). Внешкольная работа организовывалась в интересах общественно-политического воспитания детей, расширения их кругозора, была направлена на углубление полученных в процессе учёбы знаний, развитие творческих способностей, активное участие в самодеятельности. По убеждению чиновников, «внешкольная работа должна стать любимой формой времяпрепровождения детей, вносить в их жизнь красочность и разнообразие»⁵⁸⁷. Наиболее желательными видами кружковой работы признавались физкультура и разные виды спорта, а также работа по технике, хоровое пение и драматические кружки. Обязательным видом внешкольной работы считалось чтение книг и газет, для чего детдома должны иметь собственные библиотеки.

Один из недостатков кружковой работы заключался в том, что она не выходила из стен детского дома. Вся деятельность проводилась в специально выделенных комнатах, если позволяло помещение, или в общих комнатах: столовой, зале и т. д. Лишь редкие учреждения имели в своём распоряжении специальное помещение клуба, оборудованное радио- и киноустановкой (Писаревка)⁵⁸⁸.

Однако, как и в случае с политическим воспитанием, внешкольная работа в детдомах являлась слабым местом, а культурные развлечения поставлены из рук вон плохо. Отсутствовал необходимый для этого

---

⁵⁸⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 59.

⁵⁸⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 230.

⁵⁸⁸ ГАВО. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 196. Л. 15.

спортивный инвентарь (лыжи, коньки, санки), не хватало настольных игр и музыкальных инструментов, пионерские комнаты были не оборудованы⁵⁸⁹. Слабая внешкольная работа, а местами её отсутствие, порождали среди детей хулиганство. Отдельные организованные кружки числились лишь на бумаге, а в те, которые работали, недисциплинированных детей не вовлекали. Мало проводилось вечеров самодеятельности, дети практически не ходили в кино.

В Павловском детдоме за два месяца не провели ни одного массового мероприятия. «Кружки не работают, запросы детей не учитываются и не удовлетворяются, библиотека в течение двух месяцев совершенно не работала, стенная газета не выходит, – отмечалось в докладной записке отдела пионеров обкома ВЛКСМ, – под Октябрьские торжества бывшая заведующая детдомом Ноздрина избила девочку, в ответ на это издевательство дети не вышли на демонстрацию»⁵⁹⁰. Аналогичное положение с воспитательной работой наблюдалось в Коротоякском детдоме, воспитательница которого Клепикова «грубо относится к мальчикам, разжигает среди детей ссоры, обзывает их “троцкистами” и “фашистами”. 15 провинившихся человек она оставила без ужина»⁵⁹¹.

Неудовлетворительно в детских учреждениях региона была организована учебная работа. Во второй половине 1920-х гг. в детдомах области повсеместно отмечалась нехватка учебников, учебных пособий, письменных принадлежностей, что негативно отражалось на учёбе, приводя к отставанию детей и развитию среди них второгодничества; ветхость хранящихся в библиотеке книг, а где-то и отсутствие библиотек как таковых. В Острогжском ОкрОНО сетовали в конце 1920-х гг., что «на учебную часть на воспитанника в год отпускается 2 рубля, что, конечно, недостаточно»⁵⁹².

Остро ощущался дефицит педагогических кадров, из-за чего к занятиям в учебном году зачастую приходилось приступать с опозданием. В 1929 г. в

---

⁵⁸⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 51.

⁵⁹⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 51.

⁵⁹¹ Там же.

⁵⁹² ГАВО. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 196. Л. 14.

школе Пятницкого детгородка, располагавшегося в сл. Волоконовка, занятия начались только с 20 сентября, поскольку преподавательский персонал перевёлся в другие школы по собственному желанию. В течение нескольких лет детгородку не удавалось освоить собор Пятницкого монастыря, расположенного на территории его усадьбы и отошедшего во владение городка в 1927 г. В здании предполагалось открыть школу-семилетку, для чего было выделено даже 13 тыс. руб.⁵⁹³

Во многих детских домах отсутствовали комнаты для приготовления детьми домашних заданий. Такая ситуация фиксировалась, например, в Хреновском детдоме Бобровского уезда в 1934 г.⁵⁹⁴ Однако уже к началу нового учебного года, в соответствии со взятыми по условиям соцсоревнования с Задонским детдомом обязательствами, воспитанникам предполагалось отвести отдельную комнату для занятий, обеспечить её учебными пособиями, сделать шкаф с индивидуальными ящиками⁵⁹⁵.

Так, к 1938 г. школа Писаревского детдома по-прежнему не была укомплектована руководящими и педагогическими кадрами, в здании продолжался ремонт, отсутствовали парты и учебно-наглядные пособия. В совокупности это приводило к срыву занятий. В других детдомах некоторые воспитанники проявляли недисциплинированность или вовсе не посещали уроки, отмечались случаи недостаточной обеспеченности школ учебными пособиями, отсутствие индивидуального подхода к детям при подготовке уроков со стороны воспитателей, а также связи воспитателей детдомов с педагогами школ⁵⁹⁶. В исследуемый период времени возобладала тенденция, когда школы и детские дома разграничивали «сферы влияния» на детей, исходя из того, что «школа только обучает, а детский дом только

---

⁵⁹³ Там же. Д. 75. Л. 6.

⁵⁹⁴ ГАВО. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 78. Л. 57 об.

⁵⁹⁵ Там же. Л. 59.

⁵⁹⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 60. Сами власти нередко встречавшиеся на практике случаи пропуска занятий воспитанниками детдомов объясняли такими «объективными» причинами, как отсутствие обуви и одежды. Часто опоздания происходили по вине детдома.

воспитывает», что, конечно, было извращённым толкованием сути педагогического процесса, в котором обучение и воспитание представляли собой единое и неразрывное целое. Отсюда проистекала слабость воспитательной работы в школах, с одной стороны, и непонимание многими детдомами огромного воспитательного значения школы и школьного обучения, с другой.

Если детдом не располагал собственной школой, его воспитанники проходили обучение в обычной школе, располагавшейся поблизости. В ряде школ классы комплектовались исключительно детдомовцами. Мотивировалось это их меньшей дисциплинированностью по сравнению с детьми из семей. Подобная практика сегрегации встречала резкую критику со стороны ОблОНО, который призывал директоров школ «бороться с такими нездоровыми настроениями среди учителей, иногда проникающими и в среду родителей», поскольку «выделение детей детских домов в особые классы способствует ещё большей их замкнутости, суживает интересы и кругозор детей, ставит их в искусственные условия воспитания»⁵⁹⁷. Вместо этого «школа и детский дом должны стимулировать возникновение дружеских отношений» между детдомовцами и детьми из семей.

Как правило, для детдомовцев была характерна невысокая, даже низкая, успеваемость, вызванная существенными пробелами знаний и перерывами в занятиях, «которые обычно предшествуют приёму детей в детдом»⁵⁹⁸. Также отмечались «недостаточные навыки к систематической и усидчивой работе». Нередко за школьные парты садились переростки, испытывавшие в окружении младших детей естественную неловкость. Всё это в совокупности требовало определённой гибкости и «особого внимательного отношения» от педагогов. Однако на практике всё было с точностью до наоборот. «При огульном подходе к этим детям» без учёта их особенностей, «а тем более допущении бестактности со стороны учителей у

---

⁵⁹⁷ ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 225.

⁵⁹⁸ Там же. Л. 226.

некоторых детей возникает неприязненное отношение к школе, у других падает уверенность в себе»⁵⁹⁹.

Серьёзно отставая в учёбе, будучи зачастую изгоями в школе, а также столкнувшись с халатностью детдомовских воспитателей по отношению к процессу обучения и в отсутствии условий для успешной учебной деятельности, детям оказалось невозможно рассчитывать на дальнейшее поступление в учебные заведения выше среднего уровня.

В то же время органы власти в своих официальных отчётах пытались завуалировать имевшиеся проблемы. В 1936 г. ОблДТК отмечала улучшение учебно-воспитательной работы среди детей: «Ряд детдомов дают успеваемость не ниже 95 % (Богучар, Усмань, Бутурлиновка и др.). По 26 школьным домам работают 80 кружков. Пионерорганизацией охвачено 65,5 % детей. На летнее каникулярное время Облдеткомиссия совместно с ОблОНО организует смотр детской художественной самодеятельности среди воспитанников детдомов»⁶⁰⁰.

Таким образом, изучение данного тематического сюжета позволило выяснить, что вплотную приступить к воспитанию государственных детей удалось лишь к началу 1930-х гг. На детские дома государством была возложена основная задача по обеспечению будущей социализации их воспитанников. Выбранные направления социализации хорошо вписывались в исторический контекст эпохи. Привитие трудовых навыков в ходе профессионального обучения должно было способствовать востребованности бывших детдомовцев на возводимых в ходе индустриализации предприятиях, создаваемых во время коллективизации колхозах и совхозах. Тем более, что уже в 1933 г. власти громогласно заявляли о преодолении «дьявольского отставания» в развитии промышленности от передовых капиталистических стран: «...сейчас не подлежит сомнению, что по целому ряду важнейших

---

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ ГАВО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 67а. Л. 4.

отраслей промышленности СССР занял первое место и в то же время стал страной самого крупного земледелия в мире»⁶⁰¹.

Учебная, внешкольная и культурно-массовая деятельность отвечала задачам культурной революции и подлинного коммунистического воспитания. Нуждалось государство также в крепких, физически развитых людях, которые смогли бы продолжить дело партии и правительства в построении социализма. Более того, социализация должна была выступить в качестве последующего социального лифта бывшего детдомовца.

В конце 1930-х гг. воронежскими властями отмечалось, что «детские дома имеют все условия для того, чтобы дети в них могли нормально развиваться, жить всеми радостями счастливого детства, обеспеченного победой социализма», а также для того, чтобы «воспитать физически здоровых, всесторонне развитых и преданных делу коммунизма людей». Для подкрепления этих условий правительство выделило в 1938 г. детдомам Воронежской области около 10 млн руб.⁶⁰²

Однако низкая квалификация воспитательно-педагогического персонала детских учреждений, общая засорённость кадров вследствие высокой текучки и регулярных чисток, не позволили реализовать эту задачу на практике. Не оправдались надежды на помощь со стороны комсомола, несмотря на в целом достаточно широкий к концу 1930-х гг. охват детдомов пионерскими организациями. Успешной социализации мешала также слабая материальная база детдомов.

Обучение детдомовцев трудовым навыкам в изучаемый период прошло эволюционный путь. Начинаясь как необходимое условия для улучшения продовольственного обеспечения и в качестве профилактической меры беспризорности, в дальнейшем оно переросло в неотъемлемую часть профессиональной подготовки воспитанников к выпуску в самостоятельную жизнь. Функционирование мастерских при детдомах – тема весьма

---

⁶⁰¹ Там же. Ф. Р-1417. Оп. 1. Д. 78. Л. 62.

⁶⁰² ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2447. Л. 222.

противоречивая. Хорошая по своей сути идея в силу разных причин не получила в реальной жизни достойного воплощения. Отсутствие квалифицированных педагогов и постоянная нехватка сырья привели лишь к имитации обучения и, как следствие, неудовлетворительным результатам. Из-за этого часто возникали проблемы с трудоустройством.

Тем не менее, несмотря на вышесказанное, ряд благодарственных писем бывших детдомовцев в адрес областной Детской комиссии по случаю 15-летнего юбилея её деятельности свидетельствовали о не пропавших даром усилиях государства, позволивших части лишённых родительской опеки детей вытянуть путёвку в жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление советского государства проходило в экстремальных условиях военного времени. Столкнувшись с проблемой беспризорности и безнадзорности, власть испытывала острую нехватку средств, необходимого опыта и квалифицированных сотрудников. Очевидно, что в эйфории коммунистических лозунгов масштабность проблемы удалось осознать не сразу. Отсюда и столь тернистый путь её преодоления.

Решение «детского вопроса» для Воронежской губернии было чрезвычайно важным, поскольку по статистическому учёту 1924 г. 58 % населения региона составляли дети и подростки в возрасте до 18 лет.

Беспризорность, ставшая в начале XX в. следствием крупных геополитических конфликтов и острых внутренних противоречий, приняла угрожающие для молодого советского государства масштабы. 1920-е и первая половина 1930-х гг. прошли под знаком борьбы с детской беспризорностью и вызванными ею побочными социальными явлениями. Вряд ли стоит ставить

под сомнение искренность большевиков в вопросах преодоления такой социальной язвы, как беспризорность. Однако их видение решения данной проблемы отличалось своеобразностью классового подхода. Кампания по ликвидации беспризорности в нашей стране с самого начала приобрела политическую окраску, в силу чего была сделана ставка на государственный патронат и в меньшей степени на общественную инициативу, а также сознание отдельных граждан. Во властных коридорах и на различного рода съездах не один год шла дискуссия о методах работы с оставшимися без попечения взрослых подростками, вследствие чего были вызваны к жизни многочисленные специализированные учреждения – приёмники-распределители, ночлежки, детские дома, трудовые колонии. Перманентность и острота проблемы потребовала принятия кардинальных (репрессивных) мер со стороны властей. В результате осуществлённых мероприятий удалось значительно снизить градус социальной напряжённости в обществе, хотя окончательно искоренить это явление не удалось.

Воронежская губернская / областная Детская комиссия по улучшению жизни детей в период с 1921 по 1938 гг. была единственным органом в регионе, занимавшимся исключительно вопросами беспризорности и поисками путей её преодоления. Появление этого межведомственного органа было полностью оправдано, поскольку решение столь масштабных задач силами какого-либо одного ведомства оказалось невозможно. Очевидно, что в деятельности Воронежской ДТК имелись недочёты: хаотичная бухгалтерия 1920-х гг., позволявшая скрывать следы хищений и использования сотрудниками денежных средств в личных целях вместо оказания помощи детям, или недостаточная организационно-руководящая роль по объединению усилий различных ведомств, ведущих борьбу с беспризорностью, о чём неоднократно говорилось в отчётах рабоче-крестьянской инспекции.

В то же время неоценим тот вклад, который ДТК внесла в преодоление проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Воронежском регионе.

Во многом не её вина, что противоречивая политика властей, попеременно меняющая вектор в развитии страны, не только не подрывала основ беспризорности, но и породила её с новой силой.

Противоречивая политика государства, к сожалению, оказалась ориентирована не на искоренение беспризорности, а на борьбу с её негативными последствиями, из-за чего это явление так и не удалось победить окончательно. Судьба беспризорников, лишённых семьи, во многом зависела от внимания со стороны общества, но оно за редким исключением оказалось безучастным и даже жестоким. Беспризорников многие боялись, их ненавидели и сторонились. Даже некоторые дети предлагали «уничтожить беспризорников, а то вечером ходить нельзя»⁶⁰³. К концу 1920-х гг. подобные настроения стали полностью созвучны планам руководства страны.

Не отстраняя общественность от участия в решении проблемы беспризорности, напротив, предоставляя ей для этого широкие возможности, власти, тем менее, столкнулись с необходимостью стимулировать общественность к проявлению инициативы. Видимо, в условиях низкого уровня благосостояния советские граждане оказались не готовы к поддержке беспризорных на постоянной основе. Чувствовалась также усталость от долгосрочности проблемы. Как бы то ни было, именно пожертвования, с помощью которых обыватели несли вместе с государством бремя расходов по содержанию детдомовцев, стали основной формой участия общества в решении этой проблемы. Подобный исторический опыт со всей наглядностью показал, что во многом благодаря именно совместным усилиям власти и общества удалось добиться таких ощутимых результатов, как разгрузка детдомов, улучшение их финансирования и т.д.

Не вызывает сомнений внесённый сотрудниками правоохранительных органов посильный вклад в минимизацию беспризорности и оздоровление

---

⁶⁰³ Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 137.

социокультурного пространства в городах Центрально-Чернозёмного региона.

Подавляющее большинство детских учреждений Воронежской губернии / области в 1920–1930-е гг. пребывали в неудовлетворительном состоянии. Это подтверждалось данными неоднократных проверок, материалы которых отложились в фондах регионального архивохранилища. Как правило, причина объяснялась отсутствием достаточного и систематического контроля за работой детских домов, их хозяйственной деятельностью со стороны органов образования, комсомола и районных организаций.

В большинстве детских домов воспитанникам не были созданы нормальные бытовые условия, неудовлетворительно организовано снабжение их продуктами питания, крайне плохо поставлено медико-санитарное обслуживание воспитанников, на низком уровне находилась учебно-воспитательная работа и трудовое обучение.

В одном из отчётов утверждалось, что такое положение в детских домах стало возможным только потому, что местные органы не интересуются положением дел в детских домах, не привлекают общественность к участию в воспитании детей, в улучшении работы с воспитанниками. Попечительские советы при детских домах, как правило, не работают. Шефская помощь детским домам не организована. В 1934 г. местными властями с сожалением отмечалось, что несмотря на соответствующее постановление Облисполкома о взятии хозяйственно-профессиональными организациями шефства над детскими домами, «шефская работа не развёрнута, а где есть, там она формальная»⁶⁰⁴.

Другой причиной неудовлетворительного состояния детских учреждений следует признать равнодушное и безразличное отношение к воспитанникам, особенностям их быта, обучения, дальнейшей судьбы, а также в целом ко всему, что происходило в стенах детского дома. Этим

---

⁶⁰⁴ ГАВО. Ф. Р–1418. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.

преступным попустительством отличались практически все, кто так или иначе соприкасался с детьми: персонал детдомов, чиновники, производственники, представители общественности и комсомола.

Проблема детских учреждений и повседневной жизни их воспитанников носила комплексный характер и не ограничивалась исключительно стенами детского дома. Она требовала участия широкого круга заинтересованных лиц: властей разных уровней, обывателей, представителей общественности, производственников и т. д. Очевидно, что региональные власти в неменьшей степени, чем руководящий и воспитательный состав, были ответственны за сложившуюся в детдомах ситуацию. Регулярно встречавшиеся случаи недофинансирования, безответственная кадровая политика, игнорирование сигналов с мест о творившихся безобразиях носили деструктивный характер, усугубляя и без того трудное положение детских учреждений.

В детских учреждениях нашего региона наблюдалась высокая текучка кадров из-за слабой материальной базы, низкой зарплаты, высокой нагрузки, в конце концов, из-за банальной опасности за свою жизнь от повывавших виды трудных подростков. У многих педагогов и воспитателей наблюдалось демобилизационное настроение, и они ждали только повода, чтобы покинуть детское учреждение. Испытывая на этом участке работы кадровый голод, отделу народного образования зачастую приходилось посылать в детские учреждения непроверенных людей, как правило, мало подходящих для этого. Многие кадровые решения вызвали вопросы, зачастую недоумения. Помимо присущего большинству сотрудников непрофессионализма, вызванного отсутствием должной квалификации, спутниками воспитательного процесса стали грубое обращение с детьми, физическое и психологическое на них воздействие, а также отсутствие действенной помощи в постановке и методическом сопровождении воспитательной работы со стороны райисполкомов, горсоветов, комсомола, отделов образования.

Несмотря на предпринимавшиеся попытки отделов народного образования улучшить ситуацию за счёт постоянных ротаций, чисток, обновления кадрового состава, проводимых время от времени курсов повышения квалификации, поощрения отличившихся работников, добиться благополучного разрешения этого вопроса так и не удалось.

В 1930-е гг. на детские дома государством была возложена задача по обеспечению будущей социализации их воспитанников. Она включала в себя профессиональное обучение (в производственных мастерских, подсобных хозяйствах), учебную и культурно-массовую работу. Несмотря на трудности, сопровождавшие этот процесс, социализация выступила социальным лифтом для вчерашних беспризорников и позволила детям, лишённым родительской опеки, интегрироваться в советское общество.

Таким образом, происходившие на протяжении 1920–1930-х гг. в Воронежской губернии / области события в полной мере стали отражением государственной политики в области борьбы с детской беспризорностью и преступностью как социальной проблемой в рамках одного, отдельно взятого региона.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЦИК – Всероссийский (Всесоюзный) центральный исполнительный комитет

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

ГПУ / ОГПУ – Государственное политическое управление / Объединённое государственное политическое управление

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей

ДТК – Комиссия по улучшению жизни детей

ИТК – исправительно-трудовая колония

Комонес – Комиссия по делам несовершеннолетних

НКВД – народный комиссариат внутренних дел

НСШ – неполная средняя школа

ОДД – общество «Друг детей»

ОНО (ГубОНО / ОблОНО) – отдел народного образования

РКИ – рабоче-крестьянская инспекция

РКП (б) / ВКП (б) – Российская / Всесоюзная коммунистическая партия большевиков

РКСМ / ВЛКСМ – Российский коммунистический союз молодёжи / Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи

СНК – Совет народных комиссаров

СПОН – органы социально-правовой защиты несовершеннолетних

ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества

ЦЧО – Центрально-Чернозёмная область

ЮВЖД – Юго-Восточные железные дороги

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы:

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ, г. Москва):

Ф. Р–393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР);

Ф. Р–1235. Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК);

Ф. Р–5207. Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия ВЦИК) при Всероссийском центральном исполнительном комитете;

Ф. Р–4042. Главное управление местами заключения (ГУМЗ) Наркомата внутренних дел РСФСР;

Ф. Р–8434. Комиссия Всероссийского Центрального исполнительного Комитета по пересмотру и доукомплектованию личного состава милиции;

Ф. А–259. Совет министров РСФСР (Совмин РСФСР).

Государственный архив Воронежской области (ГАВО, г. Воронеж):

Ф. Р–1. Отдел народного образования Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и местные комитеты при показательных учреждениях;

Ф. Р–5. Административный отдел исполнительного комитета Воронежского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Воронеж);

Ф. Р–118. Исполнительный комитет Воронежского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Уисполком. г. Воронеж Воронежской губернии);

Ф. Р–577. Отдел народного образования Борисоглебского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Борисоглебск Тамбовской губернии).

Ф. Р–831. Отдел народного образования исполнительного комитета Острогожского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Окроно. г. Острогожск ЦЧО);

Ф. Р–1417. Детская комиссия по улучшению жизни детей Центрально-Черноземного областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и её учебно-производственные комбинаты (г. Воронеж);

Ф. Р–1418. Детская комиссия по улучшению жизни детей Воронежского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и управление учебно-производственными предприятиями при ней (г. Воронеж);

Ф. Р–1419. Детская комиссия по улучшению жизни детей Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Воронеж);

Ф. Р–1992. Отдел народного образования исполнительного комитета Борисоглебского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Окроно. г. Борисоглебск Центрально-Чернозёмной области).

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО, г. Воронеж):

Ф. 1. Воронежский губернский комитет ВКП(б);

Ф. 2. Областной комитет ВКП(б) Центрально-Чернозёмной области;

Ф. 3. Воронежский областной комитет КПСС;

Ф. 6. Воронежский губернский комитет ВЛКСМ;

Ф. 289. Коллекция документов по истории Воронежской областной комсомольской и пионерской организаций;

Ф. 290. Коллекция редких печатных изданий. 1886–1949 гг.;

Ф. 1034. Бобровский уездный комитет ВКП (б);

Ф. 1478. Новохопёрский уездный комитет ВКП (б);

Ф. 1676. Нижнедевицкий уездный комитет ВКП(б);

Ф. 5297. Партийный архив обкома ВКП(б).

Сборники документов:

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – М.: МФД, 2000. – 888 с.

Дети ГУЛАГа: 1918–1956 / Под ред. Акад. А. Н. Яковлева; Составители: Виленский С. С., Кокурин А. И., Атамашкина Г. В., Новиченко И. Ю. – М.: МФД, 2002. – 632 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 864 с.

Нормативно-правовые акты:

Федеральный закон РФ от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24 апреля 2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Утв. Президентом России 14 ноября 2013 г. // Президент России. Официальный портал. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653>

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 2 февраля 1925 г. // СУ РСФСР. Отдел II. 1925. № 8. Ст. 57.

Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. // СУ. 1920. № 13. Ст. 83.

Декрет СНК РСФСР от 2 декабря 1920 г. «Об изъятии опеки из ведения Народного Комиссариата социального обеспечения».

Декрет СНК от 11 февраля 1921 г. // СУ РСФСР. Отдел I. – М., 1921. – № 12. – С. 78.

Декрет СНК РСФСР «Положение об охране здоровья подростков и детей РСФСР» от 15 сентября 1921 г. // СУ РСФСР за 1921 г. – М., 1944. – С. 817–819.

УК РСФСР 1922 г. (ред. от 19 февраля 1925 г.). – Л., 1925.

УК РСФСР. С дополнениями и изменениями, принятыми по 19 февраля 1925 г. – Л., 1925.

Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15.12.1930 «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» // Собрание законодательства СССР. 1930. № 60. Ст. 640.

Сборник законов и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. С 1 января по 1 апреля 1918 г. Вып. 2. – М., 1918.

Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. – М., 1953.

Сборник действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР. Вып. 3. – М., 1932. – Ст. 17.

Сборник действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР. Вып. 3. – М., 1932. – Ст. 3.

Сборник важнейших постановлений и распоряжений ВЦИК РСФСР VIII созыва (01–11.1921 г.). – М., 1921.

Сборник действующих узаконений и распоряжений партии и правительства, постановлений Деткомиссии ВЦИК и ведомственных распоряжений по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Вып. 4. – М., 1936. – С. 97–98.

Сборник действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР, постановлений Деткомиссии при ВЦИК и ведомственных распоряжений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Вып. 2. – М., 1929.

Сборник действующих узаконений и распоряжений правительства Союза ССР и правительства РСФСР, постановлений Деткомиссии при

ВЦИКе и ведомственных распоряжений по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Вып. 3. – М., 1932.

Трёхлетний план борьбы с детской беспризорностью. – М.: Деткомиссия при ВЦИК, 1927. – 25 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы современного детства: сб. научных трудов / под общ. ред. Е. М. Рыбинского. – М.: [б. и.], 1992. – 70 с.

2. *Арефьев А. Л.* Беспризорные дети России // Социс. – 2003. – № 9. – С. 61–72.

3. *Артамонов П.* Задачи борьбы с детской беспризорностью и детдом (К партсовещанию по вопросам народного образования) // Народное просвещение. – 1929. – № 1. – С. 78–89.

4. *Антимонов М. Ю.* Беспризорность и социальная политика государства (на материалах Тамбовской области конца 1930-х годов) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2006. – Т. 12. – № 1. – С. 239–243.

5. *Афанасова Е. Н.* Работа Комиссии по улучшению жизни детей в борьбе с детской беспризорностью в 1920–1930-х гг. (На примере Иркутской области и Красноярского края) // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск, 2010. – С. 235–238.

6. *Афиногенов А.* Ложь // Забытые пьесы 1920–1930-х годов / Сост., текстологич. подгот., вступ. ст., ист.-реальный коммент., сведения о постановках пьес и биографиях авт. В. В. Гудковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 977 с.

7. *Балашов Е. М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 238 с.

8. *Бем О.* Борьба с детской беспризорностью // Народное просвещение. № 9–10. – М., 1924. – С. 47–49.

9. *Бендер Е. А.* Правовые основы борьбы с детской беспризорностью в РСФСР в 1920–1930-е гг. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 14. – С. 177–188.

10. *Бендина О.* «Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить!» Дискурсы жестокого обращения с детьми в 1920–30 годы (на материалах Саратовской губернии) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. – С. 392–413.

11. Беспризорность, безнадзорность несовершеннолетних. Опыт исследования проблемы в Саратовской области / под ред. И. Н. Коновалова. – Саратов: изд-во Саратов. гос. академии права, 2004. – 56 с.

12. Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми: сб. статей и материалов / под ред. В. Л. Швейцер и С. М. Шабалова. – М.: Главсоцвос Наркомпроса, 1926. – 215 с.

13. *Богуславский М. С.* Борьба с детской беспризорностью в РСФСР // Красная Новь. – 1927. – Кн. 8. – С. 139–163.

14. *Его же.* Дети улицы. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – 81 с.

15. *Василевский Л. М.* Голгофа ребёнка. Беспризорность и дети улицы. – М.; Л.: Книга, 1924. – 104 с.

16. *Василевский Л. М.* Детская «преступность» и детский суд. – Тверь: Октябрь, 1923. – 192 с.

17. *Гайворонский А. И.* Создание Воронежского губернского отдела народного образования (1918–1920 гг.) // Записки Воронежских краеведов. – 1987. – Вып. 3. – С. 27.

18. *Гербеёв Ю. В.* Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в СССР (1917–1935) // Доклады АПН РСФСР. 1963. № 1. С. 69–72.

19. *Гернет М. Н.* Социально-правовая охрана детства за границей и в России. – М.: Право и жизнь, 1924. – 68 с.

20. *Гиппиус З.* Живые лица. В 2 т. Т. 1. Стихи. Дневники [Сост., предисл. и коммент. Е. Я. Курганова]. – Тбилиси: Мерани, 1991. – 398 с.
21. *Гладыш С. Д.* Дети большой беды. – М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2004. – 432 с.
22. *Глатман Л.* О трудовом воспитании беспризорных // *Вожатый.* – 1925. – № 19–20. – С. 36–37.
23. *Горвиц Д.* Борьба с беспризорностью и безнадзорностью детей в СССР // *Советское государство и право.* – 1940. – № 5–6. – С. 122–136.
24. *Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия.* – М., 1983. – 703 с.
25. *Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / Под ред. проф. В. В. Зеньковского.* М.: Аграф, 2001. – 243 с.
26. *Детская беспризорность и детский дом: сб. статей и материалов II Всероссийского съезда СПОН по вопросам детской беспризорности, детского дома и правовой охраны детей и подростков / под ред. С. С. Тизанова и др.* – М.: отдел СПОН Главсоцвоса Наркомпроса, 1926. – 242 с.
27. *Деянова Н. В.* Советская общественность в борьбе с детской беспризорностью // *Народное просвещение.* – 1925. – № 1. – С. 106–112.
28. *Дзержинская С. С.* В годы великих боёв / под ред. И.А. Хренова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Мысль, 1975. – 502 с.
29. *Дорохина О. В.* Особенности советской системы социального вспомоществования в 20–40-е гг. XX в. и ее стратегические принципы // *Благотворительность в России как социальный институт: история, возрождение, развитие: материалы «круглого стола» / под ред. Л. В. Шведовой.* – М.: КДУ, 2007. – С. 71–80.
30. *Заика Р. А.* Производственный и территориальный принципы демократического централизма на примере СССР // *ExLegis: правовые исследования.* – 2019. – № 4. – С. 10–13.
31. *Зензинов В. М.* Беспризорные. – Париж: Современные записки, 1929. – 324 с.

32. *Камалдинова Э. Ш.* Безнадзорность и беспризорность // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 133–134.
33. *Курсанов М. Ф.* Руководство по производству дел в местных комиссиях по делам о несовершеннолетних / Под ред. И. И. Шеймана; Нар. ком. прос. РСФСР. Главсоцвос. Центр. комиссия по делам о несовершеннолетних. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – 118 с.
34. Комсомол и беспризорность: сб. статей / под ред. А.Д. Калининой. – М.: юношеск. сектор изд-ва «Пролетарий», 1926. – 51 с.
35. *Константинов Н. А., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. – М.: Учпедгиз, 1948. – 502 с.
36. *Конюс Э. М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940) / под ред. В. П. Лебедевой и Г. Н. Сперанского. – М.: Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954. – 404 с.
37. *Королёва В. М.* Социально-правовая охрана несовершеннолетних (20–30-е гг.): уч. пособ. / отв. ред. Д.А. Корецкий. – Ростов н/Д.: изд-во Ростов. высш. шк. МВД РФ, 1996. – 56 с.
38. *Кривоносов А. Н.* Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 92–98.
39. *Кудряшев А. В.* Общество «Друг детей» и преодоление детской безнадзорности в СССР в 1920–30-е годы // Профессиональное образование и общество. – 2015. – № 1 (13). – С. 32–38.
40. *Куфаев В. И.* Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. – М.: Работник просвещения, 1927. – 167 с.
41. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 гг. – СПб.: Летний сад, 1999. – 320 с.
42. *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 340 с.
43. *Лившиц Е. С.* Социальные корни беспризорности. – М.: Работник просвещения, 1925. – 207 с.

44. *Его же.* Некоторые итоги работы с беспризорными правонарушителями за 1924–1925 г. // На путях к новой школе. – 1925. – № 4. – С. 3.
45. *Люблинский П. И.* Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). – М.: [б.и.], 1923. – 302 с.
46. *Люблинский П. И., Копелянская С. Е.* Охрана детства и борьба с беспризорностью. – Л.: ACADEMIA, 1924. – 146 с.
47. *Маслова О. Б.* К вопросу о деятельности Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК в условиях голода и возросшей беспризорности в 1921–1922 гг. (на примере Ставрополя и Терека) // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – 12-2. – С. 59–64.
48. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1979. – С. 47. – 63 с.
49. Маро (*Левитина М. И.*) Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. – М.; Л.: Новая Москва, 1925. – 456 с.
50. «Мы подобрали с улицы еще 2000 детей». Когда в СССР в действительности исчезла побежденная в 1920-х беспризорность // Коммерсантъ Власть. 2014. №7 24 февраля. С. 68. <https://www.kommersant.ru/doc/2411256> [Дата обращения: 2.08.2021].
51. *Наумова Ю. А.* Общественность в борьбе с беспризорностью // Народное просвещение. – 1926. – № 8. – С. 65–67.
52. На помощь детям: общественно-литературный и научный сборник, посвященный вопросам борьбы с детской беспризорностью. – М.: Деткомиссия ВЦИК, 1926. – 120 с.
53. Наши детские дома и городки: сб. статей / под ред. А. И. Радченко. – М.: Новая Москва, 1926. – 79 с.
54. *Неверов А. С.* Ташкент – город хлебный. – М.: [Земля и фабрика], 1923. – 168 с.
55. *Нечаева А. М.* Охрана детей-сирот в России (история и современность). – М.: Дом, 1994. – 176 с.

56. *Её же.* Детская беспризорность – опасное социальное явление // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 57–65.
57. *Никитин С. А.* Как квакеры спасали Россию; Вступительная статья В. Аксёнова. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 408 с.
58. *Никитина А. М.* Деятельность первого наркома здравоохранения Н. А. Семашко по улучшению жизни детей (по материалам ЦГАОР) // Вопросы охраны материнства и детства. – 1965. – № 10. – С. 77–79.
59. *Ногина О. П.* 30 лет охраны матери и ребенка в СССР. – М.: Минздрав СССР, 1947. – 44 с.
60. *Пащенко Н. В.* Общество «Друзья детей» Воронежской губернии в середине 1920-х гг.: история создания, основные направления деятельности // Берегиня.777.Сова. 2012. №3 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-druzya-detey-voronezhskoy-gubernii-v-seredine-1920-h-gg-istoriya-sozdaniya-osnovnyie-napravleniya-deyatelnosti> (дата обращения: 15.07.2020).
61. *Попов М. В.* Детская беспризорность и патронирование. – Иваново-Вознесенск: издание Областной Деткомиссии Ивановской промышленной области, 1929. – 32 с.
62. *Перцев В. А.* Попытка решения жилищного вопроса в Воронежском крае в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Воронежский вестник архивиста. – 2010. – № 8. – С. 110–120.
63. *Рабинович* Друзья детей и беспризорность // Друг детей. – 1925. – № 1. – С. 5.
64. *Рожков А. Ю.* Беспризорники // Родина. – 1997. – № 9. – С. 70–76.
65. *Его же.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. – 2000. – № 11. – С. 134–139.
66. Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском / сост. М. Ф. Розвадовская, В. М. Слуцкая. – М.: Политиздат, 1967. – 335 с.

67. Саламатина О. В. Безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних // *Здравоохранение Югры: опыт и инновации.* – 2018. – № 4. – С. 69–70.

68. Синова И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. – 287 с.

69. Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 172 с.

70. *Его же.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Советской России 1917–1952 гг. – Сыктывкар: Коми республ. академ. гос. службы и управления, 2009. – 419 с.

71. *Его же.* Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // *Известия Алтайского государственного университета.* – 2009. – №4–4. – С. 229–234.

72. *Его же.* Динамика численности беспризорных детей в России (1920–1940 гг.) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* – 2009. – Вып.11. – № 6–1. – С. 160–164.

73. *Его же.* История беспризорного и безнадзорного детства в России: конец 1920-х – начало 1950-х годов. – Чебоксары: Перфектум, 2012. – 400 с.

74. *Его же.* Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 гг. // *Вестник Тюменского государственного университета.* – 2009. – № 7. – С. 140–146.

75. Смирнова Т. М. «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России. 1918–1930-е гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России».* – 2007. № 2. – С. 26.

76. *Её же.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. – М.; СПб: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 384 с.

77. *Струкова Е. Н.* Детская беспризорность и пути её преодоления в Воронежской губернии (1918–1921) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 98. – № 6. – С. 203–207.

78. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2001. – 336 с.

79. *Фролов А. А.* Идеи трудовой школы в педагогическом наследии А. С. Макаренко // Вопросы трудового воспитания и политехнического обучения в истории советской педагогики и школы: межвузовский сборник научных трудов / ред. коллегия М. Г. Хитарян и др. – М.: [б. и.], 1983. – С. 6–13.

80. *Ходоровский И.* Основные черты современного состояния народного просвещения в РСФСР // Красная Новь. – 1923. – № 7 (17). – С. 137–167.

81. XV лет работы по улучшению жизни детей. Стенограмма заседания Президиума ВЦИК 20 февраля 1936 г. Деткомиссия при ВЦИК. – М., 1936.

82. *Черепенина Н. Ю.* Комиссия по улучшению жизни детей: дела и люди // Беспризорность и безнадзорность в России: история и современность: материалы научно-практической конференции. – СПб., 2009. – С. 44–48.

83. *Чукаев С. В.* Интернациональное воспитание детей // Материалы к 3-й Всероссийской конференции по охране детства. 25–30 мая 1930 г. – М.; Л., 1930. – С. 36–43.

84. *Шахова Е. С.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на территории Курской губернии в 1927 г. // Современные гуманитарные исследования. – 2008. – № 1 (20). – С. 30–34.

85. *Её же.* Историко-правовой анализ борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью первых лет советской власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2013. – №3. – С. 7–17.

86. *Шульгин В. Н.* Предисловие // *Лившиц Е.* Социальные корни беспризорности. – М.: Работник просвещения, 1925. – С. 4.

87. *Этштейн М.* Состояние детской беспризорности и очередные задачи борьбы с ней // Народное просвещение. – 1928. – № 1. – С. 54–63.

88. *Ball Alan M.* And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. – Berkeley: University of California press, 1996. – 335 p.

89. *Figes O.* The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. – London: Penguin Books, 2008. – 740 p.

90. *Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991. – New Haven; London: Yale University Press, 2007. – 714 p.

91. *Weitz Siegfried C.* Geschichte der Jugendverwahrlosung in der Sowjetunion. Band 1-2. Zweite Auflage. – Marburg: Transdata Publ., 1990. Band 1: Darstellung. – 386 p. Band 2: Dokumentation. – 275 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

Алексамян Н. А. Становление советских органов власти Воронежской губернии в 1917–1922 гг.: организационный, кадровый аспекты: дис. ... канд. ист. наук. – Белгород, 2018. – 287 с.

Бендер Е. А. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920–1930-е гг.: на материалах Ленинграда и Ленинградской области: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2015. – 26 с.

Блонский Л. В. Детская беспризорность в СССР периода НЭПа: опыт ликвидации: на материалах Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2004. – 24 с.

Бутова И. Н. Формирование рабочего класса промышленных предприятий в условиях НЭПа: общее и особенное (на материалах Воронежской и Курской губерний): дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2010. – 183 с.

Евстратов А. Г. Индустриализация Воронежской области в середине 20-х – 40-х гг. XX в.: противоречивые тенденции, итоги, исторический опыт: автореф. ... канд. ист. наук. Белгород, 2015. – 26 с.

Карасёва А. А. История функционирования и развития системы детских домов РСФСР в 1929–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2015. – 30 с.

Орлова Ю. Р. Криминологическое изучение безнадзорности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 26 с.

Пащенко Н. В. Проблемы работы с детьми и несовершеннолетней молодежью в первые годы НЭПА: на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний: дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2006. – 218 с.

Реутова А. Д. Ликвидация массовой детской беспризорности в 1921–1935 гг. (на материалах Верхневолжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2004. – 25 с.

Сажина Н. С. Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921–1928 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.

Сёмина Н. В. Борьба с детской беспризорностью в 1920–1940-е годы в России: на примере Пензенского региона: дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2007. – 283 с.

Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие Советской власти: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2005. – 27 с.

Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х - начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Самара, 2011. – 43 с.

Третьякова О. А. Предупреждение безнадзорности и преступлений несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – 24 с.

Федотова А. Ю. Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011. – 273 с.

Чебаковская А. В. Решение проблемы детской беспризорности в Карелии в 1918 – первой половине 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Петрозаводск, 2021. – 348 с.

Шарапов А. Е. Правовое регулирование исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних преступников в 30-х годах XX века в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 167 с.